

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Кубанцева Ольга Олеговна

Уголовная ответственность за вывоз капитала за пределы Российской Федерации

Специальность 5.1.4 – Уголовно-правовые науки

Диссертация на соискание
ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:

доктор юридических наук,
профессор Яни П.С.

Москва – 2023

Оглавление	
Введение	3
Глава I. Уголовная ответственность за вывоз капитала: межотраслевой и исторический аспекты	18
§ 1. Место и роль уголовно-правового запрета в системе мер противодействия вывозу капитала	18
§ 2. Развитие уголовного законодательства об ответственности за вывоз капитала из Российской Федерации.....	47
Глава II. Вывоз капитала как валютное преступление: понятие, объект, предмет	58
§ 1. Понятие валютных преступлений в теории российского уголовного права	58
§ 2. Объект вывоза капитала как валютного преступления	72
§ 3. Предмет вывоза капитала как валютного преступления	91
Глава III. Проблемы применения норм об ответственности за вывоз капитала	100
§ 1. Проблемы квалификации вывоза капитала по объективным признакам валютных преступлений.....	100
§ 2. Проблемы квалификации вывоза капитала по субъективным признакам валютных преступлений	158
§ 3. Проблемы квалификации вывоза капитала, связанные с разграничением валютных преступлений и легализации преступных доходов	170
§ 4. Амнистия капиталов и проблемы освобождения от ответственности за валютные преступления на основании ст. 76 ¹ УК РФ.....	183
Заключение	192

Введение

Актуальность темы исследования

Выбор в качестве темы исследования проблем уголовной ответственности за вывоз (вывод, бегство) из Российской Федерации капиталов обусловлен высокой потребностью в усилении мер уголовно-правового противодействия этим видам преступлений в сфере экономической деятельности ввиду постоянно декларируемой заинтересованности государства в существенном сокращении объемов выводимого из российской экономической системы имущества.

Сохранение и преумножение в российской системе экономического потенциала, выраженного в материальных и нематериальных активах, напрямую лежит в плоскости государственных и национальных интересов, способствуя стабильности экономики и ее росту, вследствие чего защищается и социальная сфера.

Согласно официальным данным Банка России в 2014 г. объем выведенных за рубеж денежных средств в банковском секторе составил 816 млрд рублей, к 2021 году он сократился до 43 млрд рублей¹.

В 2022 году по оценкам председателя Банка России Э.С. Набиуллиной отток капитала из РФ оценивается в сумму порядка 1 млрд долларов (стоит уточнить, что под оттоком капитала она подразумевает вывод денежных средств по сомнительным, подозрительным основаниям)².

В русле естественной для всех развивающихся экономик хозяйственной практики Российская Федерация проводит последовательную политику, направленную на предотвращение бегства капитала из страны. В числе важных решений в этой области – принятие Федерального закона от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия

---

¹ Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/counteraction_m_ter/ (дата обращения - 27.02.2023).

² Статья «ЦБ РФ назвал небольшим отток капитала из страны в 2022 году, оценив его в \$1 млрд». URL:<https://www.interfax.ru/business/895599> (дата обращения - 27.05.2023).

незаконным финансовым операциям», которым, в частности, внесены изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации путем значительной трансформации нормы об ответственности за отказ от репатриации валюты (ст. 193 УК РФ) и дополнения закона запретом собственно вывода капиталов (ст. 193¹) и контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200¹).

В 2020 г. в статью 193 УК РФ внесены изменения, в том числе скорректированы положения примечания к ней³. Данными поправками нарушения валютного законодательства были частично декриминализованы.

В 2022 г. в связи с жестким санкционным давлением на российскую экономику и финансовые рынки Министерством финансов Российской Федерации и Банком России разработан комплекс дополнительных мер по установлению контроля над движением капитала. В связи с этим существенно возросла роль уголовно-правовых средств противодействия криминальной активности в соответствующей области экономической деятельности, ставших достаточно эффективным инструментом по защите стабильности российской экономики.

В период, предшествовавший существенному увеличению в 2022 г. объемов вывозимого капитала, данные судебной статистики фиксировали достаточно умеренные показатели: в 2021 г. осуждено 80 человек⁴⁵. Из них за уклонение от репатриации денежных средств (ст. 193 УК РФ) осуждено 4 человека, за совершение валютных операций по переводу денежных средств

---

³ Федеральный закон от 01.04.2020 № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

⁴ Отчет Судебного департамента при Верховном суде РФ о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2021 года по форме № 10.1. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (дата обращения 27.02.2023).

⁵ Соответствующие деяния в отчетах показаны как совершаемые с валютными ценностями, тогда как согласно п. 5 ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 10.12.2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (далее также – «Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле») валютные ценности включают в себя исключительно иностранную валюту и внешние ценные бумаги.

с использованием подложных документов – 28 человек⁶. По статье 200¹ УК РФ (контрабанда наличных денежных средств и денежных инструментов) осуждено 35 человек. В 2022 г. за уклонение от репатриации денежных средств (ст. 193 УК РФ) осуждено 9 человек, за совершение валютных операций по переводу денежных средств с использованием подложных документов – 29 человек⁷. По статье 200¹ УК РФ (контрабанда наличных денежных средств и денежных инструментов) осуждено 33 человека.

В то же время в результате активизации правоприменительной практики по делам соответствующей категории проявились многочисленные проблемы применения названных уголовно-правовых норм, большинство этих проблем в теории уголовного права освещения и решения пока не нашли. В этих условиях существенно возросла потребность в глубокой теоретической разработке рекомендаций по совершенствованию как законодательства, так и подходов к уголовно-правовой оценке указанных посягательств.

Степень разработанности темы

В науке уголовного права отдельным вопросам уголовной ответственности за вывоз капитала из Российской Федерации посвящались работы, написанные как в рамках анализа преступлений в сфере экономической (или финансовой) деятельности, так и специально посвящённые анализируемым преступным деяниям (М.В. Арзамасцев, А.И. Бойцов, Б. В. Волженкин, Г.А. Есаков, И.А. Клепицкий, А.П. Кузнецов, В.Ф. Лапшин, Н.А. Лопашенко, А.Н. Лясколо, А.А. Мамедов, М.С. Марковский, С.Л. Нудель, Д.А. Печегин, А.А. Струкова, М.В. Талан, П.С. Яни и др.).

---

⁶ Отчет Судебного департамента при Верховном суде РФ о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2021 года по форме № 10а. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Statistika_zameni/10-a-svod-2021.xls (дата обращения - 27.02.2023).

⁷ Отчет Судебного департамента при Верховном суде РФ о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2022 года по форме № 10а. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Statistika_2022_godovaya/k3-svod_vse_sudy-2022.xls (дата обращения - 23.05.2023).

По этой проблематике защищён ряд диссертационных работ (В.Ф. Лапшин, А.Н. Макаров, А.А. Мамедов, А.А. Струкова).

И хотя теоретический вклад этих и других авторов в раскрытие признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 193, 193¹, 200¹ УК РФ, весьма велик, уголовно-правовая охрана отношений в сфере оборота валюты по-прежнему требует комплексного исследования. Так, проблемы, не нашедшие теоретического разрешения, состоят в том, что:

- отсутствует теоретически разработанное обоснование социальной обусловленности криминализации преступлений, связанных с вывозом капитала;

- не выработано понятие валютных преступлений;

- не определено место валютных преступлений в системе уголовно-правового регулирования;

- существенно осложняют правоприменение дефекты законодательной техники, допущенные при конструировании уголовно-правового запрета;

- требуют дополнительной и глубокой проработки правила квалификации предусмотренных названными нормами преступных деяний с учетом их смешанной противоправности и связанной с этим высокой степени бланкетности их диспозиций,

- отсутствует комплексный теоретический анализ основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного для данных преступлений в ч. 3 ст. 76¹ УК РФ.

Приведенные обстоятельства в своей совокупности также обуславливают актуальность рассматриваемой темы и выбор ее диссертантом.

Выбор проблем для исследования связан с наиболее острыми потребностями применения уголовно-правового запрета и необходимостью повышения его эффективности (в том числе и в ходе вынесения судами решений о привлечении к уголовной ответственности), что было установлено

в ходе эмпирического анализа обширного массива дел о преступлениях соответствующей категории.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, возникающие в сфере реализации уголовной ответственности за посягательства на установленный валютным и иным законодательством порядок вывоза (перемещения) капитала за пределы Российской Федерации и его возврата (ст.ст. 193, 193¹, 200¹ УК РФ).

Предметом исследования являются:

- уголовное законодательство Российской Федерации об ответственности за преступные вывоз капитала за пределы Российской Федерации и неисполнение обязанности по его возврату;

- валютное законодательство Российской Федерации, а также международное законодательство в части, регулирующей отношения в сфере вывоза капитала и его возврата, на которые посягают преступления, предусмотренные ст.ст. 193, 193¹, 200¹ УК РФ;

- научная литература по теме исследования, а также практика применения судами общей юрисдикции положений норм об ответственности за преступные посягательства на отношения в сфере вывоза капитала из Российской Федерации и его возврата.

Цели и задачи исследования. Цели диссертации обусловлены ее объектом и предметом и заключаются в комплексном исследовании составов преступлений, предусматривающих ответственность за вывоз капитала по уголовному законодательству России с учётом международного опыта в этой сфере, выявлении правотворческих и правоприменительных проблем и формулировании научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию российского уголовного закона и практики его применения.

Средством достижения указанных целей является решение задач по:

- изучению зарубежного, российского опыта противодействия вывозу капитала;

- описанию развития российского уголовного законодательства об ответственности за соответствующие преступные деяния;
- выработке теоретической конструкции валютных преступлений;
- исследованию объективных и субъективных признаков составов валютных преступлений по уголовному законодательству России;
- анализу и предложению решения проблем формулирования признаков составов валютных преступлений.

Методологию диссертационного исследования составляет комплекс современных методов научного познания социально-правовых явлений, что обусловлено спецификой объекта исследования – уголовно-правового запрета социально-экономического явления вывоза капитала.

Общенаучные методы научного познания, включая анализ, синтез, индукцию, дедукцию, логический и функциональный, позволили проанализировать и сформировать понятийный аппарат диссертационного исследования, в том числе определить понятие и признаки валютного преступления, а также основные закономерности развития уголовного законодательства об ответственности за вывоз капитала из Российской Федерации.

Положения диалектического метода познания легли в основу изучения явления вывоза капитала во всей совокупности присущих ему необходимых свойств и связей, позволили проанализировать противоположные его проявления и выработать рекомендации о реформировании уголовного закона (в частности, при изучении противоположных подходов судебной практики о необходимости учитывать цель вывоза капитала при квалификации деяния по ст. 193¹ УК РФ).

Широко используются специальные методы научного познания. Прикладная направленность исследования оказала существенное влияние на его методологию в части определения признаков анализируемых составов преступлений с позиции нормативных предписаний и правоприменительной практики.

Так, формально-юридический метод использовался для анализа современного валютного законодательства и положений уголовного закона, в которых закреплены составы анализируемых преступлений. В частности, он применялся при установлении соответствия диспозиций норм УК РФ формальной логике, преемственности смысла и содержания при сопоставлении с выраженной в специальных документах цели законодателя, а также в ходе проверки выдвигаемых гипотез посредством верификации судебной практикой. Статистический анализ и толкование права позволили осуществить анализ судебной правоприменительной практики и выработать правила квалификации исследуемых преступлений. Особое внимание было уделено методу сравнительного правоведения, который применялся при изучении зарубежного опыта регулирования для построения теорий, выявляющих причинно-следственные связи между уголовно-правовыми институтами и общественным явлением вывоза капитала.

Теоретическую базу исследования составляют научные труды российских и зарубежных авторов по уголовному праву, криминологии, международному праву, финансовому праву, экономике: М.В. Арзамасцева, А.И. Бойцова, Б.В. Волженкина, Г.А. Есакова, И.А. Клепицкого, В.Н. Кудрявцева, А.П. Кузнецова, Н.Ф. Кузнецовой, В.Ф. Лапшина, Н.А. Лопашенко, А.Н. Ляскало, А.А. Мамедова, М.С. Марковского, А.В. Наумова, С.Л. Нуделя, А.И. Парога, А.А. Струковой, М.В. Талан, И.В. Хаменушко, П.С. Яни, Adam Feibelman, Arthur J. Cockfield, Richard Gordon, Andrew P. Morriss, Ester Herlin-Karnell, Nicholas Ryder, Elise Lefeuvre и др.

Эмпирическую базу исследования составляют 100 приговоров и иных судебных актов по уголовным делам российских судов.

Нормативную базу исследования составили международные и региональные документы (конвенции, договоры, принципы, директивы); российское отраслевое законодательство (уголовное, административное, банковское, финансовое и др.), нормативные правовые акты иных отраслей права.

Научная новизна исследования заключается в комплексе полученных новых научных знаний о составах преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за вывоз капитала по уголовному законодательству России с учётом международного опыта в этой сфере. В ходе исследования рассматривались вопросы, которые не подвергались до сих пор детальному исследованию, а также вопросы, требующие анализа с учетом экономической и геополитической обстановки в условиях возникновения ограничений на перемещение капитала.

Основными научными результатами исследования, определяющими его новизну, являются:

- установление значимых для уголовной ответственности за преступные посягательства на отношения в сфере обращения валюты положений в нормативной правовой базе противодействия вывозу капитала в России с выявлением их системных связей и тенденций развития;

- формирование теоретической конструкции валютного преступления;

- критический анализ признаков составов преступлений, предусмотренных уголовным законодательством России, с выявлением основных недостатков построения законодательного текста;

- аргументация предложений по совершенствованию уголовного законодательства и разрешению проблем квалификации данных преступлений;

- выявление особенностей применения специального механизма освобождения от уголовной ответственности, разработанного для целей стимулирования возвращения капитала в российскую экономику и закрепленного в ч. 3 ст. 76¹ УК РФ.

На защиту выносятся следующие **научные положения, выводы и рекомендации**:

1. При определении содержания соответствующего уголовно-правового запрета и, соответственно, объективной стороны предусмотренного ст. 193

УК РФ деяния, следует исходить из того, что обязанность по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации включает предусмотренные законодательством меры, которые надлежит принять резиденту для обеспечения возвращения валюты на его банковские счета, тогда как уклонение от исполнения данной обязанности представляет собой юридическое бездействие, которое может быть вменено лицу в качестве признака объективной стороны преступления лишь при установлении срока, до истечения которого соответствующие меры должны быть приняты. Поскольку же срок, в течение которого резидент обязан принять указанные меры (подготовить и заявить судебные иски по месту нахождения нерезидента, провести переговоры в рамках досудебного урегулирования спора и т.п.) законодательством не установлен, преступление предлагается считать оконченным по истечении 30 календарных дней с момента наступления установленного внешнеторговым договором срока исполнения обязательств по репатриации валюты. Данный срок следует, как это предписывается ратифицированной Российской Федерацией ст. 47 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров, считать разумным, поскольку он предусмотрен и для разрешения споров сторон в рамках досудебного урегулирования (ч. 5 ст. 4 Арбитражного процессуального Кодекса РФ).

2. Целью содержащегося в ст. 193¹ УК РФ уголовно-правового запрета является противодействие не всяким валютным операциям, а только таким, которые подлежат контролю со стороны уполномоченных банков как агентов валютного контроля, что и предопределило конструкцию предусмотренного названной нормой состава преступления. Ввиду того, что объективная сторона данного деяния состоит из последовательных действий, включающих введение в заблуждение уполномоченных сотрудников названных агентов валютного контроля, состав преступления - за исключением ряда предусмотренных валютным законодательством случаев - начинает выполняться с момента представления документов с заведомо

недостовверными сведениями агенту валютного контроля. Тогда как окончанным его следует считать с момента, когда денежные средства, выбыв из-под контроля государства, зачисляются на счет в иностранном банке.

3. Разграничение предусмотренных статьями 193 и 193¹ УК РФ деяний основывается на двух основных критериях, первый из которых: момент возникновения умысла на вывод из России либо невозврат из-за границы валютных средств, - выработанный в уголовно-правовой доктрине, должен быть дополнен вторым критерием, которым служит момент представления подложного документа. В случае уклонения от репатриации денежных средств (ст. 193 УК РФ) подложный документ используется для целей невозвращения валютных средств и, ложно удостоверяя исполнение (прекращение, замену сторон или суммы) обязательства, предоставляется после перечисления денежных средств нерезиденту. Тогда как при совершении деяния, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, подложный документ представляется уполномоченному банку в качестве основания валютной операции и обуславливает факт перевода денежных средств за границу.

4. Если финансовая операция по переводу денежных средств нерезиденту преследует цель легализации преступных доходов, то, поскольку входящие в объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, действия, состоящие в обмане уполномоченного банка, выходят за пределы объективной стороны легализации (действия по предоставлению заведомо недостоверных сведений нельзя отнести ни к сделке, ни к совершению финансовых операций), содеянное по правилам квалификации смежных составов требует вменения совокупности преступлений, предусмотренных как ст. 193¹, так и ст. 174¹ УК РФ.

5. В случае, когда отвечающая понятию вывода капитала валютная операция по перечислению за границу иностранной валюты совершается банком (например, под видом приобретения у банка-нерезидента иностранной валюты), содеянное не образует для потенциальных субъектов

состава преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, поскольку у банка отсутствует обязанность по представлению агенту валютного контроля документов, необходимых для осуществления валютной операции.

6. Существенным недочетом юридической техники, породившим значительную неопределенность уголовно-правового запрета, по сути, исключающим применение нормы, является описание в ч. 2 ст. 193 УК РФ предусмотренных ею действий (актов бездействия) как совершенных одновременно как в крупном, так и особо крупном размере. Данный недочет предлагается устранить путем выделения в ч. 3 ст. 193 состава уклонения от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ, совершенном в особо крупном размере.

7. В судебной и следственной практике нередко не учитывается смысл соответствующего уголовно-правового запрета, призванного не допустить именно вывод капитала из России, то есть такое перечисление на зарубежные счета иностранной валюты, которое заведомо для виновного не сопровождается эквивалентным встречным предоставлением в виде товаров, работ, услуг. Следствием такого подхода становится неосновательное расширение пределов действия нормы, которые в соответствии с замыслом законодателя должны быть ограничены указанием на направленность совершаемого виновным деяния. С учетом этого предлагается внести изменения в ч. 1 ст. 193¹ УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на банковские счета одного или нескольких нерезидентов с представлением кредитной организации, обладающей полномочиями агента валютного контроля, документов, связанных с проведением таких операций и содержащих заведомо недостоверные сведения об основаниях, о целях и назначении перевода, **в целях вывоза денежных средств из Российской Федерации**».

8. Предмет предусмотренного ст. 200¹ УК РФ преступления в виде денежных инструментов определен в пункте 5 примечаний к статье и

включает вексель и чек, то есть ценные бумаги в документарной форме выпуска, тогда как наряду с ними альтернативными видами предмета названы «ценные бумаги в документарной форме, удостоверяющие обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств, в которых не указано лицо, которому осуществляется такая выплата». Такая редакция противопоставляет вексель и чек иным ценным бумагам.

Кроме того, в перечне предметов преступления не упоминаются платежно-расчетные средства на предъявителя как общая категория, включающая в том числе дорожные чеки. С учетом этого, предмет экономической контрабанды подлежит уточнению за счет исключения из названного пункта примечаний к ст. 200¹ УК РФ векселей и чеков, а также дополнения перечня указанием на платежно-расчетные средства на предъявителя.

9. Подлежат имплементации в уголовный закон (ч. 3 ст. 76¹ УК РФ) до сих пор содержащиеся в Федеральном законе от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» положения, согласно которым лицо подлежит освобождению от ответственности за совершение конкретного деяния, содержащего признаки преступления, если на дату представления декларации в отношении лица не было возбуждено уголовное дело в связи с совершением соответствующего преступления, освобождение от ответственности за которое предусмотрено.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что в работе исследована научная категория «валютные преступления», комплексно рассмотрены составы преступлений, предусмотренных статьями 193, 193¹, 200¹ УК РФ; разработаны теоретические решения проблемных ситуаций квалификации соответствующих преступлений; сформулированы теоретически обоснованные предложения по совершенствованию уголовного

закона и практики его применения. Содержащиеся в диссертационном исследовании выводы и положения могут быть использованы в дальнейших научных разработках теории уголовного права.

Практическая значимость исследования диссертации определяется тем, что в нем выработаны рекомендации для правоприменителей по вопросам, поднимаемым в судебной и следственной практике. Ряд конкретных предложений по совершенствованию уголовного законодательства и рекомендации могут быть учтены при разработке законодательных инициатив с целью совершенствования уголовно-правовых запретов в сфере противодействия экономической преступности, а также для упорядочения правоприменительной практики по делам соответствующей категории, в том числе при подготовке постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Результаты, изложенные в диссертации, могут быть полезны для изучения в рамках учебного процесса в высших учебных заведениях при преподавании учебных дисциплин «Уголовное право» и «Уголовное экономическое право».

Степень достоверности исследования обеспечивается за счет обоснованности методологии и методики научного исследования, соответствующей его предмету, цели и задачам, и определяется использованием нормативной и эмпирической базы, включающей в себя анализ правоприменительной (судебной) практики.

Апробация результатов диссертационного исследования. Диссертация подготовлена на кафедре уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, где проходило ее обсуждение и рецензирование. Основные положения работы опубликованы в четырех научных статьях в рецензируемых научных изданиях из перечня, рекомендованного Минобрнауки России (утвержден решением Ученого совета МГУ 25 октября

2021 года), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук.

Положения диссертации докладывались и обсуждались на научно-практических конференциях в России и международных конференциях, в частности в:

- докладе на круглом столе «Исследования Научно-образовательного центра «Уголовно-правовая экспертиза» Юридического факультета МГУ: анализ судебной практики», проведенном Клубом уголовного права «De lege lata» (01 ноября 2021, Москва);

- докладе на Ежегодной научно-практической конференции аспирантов, адъюнктов и соискателей «Всероссийский уголовно-правовой форум молодых ученых имени М.Н. Гернета», проведенном Юридическим факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова (16 декабря 2021, Москва);

- докладе на XIV научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых», проведенной Федеральным государственным казенным образовательным учреждением высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации» (29 апреля 2022, Москва);

- докладе на XIII Российском конгрессе уголовного права «Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения», проведенном Юридическим факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова (26-27 мая 2022, Москва);

- докладе на международной конференции «Научная обоснованность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии, посвященная 70-летию со дня рождения В.С. Комиссарова», проведенной Юридическим факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова (28-29 марта 2023, Бишкек, Киргизская Республика).

Результаты исследования апробировались автором в рамках участия в работе Научно-образовательного центра «Уголовно-правовая экспертиза» при кафедре уголовного права и криминологии Юридического факультета

МГУ им. М.В. Ломоносова, а также в ходе учебного процесса (прохождения педагогической практики) на Юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова в рамках учебных дисциплин «Уголовное право. Особенная часть» и «Преступления в сфере экономической деятельности» в бакалавриате, а также курса «Актуальные проблемы применения уголовного законодательства РФ об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности (предпринимательские, налоговые и др.)» в магистратуре.

Структура диссертации, отвечающая целям и задачам исследования, состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка.

Глава I. Уголовная ответственность за вывоз капитала: межотраслевой и исторический аспекты

§ 1. Место и роль уголовно-правового запрета в системе мер противодействия вывозу капитала

Вывоз капитала - сложное и многогранное явление, регулирование которого лежит в плоскости сразу нескольких сфер общественной жизни. Исследование проблем уголовной ответственности за совершение действий по вывозу капитала не может быть полноценным без обращения к его экономической сути, что захватывает также вопросы налогообложения, международного права, корпоративного права и многих других отраслей.

Согласно разработанному экономической наукой определению международное движение капитала – это одностороннее перемещение капитала в товарной или денежной форме с целью извлечения дохода, возникающее между субъектами национальной экономики (резидентами) и заграницы (нерезидентами) и основанное на международном разделении капитала⁸. Негативной его стороной для общества признается явление, называемое «бегством капитала» (англ. «capital flight»), для борьбы с которым разрабатывается и применяется специальное регулирование – нормы валютного контроля.

В экономической теории «бегством капитала» называют специфическую форму его движения (притом что само по себе его движение не является проблемой ни для развитых, ни для развивающихся государств)⁹. Так, под утечкой или «бегством» капитала обычно понимают отток, который происходит за пределами нормального перелива финансовых ресурсов, в него включается:

- отток средств, полученных от преступной деятельности;

---

⁸ Шустрова Н.В. Государственное валютное регулирование движения капитала: закономерности и эффективность: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / С.-Петербург. гос. ун-т экономики и финансов. Санкт-Петербург, 2001. С. 21.

⁹ Там же. С. 25.

- экспорт средств от легальной деятельности, но переведенных за рубеж с нарушением правил валютно-экспортного контроля;

- заграничные переводы законно полученных средств, осуществляемые, например, из-за страхования капитала от политических кризисов¹⁰.

Н.А. Лопашенко оценивает способы «бегства капитала» с точки зрения соответствия законодательству, выделяя:

а) законные способы (вывоз задекларированной валюты, создание предприятий за рубежом);

б) незаконные, но не преступные способы (вывоз капитала с нарушением финансового законодательства, но не подпадающий под признаки составов в УК РФ);

в) преступные способы (подпадающие по действующему законодательству под признаки составов, предусмотренных статьями 193, 193¹, 200¹ УК РФ)¹¹.

«Бегство капитала» с экономической точки зрения влечет за собой следующие негативные последствия:

- дестабилизирует процентные ставки, валютный курс и снижает эффективность денежно-кредитного регулирования;

- сокращает официальные валютные резервы (проблема денежного сектора);

- снижает объем внутренних инвестиций и, соответственно, декапитализирует национальную экономику (проблема реального сектора);

- увеличивает предельные издержки иностранных заимствований за счет роста внешнего долга;

- сокращает базу налогообложения, в том числе и по инфляционному налогу;

---

¹⁰ Prakash Loungani; Paolo Mauro. Capital Flight from Russia. IMF Policy Discussion Paper № 00/6. 2000. p. 4. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/IMF-Policy-Discussion-Papers/Issues/2016/12/30/Capital-Flight-from-Russia-3602> (дата обращения - 27.02.2023).

¹¹ Лопашенко Н.А. Бегство капиталов из России и его возвращение. М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез» совместно с ООО «Журнал «Управление персоналом», 2003. С.40.

- усиливает существующие диспропорции в экономике в краткосрочном и может иметь негативные последствия в долгосрочном периоде в форме снижения благосостояния в целом;
- является, как правило, необратимым процессом;
- разрушает основы смешанной экономики, когда действия частных инвесторов, вывозящих свой капитал, приводят к потерям общества в целом в форме затрат на обслуживание внешнего долга;
- искажает показатели внешнеэкономической статистики в связи с тем, что «бегство капитала» в нелегальной форме искусственно завышает данные по счету текущих операций.

Вывоз капитала обусловлен множеством факторов. Следуя за экономической наукой, обратимся в первую очередь к основоположникам классической школы.

Вопрос процессов вывоза капитала из стран с его относительным избытком в страны, испытывающие его острую нехватку и готовые за него платить дороже, чем он стоит в стране происхождения, находит свое отражение в работах Адама Смита и Давида Рикардо.

Так, еще в начале XIX века Д. Рикардо описывал экономическую эффективность переноса капитала из производства сукна из Англии в Португалию, вследствие чего данный товар был бы гораздо дешевле для потребителя¹².

Дж. Ст. Милль развил данную теорию, дополнительно указав на то, что все же это высокорисковая для инвесторов деятельность, что должно покрываться высокими ставками прибыли¹³.

Впоследствии Дж.М. Кейнс высказал некоторую критику в адрес экономистов классической школы, указав на тот факт, что выгода отдельного предпринимателя может быть потерей для государства в целом, поскольку вывоз капитала не всегда стимулирует экспорт товаров и уровень занятости.

---

¹² См. Федякина Л.Н. Международные финансы. СПб: Питер, 2005. С. 98.

¹³ Там же. С. 98.

Так, в 1941 г. он отметил, что «нет ничего более определенного, чем необходимость регулирования движения капитала, что само по себе является сильным отступлением от принципов невмешательства»¹⁴.

Логичным было бы предположить, что накопление большого массива свободных денежных средств, не задействованных в коммерческом обороте, получило обратную характеристику у представителей и идеологов коммунизма.

В.И. Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», характеризуя сущность империализма, указал следующие его основные признаки:

1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами¹⁵.

Так, исследуя сущность этого вопроса, В.И. Ленин указывает, что вывоз капитала типичен для государств «нового капитализма», где господствует не свободная конкуренция, а монополисты.

Советские ученые-экономисты представляли себе сущность вывоза капитала в полном соответствии с воззрениями В.И. Ленина.

Так, Н.А. Архипов описывал политические процессы, приводящие к накоплению финансового капитала: «образование и господство финансового капитала и финансовой олигархии, создавая необычайно благоприятные условия для обогащения кучки монополистов, приводят к скоплению

---

¹⁴ Цит. по Menno Broos and Sebastian Grund. The IMF's Jurisdiction Over The Capital Account—Reviewing the Role of Surveillance in Managing Cross-Border Capital Flows. Oxford University Press. Journal of International Economic Law, 2018, 21. P. 489.

¹⁵ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. М.: Директ-медиа, 2014. С. 47.

огромных денежных средств в немногих странах, к образованию слоя рантье, т.е. лиц, живущих за счет доходов от стрижки купонов и совершенно не связанных с производством»¹⁶.

Глобально, как указывает профессор Н.А. Архипов, вывозя капитал, его владелец лишает собственное государство развития, потенциального вложения в «страдающие от дефицита» отрасли экономики. Им дается следующее определение: «Вывоз капитала есть вывоз стоимости для систематического присваивания монополиями монопольных сверхприбылей за счет создаваемой за границей прибавочной стоимости, за счет прибавочного и даже необходимого продукта мелких производителей»¹⁷.

Избыточные капиталы направляются в первую очередь в отсталые страны, так как в них благодаря нехватке и низкому органическому строению капиталов, невысоким ценам на землю и на сырье, мизерной зарплате рабочих норма прибыли значительно выше, чем в развитых странах.

Особо отмечается, что при самых разных формах использования капитала вывоз капитала всегда создает такие отношения господства и подчинения, которые обеспечивают систематическое получение монопольных прибылей из менее развитых стран, импортирующих капитал.

Вывоз капитала, как представляется, всегда осуществлялся ради получения большей прибыли, то есть он направлялся из развитых капиталистических стран, где органическое строение капитала было высоким (а норма прибыли сравнительно низкой), в экономически слаборазвитые страны и колонии, где органическое строение капитала было низким, а норма прибыли — высокой.

На такой вывоз капитала указывал еще К. Маркс, который писал: «Если капитал вывозится за границу, то это происходит не потому, что он абсолютно не мог бы найти применения внутри страны. Это происходит

---

¹⁶Архипов Н.А. Вывоз капитала после Второй мировой войны и обострение империалистических противоречий. Л.: Знание, 1958. С. 5.

¹⁷ Там же. С. 6.

потому, что за границей он может быть помещен при более высокой норме прибыли»¹⁸.

В то же время в последующем даже советские экономисты стали признавать необходимость вывоза капитала. Это обосновывается тем, что накопление капитала в условиях монополистического капитализма усиливается благодаря извлечению монопольно высоких прибылей. В то же время возможности приложения вновь накопленных капиталов внутри развитых капиталистических стран не увеличиваются в такой же мере, в какой растет накопление капитала. По большей части это происходит потому, что низкий жизненный уровень народных масс препятствует капиталовложениям в те отрасли промышленности, которые производят предметы широкого потребления.

Итак, делает вывод Э.Я. Брегель: «несоответствие между размерами накопления капитала в экономически развитых странах и возможностями его приложения в тех же странах делает необходимым вывоз капитала»¹⁹.

Вывоз капитала в послевоенное время рассматривался учеными как существующий в двух формах:

1. В виде займов. В данной форме достигалось как политическое влияние на иностранную юрисдикцию, так и получение прибыли в виде процентов по займам;

2. В виде производительного капитала, т.е. путем основания предприятий или дочерних компаний с гораздо меньшими капиталовложениями за счет дешевой рабочей силы, сырья и тому подобного.

С данной позицией можно отчасти согласиться, поскольку и в настоящее время мы можем проследить подобные пути использования частного капитала за рубежом.

---

¹⁸ К. Маркс. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3, ч. 1 и 2, книга III. СПб.: Государственное издательство политической литературы, 1951. С. 266.

¹⁹ Брегель Э.Я. Политическая экономия капитализма. М.: Международные отношения, 1966. С. 381.

В то же время уже в 1960-х годах Э.Я. Брегель отмечает, что возможен и иной вывоз капитала – в развитые страны. Побудительным мотивом к такому вывозу капитала также является в первую очередь погоня за прибылью.

Так, очевидно прослеживается усложнение понимания вывоза капитала в связи с развитием международных и экономических отношений.

«Чистые» денежные средства перемещаются чаще всего из-за инвестиционных предпочтений компаний и частных лиц и льготных условий налогообложения. В одном государстве может быть больше инвестиционных возможностей предпочитаемого вида, чем в другом, что позволяет привлекать денежные средства.

Предпочтительность юрисдикции для инвестиций может быть обусловлена наличием природных ресурсов, более низкими затратами на оплату труда или другими преимуществами, связанными с факторами производства.

Однако это также может быть связано с предпочтительностью нормативно-правовых механизмов, обеспечиваемых тем или иным государством.

Кроме того, международные инвестиции могут осуществляться благодаря тому, что компании и частные лица стремятся к диверсификации активов. Особенно для международных инвесторов значительны проблемы взаимодействия с государственными органами, связанные с наличием портфельных инвестиций.

Во второй половине XX века ученые-экономисты (Б. Баласс, Ч. Киндлебергер, Дж. Берман, С. Хаймер, Дж. Даннинг и др.) уже сформировали множество концепций относительно экономической обоснованности вывоза капитала, основные идеи которых можно выразить в следующих тезисах:

1. Политика и методы принимающих стран, как правило, направлены на привлечение иностранного капитала в свою экономику, что

способствует созданию различных «льготных» условий – развитые экспортно-ориентированные производства, свободные экономические зоны, представление нерезидентам таможенных и налоговых льгот, рынков сбыта, гарантий от экспроприации, гарантий свободного вывоза капитала и прочее;

2. Вместе с тем в некоторых странах практикуются ограничения и запреты, тормозящие приток капитала извне. В том числе ограничения на иностранную собственность, репатриацию капитала и вывоз прибыли, обязательное участие местного компонента в капитале, в правлении, в продукции, контроль над ценами, отсутствие патентной защиты, бюрократизм и др.

Так, существование оффшорных юрисдикций, куда «стекаются» денежные потоки частного капитала, являются примером привлечения внешнего капитала, а, например, ограничения на репатриацию капитала и требования об ограничении участия инвесторов в политической жизни – примером политики, направленной на сохранение национального финансового капитала.

Для борьбы с неконтролируемым оттоком капитала после первой мировой войны большинство европейских государств, стремившихся сохранить устойчивость своих валют, обратились к практике валютных ограничений.

Валютные ограничения рассматривались в некоторых государствах (например, в Англии и США) как временное явление, которое необходимо для преодоления экономического кризиса. Более того, в Англии и США валютные ограничения распространялись лишь на экспорт капитала.

В Германии же валютные ограничения рассматривались как неотъемлемая часть регулируемой государством экономики, что отвечало программе на тот момент нацистской Германии.

После окончания второй мировой войны в большинстве европейских государств и Японии продолжал сохраняться режим валютных ограничений.

Однако впоследствии государства, принимая Статьи Соглашения (Устав) Международного Валютного Фонда²⁰, согласились с требованиями, запрещающими государствам ограничивать расчеты по текущим операциям за исключением случаев, специально оговоренных в Уставе (раздел 3 ст. 6 Устава МВФ).

Рассматривая вопрос обоснованности введения уголовного запрета на вывоз капитала, можно утверждать, что данные меры по своей сути коррелируют с концепцией защиты национальной экономики. В то же время очевидно, что столь жесткий подход может также свидетельствовать о слабости экономической политики, которая не способна таким образом выстраивать отношения со своими резидентами, чтобы капиталы оставались внутри государства их происхождения на добровольной основе (если игнорировать позицию марксистов о том, что процесс вывоза капиталов неизбежен).

Несмотря на имеющиеся преимущества от перемещения капиталов для рыночной экономики, настоящей проблемой для мирового сообщества стали перемещения в специальные оффшорные финансовые центры. Борьбой с ними, в том числе, обусловлено введение уголовно-правовых запретов на неконтролируемое перемещение капиталов.

В англоязычных источниках оффшорные финансовые центры (Offshore Financial Centers или OFC) определяются как небольшие юрисдикции с низкими налоговыми ставками, которые предоставляют корпоративные и коммерческие услуги нерезидентам в форме содействия учреждению юридических лиц и инвестиционных фондов, а также услуг по их сопровождению²¹. В целом в понятие оффшорных финансовых центров включаются все страны с финансовыми секторами, непропорциональными

---

²⁰ Международный валютный фонд, МВФ (англ. *International Monetary Fund, IMF*) — специализированное учреждение ООН, со штаб-квартирой в Вашингтоне, США.

Статьи Соглашения Международного Валютного Фонда, приняты 22.07.1944 в Бреттон-Вудсе, штат Нью-Хэмпшир (США), на Валютно-финансовой конференции Объединенных наций. Вступили в силу 27 декабря 1945 года, далее – «Устав МВФ».

²¹ Ahmed Zoromé. Concept of Offshore Financial Centers: In Search of an Operational Definition. IMF Working Paper WP/07/87. P. 26

их постоянному населению²². Это означает, что финансовые услуги, предлагаемые нерезидентам в оффшорных центрах, несоизмерны масштабам финансирования их внутренней экономики.

В 2000 г. Международным валютным фондом было опубликовано исследование, в котором оффшорный центр определялся как центр, в котором основной массив деятельности финансового сектора находится за пределами этого центра (то есть контрагенты и активы финансовых учреждений не являются резидентами государства-оффшора), а также, где финансовые операции иницируются за рубежом, в то время как большинство участников операций контролируются нерезидентами²³.

Таким образом, все оффшоры объединяет совокупность следующих признаков:

1. Благоприятное налоговое законодательство, поэтому оффшорные финансовые центры называют налоговыми убежищами;
2. Сниженные предпринимательские риски и бóльший потенциал роста;
3. Значительная экономия средств для бизнеса;
4. Защита активов, особенно в периоды нестабильности;
5. Менее жесткое регулирование предпринимательской деятельности;
6. Конфиденциальность.

Все же в настоящее время отсутствует единое определение сущности оффшора. Согласно позиции Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)²⁴ налоговые убежища обладают следующими четырьмя признаками:

---

²² См. International Taxation - A Compendium (Set of 4 Volumes) Books by The Chamber of Tax Consultants. Taxmann Publications Private Limited; th Edition, 2021. Vol. 3. P.990; Ahmed Zoromé. Concept of Offshore Financial Centers: In Search of an Operational Definition. IMF Working Paper WP/07/87. P. 7, 26.

²³ Offshore Financial Centers. IMF Background Paper, prepared by the Monetary and Exchange Affairs Department. June 23, 2000. URL: <https://www.imf.org/external/np/mae/oshore/2000/eng/back.htm#II> (дата обращения - 27.02.2023).

²⁴ Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) – международная организация, созданная в 1964 г. в целях содействия экономическому росту и мировой торговле. На сегодняшний день Организация включает 34 страны. Штаб-квартира ОЭСР находится в Париже (Франция).

1. Отсутствие налогообложения на прибыль организации или низкие налоговые ставки;
2. Для применения налоговых льгот не требуется существенной экономической деятельности;
3. Отсутствие прозрачности финансовых и других законов, регулирующих финансовые операции;
4. Отсутствие эффективного обмена информацией²⁵.

В 2001 г. ОЭСР отменила критерий «отсутствие существенной экономической деятельности», чтобы сосредоточиться на трансграничном обмене налоговой информацией (в качестве механизма борьбы с режимом секретности оффшоров).

Обсуждения определения оффшоров в академических кругах допускают, однако, что страна может вести себя как оффшор, даже если она имеет высокие ставки подоходного налога. Подобное происходит в силу того, что многие страны ОЭСР служат в качестве своего рода оффшоров, так как они не раскрывают налоговую или финансовую информацию, касающуюся инвесторов-нерезидентов, что способствует дальнейшему уклонению от уплаты налогов и другим международным финансовым преступлениям. Например, три крупнейшие экономики ОЭСР (США, Германия и Япония) входят в первую десятку стран с самыми строгими законами о финансовой тайне, в то время как страны, иногда называемые налоговыми убежищами (такие как Барбадос, Багамы и Лихтенштейн), имеют более благоприятные рейтинги.

Многие государства допускают или поддерживают наличие на своей территории таких центров, в частности: Багамские острова, Бермудские острова (один из мировых лидеров в области учреждения подконтрольных

Миссия Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) заключается в продвижении политики, ориентированной на экономический рост и социальное благополучие людей во всем мире.

²⁵ Global Plan for Recovery and Reform: The Communique from the London Summit. Statement Issued by the G20 Leaders. London, April 2, 2009. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2009/2009communique0402.html> (дата обращения - 27.02.2023).

страховых компаний, оффшорных фондов и регистрации воздушных судов), Британские Виргинские острова (предположительный лидер по количеству зарегистрированных оффшорных компаний), Каймановы острова (лидеры по стоимости активов под управлением в оффшорных фондах). Необходимо отметить, что многие оффшорные финансовые центры мира - это острова с небольшим населением и прекрасной погодой. По крайней мере половина из них являются либо являлись британскими колониями или протекторатами.

Данный список указанными территориями не ограничивается. Также популярными и крупнейшими оффшорными центрами являются Доминика (самое большое в мире количество зарегистрированных оффшорных компаний с начала XXI века), Дублин (с 1990-х годов столица Ирландии привлекла множество многонациональных информационных технологий, коммуникаций и фармацевтических компаний, например, такие компании, как Pfizer, Twitter, Accenture, Facebook, Yahoo!, PayPal, eBay, Amazon, Google и Microsoft имеют крупные операционные базы в городе, поскольку налог на прибыль организации в Ирландии более чем на 70% ниже, чем в Соединенных Штатах), Гонконг (бывшая британская колония является одним из крупнейших международных финансовых центров в мире, имеет одну из самых больших концентраций штаб-квартир компаний в Азиатско-Тихоокеанском регионе), Люксембург (эта небольшая страна является лидером на рынке UCITS («Институт коллективного инвестирования [и доверительного управления] в обращаемые ценные бумаги»), а также является крупнейшим оффшорным эмитентом еврооблигаций в мире), Маврикий, Панама, Новая Зеландия и иные юрисдикции.

Определенно, с точки зрения негативных последствий появления и развития подобных налоговых убежищ, их масштаб колоссален. Оффшорные юрисдикции предоставили возможность для движения капитала, неподконтрольного странам их происхождения, что породило в свою очередь рост преступности в сфере уклонения от уплаты налогов, отмывания

имущества, полученного преступным путем, коррупции и преступности в тех сферах, которые непосредственно с ними связаны.

Для наибольшего понимания объемов нерегулируемых оттоков капитала необходимо привести следующие расчеты.

Международная организация «Tax Justice Network»²⁶ в своем широко цитируемом исследовании «Цена оффшоров» приводит расчеты, согласно которым от 21 до 32 триллионов долларов финансовых активов были выведены в оффшоры в 2010 г., что способствовало их полному изъятию из сферы налогообложения²⁷.

Вообще, по приблизительным оценкам основными конечными источниками оттока капитала являются развитые экономики Восточной - и Юго-Восточной Азии (Япония, Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур), оцениваемые в 230 миллиардов долларов, ближневосточные экспортеры нефти - 220 миллиардов долларов, Западная Европа, за исключением Великобритании (Еврозона, Швейцария, Норвегия и Швеция) - 120 миллиардов долларов -, а также развивающиеся страны Азии (Китай, Индия и другие) - 130 миллиардов долларов²⁸.

Основоположниками введения ответственности за вывоз капиталов, безусловно, стали самые развитые государства, такие как Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Китай.

В первую очередь это произошло благодаря повышенному вниманию государств к поступлениям (а точнее, снижению недостатка поступлений) в их налоговую систему. Так, развивая конструкции как можно большего охвата налогообложения, развитые государства пришли к тому, что в определенных случаях вывоз капитала может рассматриваться как уклонение от уплаты

---

²⁶ Международная неправительственная организация Tax Justice Network, создана в 2003 г. Целью ее деятельности заявлена борьба с уклонением от налогов и финансовой секретностью. Инструментами этой борьбы являются проведение комплексных исследований налоговой политики разных стран, в первую очередь оффшорных юрисдикций, и работа со средствами массовой информации.

²⁷ James S. Henry. The Price of Offshore Revisited. Tax Justice Network. 2012. P. 5.

²⁸ Richard Gordon and Andrew P. Morriss. Moving Money: International Financial Flows, Taxes, and Money Laundering. 37 Hastings Int'l & Comp. L. Rev. 1 (2014). P. 85.

налогов или легализация доходов, полученных в результате совершения преступлений (в том числе и уклонения от уплаты налогов).

В то же время парадокс состоит в том, что и сами эти государства заинтересованы в привлечении иностранных капиталов в собственную экономику.

В современных условиях, помимо развития инвестиционного климата, государства привлекают капитал путем льготного налогообложения, пользуясь тем, что в ходе развития транснациональности экономики государства пришли к принципу запрета двойного налогообложения.

Так, в Соединенных Штатах Америки есть собственный оффшор – штат Делавэр, в Китае – специальный административный район Гонконг, в Великобритании - Каймановы острова, Багамские острова, острова Джерси и Мэн.

В юридической литературе высказываются две основные точки зрения относительно общественной опасности так называемых «валютных составов».

Первая представляет собой *теорию «предварительного контроля»* (англ. «Control first» framework). Она заключается в том, что вывод капитала запрещается постольку, поскольку развивающаяся система рыночных отношений, давно перешагнувшая барьеры государственных границ, способствует не только добросовестным участникам торговли, но и субъектам преступной деятельности (в частности, посредством механизмов, направленных на легализацию преступно полученных доходов). Причем в категорию данных субъектов включаются в том числе лица, скрывающие свои легально полученные доходы от контроля налоговых органов государств, чьими резидентами они являются.

Другая позиция, определяемая в литературе как *теория эффективного метода ведения бизнеса* (англ. «Effective Enterprise» framework), опровергает превентивные способы борьбы с выводом капитала, в том числе и уголовно-правовые. Как утверждают ее сторонники, мировая экономика развивается за

счет открытости границ и свободы перемещения финансовых потоков. Так минимизируются транзакционные издержки, за счет этого формируется эффективная система накопления благосостояния. При этом поощряется межгосударственная конкуренция, национальные правительства вынуждены создавать благоприятные условия для инвестиций и развития правовых механизмов, привлекая капитал на рыночных основаниях.

Необходимо понимать, что вывоз капитала производится уже давно не физически, то есть не путем перемещения чемоданов с наличными денежными средствами. На данном этапе развития экономики трансграничные расчеты производятся путем обмена прав требования между банками или иными финансовыми организациями. Именно данная возможность способствует легкости перемещения капитала из одного государства в другое в наиболее короткие сроки (от нескольких минут до нескольких дней).

В оффшоры стекаются как полученные законным путем денежные средства (в целях инвестирования или размещения в более выгодные условия налогообложения), так и полученные в результате совершения преступлений, с целью облегчения их использования (к этой же категории относятся и денежные средства, полученные в результате уклонения от уплаты налогов, что также является преступлением).

Сложность для стран мирового сообщества заключается в разграничении оптимизации налогов (законной деятельностью по выбору наиболее оптимального и выгодного поведения в области налогообложения) и уклонения от уплаты налогов (уголовно наказуемого деяния). Уклонение от уплаты налогов является преступлением, тогда как налоговая оптимизация использует законодательные пробелы и является «действием, предпринимаемым для сокращения или отсрочки налоговых обязательств таким образом, который законодатель явно не предусматривал или не мог предусмотреть».

Ситуация в международном сообществе осложняется и тем, что противодействие оффшорным финансовым системам может расцениваться как вмешательство одного государства в налоговую политику другого государства, что может рассматриваться как нарушение суверенитета последнего. Действительно, предполагается, что государства могут свободно выбирать свою налоговую систему, которая соответствует предпочтениям народа. Следовательно, существует напряженность между желанием контролировать налоговую конкуренцию в рамках антиоффшорной политики и свободой иметь уникальную налоговую систему. Таким образом, уголовная ответственность за использование оффшорных финансовых систем может противоречить неолиберальной парадигме и принципам невмешательства²⁹.

С конца 1990-х годов озабоченность Запада проблемой оффшоров постоянно возрастала. Рост обеспокоенности ускорился после крупных событий, напомнивших правительствам о негативных внешних воздействиях оффшорной деятельности, а именно о финансировании терроризма и нестабильности на финансовых рынках.

Первая крупная утечка данных, которая привлекла внимание международных СМИ, произошла в Лихтенштейне в 2007 г.³⁰. Утечка произошла, когда сотрудник банка незаконно скопировал документы, в которых было указано более 1400 клиентов с анонимными банковскими счетами. Компакт-диск с этой информацией о банковском счете был приобретен правительством Германии и в конечном итоге передан правительствам и налоговым органам по всему миру, что привело к проверке не соблюдающих законодательство налогоплательщиков. Несмотря на эти усилия, в большинстве стран было возбуждено лишь несколько судебных дел за уклонение от уплаты налогов или другие преступления.

---

²⁹ Lefeuvre, Elise. Criminalisation of the Use of Offshore Financial Centres in the United Kingdom. September 9, 2014. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2932324 (дата обращения - 27.02.2023).

³⁰ См. статью на сайте Международного консорциума журналистов-исследователей «Утечка документов разоблачает скрываемые от налоговых органов сделки международных компаний в Люксембурге». URL: <https://www.icij.org/investigations/luxembourg-leaks/leaked-documents-expose-global-companies-secret-tax-deals-luxembourg/> (дата обращения - 27.02.2023).

Например, Канадское налоговое агентство (CRA) провело шестилетнее расследование, которое в итоге не привело к предъявлению каких-либо обвинений физическим лицам. Утечка данных выявила 182 канадских налогоплательщика с оффшорными счетами; проверка CRA установила, что 46 семейств с нарушениями передали информацию о своих доходах. Из этих налогоплательщиков 23 семействам были начислены штрафы в размере около 24 миллионов долларов. CRA направил материалы по двум налогоплательщикам для привлечения к ответственности за уклонение от уплаты налогов посредством оффшоров, хотя прокуроры решили не возбуждать ни одно из этих дел. Соответственно, ни одному канадскому налогоплательщику не было предъявлено обвинение в совершении преступления, несмотря на наличие сокрытых оффшорных счетов. Результат указывает на трудности, с которыми сталкиваются многие налоговые органы, когда они решают возбуждать дела по факту уклонения от уплаты налогов, даже если они располагают активной информацией о незаконной финансовой деятельности³¹.

Напротив, налоговые органы США добились большего успеха в возбуждении уголовных дел в результате обмена налоговой информацией со Швейцарией.

В Соединенных Штатах женеvский банкир из швейцарского Банка UBS ³² (который в то время частично принадлежал швейцарскому правительству) был вынужден ответить на вопросы Сената США в связи с получением информации от осведомителей о том, что банк отправлял своих сотрудников в Нью-Йорк, Лос-Анджелес и другие американские города, чтобы рекламировать идею использования своих услуг американцами с высоким уровнем дохода. Сотрудники банка презентовали возможность успешно скрывать свои доходы в оффшорах, где они останутся незамеченными и не облагаемыми налогом со стороны США.

---

³¹ Cockfield, Arthur. Big Data and Tax Haven Secrecy (October 6, 2015). Florida Tax Review, Forthcoming, Queen's University Legal Research Paper No. 062. P.20.

³² Англ. United Bank of Switzerland AG.

Впервые правительство США успешно убедило швейцарское правительство заставить раскрыть примерно 4450 учетных записей американских налогоплательщиков (следовательно, чисто технически, информация была получена не посредством так называемой «утечки», а, скорее, посредством её принудительного раскрытия). Это раскрытие привело к многочисленным уголовным процессам и привлечению к уголовной ответственности со стороны американских властей за подстрекательство и пособничество в совершении уклонения от уплаты налогов. В 2009 г. Банк UBS также согласился выплатить штраф в размере 780 миллионов долларов США правительству Соединённых Штатов³³.

Переломным моментом стали события, начавшиеся 03 апреля 2013 года, когда Международный консорциум журналистов-исследователей (ICIJ) объявил, что обладает информацией о крупнейшей в мире утечке финансовых данных. Утечка включала в себя более 2,5 миллионов документов, подробно описывающих оффшорные финансовые сделки более 70 000 налогоплательщиков и более 120 000 оффшорных корпораций и трастов. Утечку исследовали более чем 86 журналистов в 42 странах, прежде чем объявить о ней публично, что, вероятно, является наиболее широкомасштабным журналистским сотрудничеством в истории. Впервые секретный мир налоговых убежищ был раскрыт в мельчайших подробностях.

Утечка финансовых данных, выявленная ICIJ, показала, что оффшорные поставщики финансовых услуг часто не соблюдают международный принцип «знай своего клиента», что создает информационные проблемы, которые значительно увеличивают издержки для правоохранительных органов в отношении обеспечения соблюдения налогового и уголовного законодательства, отвечающего за уклонение от налогов и другие экономические преступления.

---

³³ Cockfield, Arthur. Big Data and Tax Haven Secrecy (October 6, 2015). Florida Tax Review, Forthcoming, Queen's University Legal Research Paper No. 062. P. 21.

Также были выявлены факты утечки капитала из не- или квазидемократических стран в более богатые демократические государства, такие как США и другие страны Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Исследователи утверждают, что режим секретности оффшоров поощряет перемещение капитала из стран с низким или средним уровнем дохода в более богатые страны. Частой причиной вывоза капитала являются опасения людей относительно того, что государства однажды могут экспроприировать их активы, или же по политическим причинам они могут быть лишены своих активов, средств к существованию или свободы. Многих лиц, представляющих политическую или бизнес-элиту, потенциальный риск такого исхода стимулирует к оттоку капитала за границу³⁴.

Правовую основу регулирования оттока капитала составляют акты международных организаций, таких как Международный валютный фонд (МВФ), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)³⁵, Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (англ. The Financial Action Task Force, ФАТФ).

В настоящее время выделяется три основные инициативы, которые направлены на координацию и управление потоками капитала на международном уровне: Кодекс либерализации движения капитала ОЭСР³⁶, Согласованные рекомендации, выработанные министрами финансов и

---

³⁴ Цит. по Dmitry Gololobov, *The Yukos Money Laundering Case: A Never-Ending Story*, 28:4 MICH. J. INT'L L. 711 (2007).

³⁵ Например, инициатива ОЭСР под названием «Отчетность по отдельным странам» (CBCR) (отчетность транснациональной компании, которая раскрывает информацию о результатах ее деятельности во всех странах, где она оперирует – выделено мной) направлена на то, чтобы заставить многонациональные компании раскрывать финансовую информацию, касающуюся всех их оффшорных операций, включая платежи, направленные в оффшорные зоны. На данный момент, однако, реформа предусматривает только очень крупные транснациональные фирмы: исключение в отношении отчетности для многонациональных фирм с годовым коллективным доходом в предшествующий финансовый год менее 750 миллионов евро (примерно 825 миллионов долларов США), что, вероятно, освобождает от 85 до 90% мировых многонациональных фирм от соблюдения требований CBCR.

В последние десятилетия предпринимались международные усилия по запрещению использования корпораций для сокрытия личности бенефициарных (или конечных) владельцев оффшорной собственности. Так ОЭСР пересмотрела определение «бенефициарного собственника» для целей налогового соглашения, чтобы способствовать большему обмену налоговой информацией о реальных лицах трансграничных инвестиционных держателей.

³⁶ Кодекс по либерализации движения капитала (OECD Code of Liberalization of Capital Movements), принят 12 декабря 1961 года.

управляющими Центральными банками стран Группы G20, и позиции, выработанные МВФ.

Как юридически обязательный документ, Кодекс либерализации движения капитала ОЭСР является важным исключением из преимущественно «мягкого» права в сфере международного финансового права. Однако Кодекс либерализации движения капитала ОЭСР распространяется на государства с развитой экономикой, несмотря на недавние усилия стран группы Большой двадцатки (группы G20), направленные на поощрение усилий более широкой группы стран по приведению своего законодательства к соответствию с требованиями Кодекса.

Аналогичным образом Согласованные рекомендации, выработанные министрами финансов и управляющими Центральными банками стран Группы G20, применимы только к странам Большой двадцатки.

Позиции организации МВФ имеют гораздо более широкий охват и определяют политику Фонда в отношении всех его 190 членов³⁷. Однако, учитывая, что МВФ не обладает достаточной юрисдикцией по отношению к счетам, по которым идет движение капитала, позиции организации не устанавливают каких-либо юридически обязательных требований для членов МВФ.

В 2015 г. на саммите Стран группы G20 был представлен План BEPS (План по борьбе с размыванием налоговой базы и перемещением прибыли (англ. «Base erosion and Profit Shifting»), разработанный комитетом ОЭСР по фискальным вопросам (далее – «План BEPS»).

Для реализации отдельных пунктов указанного плана была принята Многосторонняя конвенция по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и

---

³⁷ Официальный сайт МВФ. URL: <https://www.imf.org/en/Countries> (дата обращения - 27.02.2023).

выводу прибыли из-под налогообложения³⁸, поддерживающая пакет мер, разработанных в соответствии с Планом BEPS.

Говоря о специальном органе - Группе разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ), необходимо понимать, что он был создан в 1989 г. по решению стран «Большой семерки» и является основным международным институтом, занимающимся разработкой и имплементацией международных стандартов в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма. В соответствии с Резолюцией Совета Безопасности ООН № 1617 (2005), сорок Рекомендаций ФАТФ являются обязательными международными стандартами для выполнения государствами-членами ООН.

Таким образом, на международном уровне государства стремятся к наиболее полному регулированию перемещения капитала и открытости финансовых потоков для целей максимального покрытия капитала режимом налогообложения, по сути, борясь и с уклонением от уплаты налогов как явлением преступности.

В целом эволюция регулирования вывоза капитала уголовно-правовыми средствами включает в себя следующие вехи.

В 1990 г. Совет Европы принял Конвенцию о борьбе с отмыванием денег, которая положительно отвечала стремлениям США к сотрудничеству по данному вопросу³⁹. В 1991 г. ЕС принял первую Директиву по борьбе с отмыванием денег, в которой закреплена согласованная стратегия борьбы с отмыванием денег⁴⁰.

---

³⁸ Многосторонняя конвенция по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения, заключена в г. Париже 24.11.2016, началом применения в отношении российских соглашений об избежании двойного налогообложения, на которые он распространяется, для РФ был установлен срок - не ранее 1 января 2021 года, после направления по дипломатическим каналам ОЭСР и государствам - партнерам по соглашениям уведомлений о завершении внутригосударственных процедур, соответствующих готовности Российской Федерации начать применение норм многосторонней Конвенции.

³⁹ Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 г. (Страсбургская конвенция).

⁴⁰ Директива (ЕЭС) 91/308/ЕЭС.

В 1996 г. Саммит Большой семерки включил в свою повестку дня проблему «вредной налоговой конкуренции» и призвал своих членов наладить сотрудничество против нее. Готовность к решению проблемы оффшоров была подтверждена в ходе встречи Большой семерки в 1997 г., на которой были предложены проекты по внесению в черный список стран-нарушителей и введении основных пунктов относительно совершенствования налоговых режимов. В результате ОЭСР по поручению стран группы G7 выпустила первый содержательный доклад, посвященный налоговой конкуренции и оффшорам под названием «Вредная налоговая конкуренция. Развивающаяся глобальная проблема»⁴¹. С этого момента государства стали уделять пристальное внимание инструментам охраны своих налоговых интересов (в том числе и уголовно-правовым).

США ускорили введение уголовной ответственности за использование оффшорных финансовых центров после терактов 11 сентября 2001 года⁴². С этого момента США призывали другие страны усилить собственные меры в этой области, утверждая, что террористическая угроза также касается и их. Основные элементы можно найти в Законе по борьбе с терроризмом 2001 года, в котором рассматривается возможность финансирования террористических групп посредством отмывания денежных средств (ст. 311, 314, 319 (b) и 356).

В Великобритании первые согласованные антиоффшорные меры начались в рамках борьбы с отмыванием денежных средств, проводимой правительством США в 1980-х годах. В течение этого десятилетия переход к карательным мерам за отмывание денежных средств начался как часть стратегии по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, хотя некоторые первоначальные попытки были предприняты в 1950-х годах (например, Законы «О преступлении отмывания денежных средств» 1956 и 1957 годов,

---

⁴¹ Harmful Tax Competition: An Emerging Global Issue. P.: OECD Publications, 1998.

⁴² Обрушение зданий Всемирного торгового центра после террористических атак 11 сентября 2001 года стало одной из самых страшных катастроф в истории США, в результате которой погибло 2749 человек, в том числе 400 сотрудников экстренных служб.

закон США «О банковской тайне» 1970 года, которые ввели процедуру расследования отмывания денежных средств).

Уголовная ответственность за отмывание денег продолжала вводиться многими Директивами ЕС, такими как Директивы об отмывании денег 2001/07/ЕС и 2005/60/ЕС.

В британском законодательстве были введены Положения о легализации денежных средств 2003 года⁴³, которые, в том числе, ввели как требование принцип «знай своего клиента»⁴⁴. Такому продвижению введения уголовной ответственности за отмывание денег также способствовал процесс стандартизации уголовного законодательства и уголовного процесса Европейского союза, начатый в 1996 г.

В то же время глобально усматривается двойственность подходов государств-лидеров и явное проявление «двойных стандартов».

В частности, в 1980-х годах США начали борьбу с отмыванием денежных средств под лозунгом борьбы с торговлей наркотиками. В начале 2000-х годов они вновь начали борьбу с этим процессом, в этот раз выбрав финансирование терроризма в качестве явной цели. Одновременно с этим оффшоры как использовались финансовыми организациями, так и продолжили использоваться. Финансовые кризисы 2007 года явно продемонстрировали негативное влияние оффшорного финансирования на мировой экономический рынок, однако ни Евросоюз, ни США не пытались ограничить использование оффшорных центров финансовыми учреждениями. Напротив, они продолжали использовать меры по борьбе с оффшорами лишь ограниченно, преимущественно для восстановления собственного потерянного дохода.

---

⁴³ The Money Laundering Regulations 2003. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukxi/2003/3075/introduction/made> (дата обращения - 27.02.2023).

⁴⁴ KYC — Know Your Customer или Know Your Client (Знай своего клиента). Это принцип деятельности финансовых институтов (банков, бирж, букмекерских контор, инвестиционных и паевых фондов), обязывающий их идентифицировать личность контрагента, прежде чем проводить финансовую операцию.

В Соединенных Штатах правовая система сложным образом регулирует вопросы, связанные с уклонением от уплаты налогов в оффшорных зонах, отмыванием денежных средств на международном уровне и финансирование международного терроризма. Федеральные законы США включают Налоговый кодекс, Закон о борьбе с отмыванием денежных средств, Закон о банковской тайне и Закон о борьбе с терроризмом США. Кроме того, был предпринят ряд реформ, направленных на регулирование финансовой политики оффшорных зон. Самой примечательной мерой является закон, принятый Конгрессом США в 2010 г., известный как Закон о налоговой отчетности по зарубежным счетам (FATCA), направленный на то, чтобы заставить иностранные финансовые организации собирать информацию о банковских счетах любых «лиц из США» (то есть граждан США, резидентов, бывших владельцев грин-карт и других) и отправлять эту информацию непосредственно в Федеральную налоговую службу (IRS). FATCA, вступившая в силу для многих стран в 2015 г., стремится решить информационную проблему (проблему доступа к финансовой информации), отмеченную ранее: налоговые и правоохранительные органы обычно не могут получить доступ к необходимой информации, касающейся финансовых операций их резидентов и граждан с оффшорными налоговыми убежищами (хотя FATCA предназначена только для американских налогоплательщиков, которые проживают за границей, в то время как основная часть уклонения от уплаты налогов осуществляется лицами, живущими в Соединенных Штатах).

Кроме того, Соединенные Штаты стремятся воспрепятствовать уклонению от уплаты налогов в оффшорных зонах с помощью различных мер:

а. Программа добровольного раскрытия информации (с 2003 по 2012 годы доходы от неё составили от 5,5 млрд долларов США);

б. Усовершенствование подачи налоговой отчетности (например, Отчеты об иностранных банковских счетах и операциях резидентов США в иностранных юрисдикциях в соответствии с Законом о банковской тайне);

в. Программа информирования о нарушениях, которая платит отдельным лицам за информацию, способствующую обвинению за уклонение от уплаты налогов;

г. «Джон Доу» - судебные запросы, которые позволяют Федеральной налоговой службе узнавать информацию о деятельности налогоплательщиков в оффшорах, не зная заранее их личностей;

д. Публичное раскрытие информации об успешном привлечении к уголовной ответственности в судебном порядке.

Что касается мер по проведению международной налоговой реформы, направленных на предотвращение уклонения от уплаты налогов посредством оффшоров, то Соединенные Штаты и другие страны в целом работают через Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), находящуюся в Париже, которая выступает в качестве неформальной основной «мировой налоговой службы». ОЭСР постоянно предпринимает усилия по реформированию правовых мер, направленных на борьбу с уклонением от уплаты налогов в оффшорных зонах и связанным с ним феноменом агрессивного международного налогового планирования. Например, с 2002 года ОЭСР сконцентрировалась на содействии обмену информацией между странами ОЭСР и налоговыми убежищами посредством соглашений, основанных на типовом соглашении ОЭСР по обмену налоговой информацией (TIEA)⁴⁵.

Также Американская сеть по борьбе с финансовыми преступлениями (FinCen) рекомендовала правила на основе стандартов по борьбе с отмыванием денежных средств, разработанных ФАТФ, в соответствии с

---

⁴⁵ Англ. The Model Agreement on Exchange of Information on Tax Matters (TIEA). Было опубликовано Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 2002 г. Типовое соглашение TIEA является первым инструментом, определившим стандарты ОЭСР по обмену информацией и прозрачности (стандарт ОЭСР) в сфере налогообложения.

которыми американским финансовым организациям необходимо идентифицировать лиц, которые являются конечными (или «бенефициарными») владельцами корпораций и счетов, независимо от того, существует ли подозрение в совершении преступления или нет⁴⁶.

В то же время если Соединенные Штаты Америки и Великобритания не выделяют в своем законодательстве такого отдельного состава преступления, который запрещал бы вывоз капитала в нарушение валютного регулирования (помимо легализации денежных средств и уклонения от уплаты налогов), то, например, Швейцарская конфедерация⁴⁷ в своем законодательстве такой состав преступления закрепила.

Так, в ст. 305ter закреплена уголовная ответственность за «недостаточную осмотрительность в финансовых операциях». Состав преступления сконструирован как наступление уголовной ответственности за действия лиц, которые в рамках своих должностных обязанностей принимают, размещают на банковском счете или содействуют в инвестировании или перемещении за границу активов без установления личности их бенефициарного владельца с проявлением требуемой должной осмотрительности. За данное преступление предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до одного года или штраф⁴⁸.

Таким образом законодатель Швейцарии защищает финансовую систему от неподконтрольных государству потоков капиталов.

---

⁴⁶ См. англ. Customer Due Diligence Requirements for Financial Institutions. May 11, 2016. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2016-05-11/pdf/2016-10567.pdf> (дата обращения - 27.02.2023).

⁴⁷ Официальное название государства Швейцария

⁴⁸ См. Уголовный кодекс Швейцарии. URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/54/757_781_799/en#a305ter (дата обращения - 27.02.2023).

Перевод на английский язык приводится по состоянию законодательства на 27.02.2023 года:

Insufficient diligence in financial transactions and right to report

Art. 305ter

1 Any person who as part of his profession accepts, holds on deposit, or assists in investing or transferring outside assets and fails to ascertain the identity of the beneficial owner of the assets with the care that is required in the circumstances is liable to a custodial sentence not exceeding one year or to a monetary penalty.

2 The persons included in paragraph 1 above are entitled to report to the Money Laundering Reporting Office in the Federal Office of Police any observations that indicate that assets originate from a felony or an aggravated tax misdemeanour in terms of Article 305bis number 1bis.

В настоящее время государства-лидеры выражают готовность в целом ограничить деятельность оффшорных центров, и в будущем финансовые учреждения и компании могут оказаться в центре антиоффшорной политики.

Некоторые лидеры Европейского Союза, то есть Франция и Германия, занимают доминирующее место в разработке и реализации программ по борьбе с вывозом капитала в оффшоры и даже оказывают давление на таких лидеров, как Великобритания, так как многие из коронных владений и заморских территорий были внесены в черные списки ОЭСР как оффшорные финансовые центры.

В практике зарубежных стран, в частности, в США и Соединенном Королевстве, юристы не пришли к однозначному выводу о том, на что должны быть направлены меры финансового контроля по воспрепятствованию вывода капитала. Отмечается, что первичной целью системы финансового регулирования должен являться сбор «справедливой» суммы налогов различными государствами, на территории которых совершаются сделки и финансовые операции⁴⁹. Таким образом, в этой плоскости лежит дискуссия и об общественной опасности и объекте преступлений, закрепленных в ст.ст. 193 и 193¹ УК РФ в российской правовой системе.

Для достижения полноценного налогообложения Объединение G7 (Объединение Стран Большой Семерки), ОЭСР, Соединенные Штаты и Европейский Союз разработали концепцию, принятую в качестве стратегии Группой G20 (Группа Большой Двадцатки)⁵⁰. Ранее более крупные, в основном офшорные государства (государства, не предоставляющие налоговые льготы), зависящие от подоходного налога, оказывали давление на государства с низкими или нулевыми подоходными налогами только для того, что принудить их предоставлять информацию о конкретных счетах,

---

⁴⁹ Richard Gordon and Andrew P. Morriss, *Moving Money: International Financial Flows, Taxes, and Money Laundering*, 37 *Hastings Int'l & Comp. L. Rev.* 1 (2014). P. 53.

⁵⁰ OECD/G20 Inclusive Framework on BEPS, *Multilateral Convention to Implement Tax Treaty Related Measures to Prevent Base Erosion and Profit Shifting*; далее – «MLI». Данная Конвенция подписана 24 июня 2017 года.

когда налоговая юрисдикция полагала, что один из ее резидентов совершает уклонение от уплаты налогов, получая незадекларированный доход в налоговой юрисдикции с низким или отсутствующим налоговым режимом⁵¹. Это свидетельствует о том, что вывод капитала напрямую затрагивает именно налоговые правоотношения, и государства стремятся выработать меры финансового регулирования валютного законодательства в качестве превентивных мер от уклонения от уплаты налогов.

Все же использование режимов секретности оффшоров, которые позволяют не соблюдать требования финансовой отчетности, содействует осуществлению преступной деятельности и на других, более высоких уровнях. Так, совершению всех международных экономических преступлений способствует возможность финансирования участников преступной деятельности путем частных переводов денежных средств и сокрытия активов и (или) доходов в оффшорах⁵².

Таким образом, в результате можно отметить следующее: во всем мире явление перемещения денежных средств не расценивается как однозначно позитивное или негативное явление.

Проблема «перетекания» капиталов из одной юрисдикции в другую кроется в чистоте и открытости финансовых потоков. Так, поток неконтролируемых денежных средств влечет следующие негативные последствия:

1. Национальные экономики государств претерпевают колебания; обладая недостоверными сведениями о наличии денежных средств, правительства и финансовые органы принимают неверные экономические решения в масштабах всей страны;

2. Поощряется коррупция, поскольку возможность использовать незаконно полученные денежные средства способствуют совершению преступлений в дальнейшем;

---

⁵¹ Richard Gordon and Andrew P. Morriss. Moving Money: International Financial Flows, Taxes, and Money Laundering. 37 *Hastings Int'l & Comp. L. Rev.* 1 (2014). P. 55.

⁵² Цит. по Joshua D. Blank, *Reconsidering Corporate Tax Privacy*, 11 *NYU J. LAW & BUS.* 31 (2014).

3. Государства недополучают денежные средства в виде налогов от этих неконтролируемых денежных средств, страдает бюджетная система;

4. Вывезенные капиталы не используются в экономике Российской Федерации, являются так называемой «упущенной выгодой» и в результате служат банковским системам других государств;

5. «Неучтенные средства» нередко перенаправляются на финансирование международной преступности, в том числе и международного терроризма.

Таким образом, наличие уголовно-правовых запретов на неконтролируемый государством вывоз капиталов, их общественная опасность являются обусловленным множеством причин, сформулированных на уровне международного сообщества и определяющих политику всех развитых и стремящихся к ним государств.

При этом взаимосвязь российского валютного законодательства и механизмов противодействия вывозу капитала становится все более очевидной.

Как указывает Н.Е. Черепненко, нелегальный вывоз капитала лишает российскую экономику критически важных ресурсов, притом его предотвращение может способствовать стабилизации курса национальной валюты, росту золотовалютных резервов и более точному прогнозированию платежного баланса Российской Федерации⁵³.

Таким образом, меры, направленные на противодействие вывозу капитала, необходимы для достижения всех перечисленных целей, позитивно отражающихся на экономике страны (особенно на социальных ее аспектах).

Их достижению способствует валютное законодательство (меры валютного контроля), в частности, обязанность резидентов репатриировать капитал на территорию России, соблюдать правила осуществления валютных

---

⁵³ Черепненко Н.Е. Нелегальный вывоз капитала и пути его предотвращения : автореферат дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10 / Моск. ун-т потреб. кооп. М, 2005. С. 3-4.

операций, а также вывоза наличных денежных средств и денежных инструментов с территории государства.

Уголовная ответственность за нарушение положений валютного законодательства именно в разрезе запрета на вывоз капитала является одной из форм противодействия указанному негативному экономическому явлению, прогнозируемо набирающему свою популярность в условиях современной экономической обстановки.

§ 2. Развитие уголовного законодательства об ответственности за вывоз капитала из Российской Федерации

Любое явление не может быть полноценно рассмотрено без погружения в его сущность и историческое развитие. Так, изучение уголовной ответственности за вывоз капитала из Российской Федерации обуславливает необходимость изучения эволюции валютного регулирования в российском государстве и его влияния на исследуемый уголовно-правовой запрет.

Большинство исследований отсчитывает начало развития валютного регулирования с момента образования Советского Союза и введения им государственной монополии на осуществление внешнеторговой деятельности⁵⁴. В то же время в настоящем исследовании поддерживается точка зрения А.В. Губаревой, которая выделяет несколько этапов периодизации развития института валютного регулирования:

- 1) зарождение элементов правового регулирования внешнеэкономических отношений (X - XV вв.);
- 2) протекционистская внешнеэкономическая политика (XVI - первая половина XIX в.);

---

⁵⁴ Столповский Д.М. Историко-правовой анализ регулирования валютного обращения в России в дореволюционный период // История государства и права. 2015. № 21. С. 61 - 64. // СПС «КонсультантПлюс».

3) поиск пути реформирования внешнеэкономической стратегии (50 - 80-е гг. XIX в.);

4) либерализация правового регулирования внешнеэкономической деятельности (90-е гг. XIX в. - 1918 г.);

5) государственная монополия на внешнеэкономическую деятельность (1918 - 1991 гг.);

6) переход к открытой экономике (1991 - 1998 гг.);

7) евразийская интеграция (1999 г. - настоящее время)⁵⁵.

В то же время, если говорить именно о развитии регулирования вывоза капитала как экономического явления, то говорить о его становлении возможно, действительно, лишь с 1917 года, когда на смену государственному строю Российской империи пришла советская власть.

Так, валютное регулирование в СССР характеризовалось исключительной монополией государства на внешнюю торговлю, что нашло свое отражение в Декрете о национализации внешней торговли, принятом СНК РСФСР 22 апреля 1918 года⁵⁶. В нем указывается следующее: «Вся внешняя торговля национализируется. Торговые сделки по покупке и продаже всякого рода продуктов (добывающей, обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и пр.) с иностранными государствами и отдельными торговыми предприятиями за границей производятся от лица Российской Республики специально на то уполномоченными органами. Помимо этих органов всякие торговые сделки с заграницей для ввоза и вывоза воспрещаются»⁵⁷.

М.Н. Соболев в своих «Очерках финансовой науки» так характеризовал сложившийся в государстве подход: «для Союза важно иметь в своих руках всю реализацию вывозимых товаров в виде иностранных денег для того,

---

⁵⁵ Губарева А.В. Историко-правовой анализ регулирования внешнеэкономической деятельности в России // История государства и права. 2014. № 2. С. 41-44 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁶ Декрет о национализации внешней торговли СНК РСФСР от 22.04.1918. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-04-22-4.htm> (дата обращения - 27.02.2023).

⁵⁷ Раздел I Декрета о национализации внешней торговли, принятого СНК РСФСР 22 апреля 1918 года.

чтобы управлять движением этих денег и их курсами в интересах денежного обращения»⁵⁸.

Таким образом, вся система валютного регулирования и валютного контроля была сосредоточена в государственных руках, хотя формально ее наличие никак не декларировалось.

В связи со стремлением советского государства поддерживать данное положение посредством его регулирования различными отраслями права, в Уголовный кодекс РСФСР 1926 года вошло положение об установлении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях (ст. 59¹² УК РСФСР⁵⁹). Данное преступление относилось к категории особо опасных преступлений против порядка управления.

В свою очередь определение особо опасных преступлений против порядка управления содержалось в ст. 15 Положения о преступлениях государственных (1927 год)⁶⁰, согласно которому особо опасными для Союза преступлениями против порядка управления признаются те преступления против порядка управления, что колеблют основы государственного управления и хозяйственной мощи Союза ССР и союзных республик, и которые совершены без контрреволюционных целей. Тогда же определение было имплементировано и в ст. 59¹ Уголовного кодекса РСФСР (в редакции от 14.06.1927)⁶¹.

Четко прослеживается бланкетный характер указанной нормы – уголовная ответственность вводилась за нарушение отраслевых правил, регулирующих порядок осуществления валютных операций.

---

⁵⁸ Соболев М.Н. Очерки финансовой науки. М.: Пролетарий, 1925. С. 46. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10076789> (дата обращения - 27.02.2023).

⁵⁹ Ст. 59¹² УК РСФСР 1926 года: Нарушение правил о валютных операциях - для должностных лиц - лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже одного года, а при отсутствии признаков, указанных в статье 109 настоящего Кодекса, - дисциплинарное взыскание: для частных лиц - штраф до трех тысяч рублей; в случае же, когда будет установлено занятие лица указанными операциями в виде промысла - лишение свободы на срок не ниже одного года с конфискацией всего или части имущества.

⁶⁰ Постановление ЦИК СССР от 25.02.1927 «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶¹ Постановление ВЦИК от 22.11.1926 в ред. от 14.06.1927 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» // СПС «КонсультантПлюс».

Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 15 февраля 1923 года «О валютных операциях» частным лицам и предприятиям предписывалось держать на счетах в Государственном банке или в кредитных учреждениях, имеющих разрешение Народного комиссариата финансов на право совершения валютных операций, всю иностранную валюту, полученную от экспорта.

Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 19 апреля 1923 года «О порядке вывоза и перевода за границу валютных ценностей» введены жесткие ограничения на вывоз валютных ценностей частными лицами. В частности, разрешался вывоз выезжающими за границу лицами иностранной валюты, переводов, векселей или чеков, выписанных в иностранной валюте, благородных металлов в слитках и изделиях, а также драгоценных камней на общую сумму до двух рублей золотом на одно лицо и сверх того на каждого члена семьи — на сумму до 100 рублей золотом по официальному курсу. Подобные ограничения действовали и в отношении переводов⁶².

В 1937 г. совместным Постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 07.01.1937 «О сделках с валютными ценностями и о платежах в иностранной валюте» провозглашено исключительное право советского государства (в лице Государственного банка СССР) на совершение всех международных расчетов в золоте и в иностранной валюте, а также на совершение на советской территории сделок с валютными ценностями. Таким образом в основу уголовного запрета легла запрещенность действий по совершению любых международных (трансграничных) сделок и финансовых операций не уполномоченными субъектами.

Внутренний валютный рынок в этот период, наряду с Госбанком СССР, был, прежде всего, представлен Внешторгбанком СССР, а также такими органами государственной власти, как Минфин СССР и Госплан СССР. К внешней торговле были допущены государственные

---

⁶² Кучеров И.И. Валютно-правовое регулирование в Российской Федерации: эволюция и современное состояние. М.: ИГиСП, 2018. С. 17.

внешнеторговые объединения, число которых было ограничено. Все поступления от экспортных операций в иностранной валюте концентрировались на счетах Внешторгбанка СССР, который обладал монопольным правом на осуществление международных расчетов. Использование валютных средств, полученных от экспорта и займов в иностранной валюте, а также накопление золотовалютных резервов осуществлялись на основе государственного планирования. Установление полной государственной валютной монополии стало данностью⁶³.

Под объектом преступления «нарушение правил о валютных операциях» понималась советская денежная и кредитная система, поскольку любое нарушение указанных правил, как считалось, подрывает ее и дезорганизует⁶⁴.

При этом необходимо упомянуть, что незаконный вывоз, ввоз, пересылка и перевод за границу или из-за границы валютных ценностей квалифицировался как контрабанда (ст. 164 Таможенного кодекса СССР, ст. 24 Положения о преступлениях государственных, ст. 59⁹ УК РСФСР)⁶⁵.

Причем занятие **в виде промысла** незаконным вывозом, ввозом, пересылкой и переводом за границу и из-за границы валютных и фондовых ценностей являлась квалифицированным составом контрабанды, которая, при наличии особо отягчающих обстоятельств, могла повлечь применение высшей формы наказания – расстрела (ст. 166 Таможенного кодекса СССР⁶⁶, ст. 59⁹ УК РСФСР⁶⁷).

В то же время советский законодатель относил контрабанду к категории преступлений – посягательств на монополию внешней торговли (по объекту преступления)⁶⁸, таким образом разделяя два объекта – принцип

---

⁶³ Кучеров И.И. Указ. соч. С. 18.

⁶⁴ Герцензон А.А., Меньшагин В.Д., Ошерович Б.С., Пионтковский А.А. Уголовное право. Особенная часть. Государственные преступления. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. С. 142.

⁶⁵ Там же. С. 144 -145.

⁶⁶ Таможенный кодекс Союза ССР, утв. Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 19.12.1928.

⁶⁷ Уголовный кодекс РСФСР, утв. Постановлением ВЦИК от 22.11.1926.

⁶⁸ Герцензон А.А., Меньшагин В.Д., Ошерович Б.С., Пионтковский А.А. Уголовное право. Особенная часть. Государственные преступления. – М., 1938. С. 143.

монополии внешней торговли и денежно-кредитную систему государства.

Впоследствии Законом СССР от 25.12.1958 «Об уголовной ответственности за государственные преступления» данное преступление было отнесено к категории «Иные государственные преступления» (раздел 2 Закона), и указанный состав был закреплен в ст. 25 практически в той же самой формулировке, был добавлен лишь новый состав преступления – состав спекуляции валютными ценностями и ценными бумагами⁶⁹. Впоследствии Указом Президиума Верховного совета СССР от 24.02.1961⁷⁰ устанавливалась уголовная ответственность за укрывательство указанного преступления, а Указом Президиума Верховного Совета СССР «О дополнении статьи 25 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления» от 25.03.1961 статья была дополнена квалифицированным составом – устанавливалась ответственность за спекуляцию валютными ценностями или ценными бумагами в виде промысла или в крупных размерах, а также за нарушение правил о валютных операциях лицом, ранее осужденным по ч. 1 ст. 25 Закона.

Степень общественной опасности данного преступления со временем воспринималась руководством СССР как все более и более высокая, что повлекло ужесточение наказания за его совершение. Об этом свидетельствует введение в мае 1951 года возможности назначения нового вида наказания за его совершения – ссылки сроком от 2 до 5 лет⁷¹, а уже в июле 1961 года – допущено применение смертной казни в виде расстрела за совершение квалифицированных составов нарушений валютных правил⁷².

---

⁶⁹ Статья 25 Закона СССР от 25.12.1958 «Об уголовной ответственности за государственные преступления»: Нарушение правил о валютных операциях, а также спекуляция валютными ценностями или ценными бумагами - наказываются лишением свободы на срок от трех до восьми лет с конфискацией валютных ценностей и ценных бумаг.

⁷⁰ Указ Президиума ВС СССР от 24.02.1961 «О дополнении Закона об уголовной ответственности за государственные преступления».

⁷¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 05.05.1951 «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 01.07.1961 «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях» // СПС «КонсультантПлюс».

Одним из наиболее громких дел того времени является приговор по делу Рокотова и Файбишенко, вынесенный в июле 1961 года и допустивший применение обратной силы закона и, соответственно, применение более тяжкого наказания к лицам, скупившим и перепродавшим валюту и золотые монеты на сумму свыше 12 млн рублей.

Указанные факты свидетельствуют о придании государством такой высокой степени общественной опасности так называемым «валютным составам», что до сих пор теория уголовного права изучает возникшие в связи с этим тенденции уголовного права как значимые и повлиявшие на комплексный подход действия уголовного закона во времени.

В УК РСФСР 1960 года подход не был изменен, так он содержал положение об уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях, а также спекуляцию валютными ценностями или ценными бумагами, в том числе был вновь введен квалифицированный состав совершения указанных действий, совершенных лицом, ранее судимым за преступления, предусмотренные настоящей статьей, а равно спекуляцию валютными ценностями или ценными бумагами в крупных размерах (ст. 88 УК РСФСР 1960 года).

П.Ф. Тельнов указывал, что объективную сторону составов указанных преступлений составляют: «... производство и прием платежей в иностранной валюте, перевод за границу и из-за границы в СССР советской и иностранной валюты. Перевод в данном случае означает не только пересылку денег по почте, но и замаскированный перевод в форме предоставления денег, материальных ценностей по одну сторону советской границы с получением соответствующего возмещения по ее другую сторону. Нарушение правил о валютных операциях окончено с момента осуществления... заграничного перевода валюты или валютных ценностей, либо оплаты в иностранной валюте»⁷³.

---

⁷³ Цит. по: Струкова А.А. Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте: Уголовно-правовая характеристика. СПб. Издательство «Юридический Центр Пресс», 2002. С. 21-22.

В то же время в 1976 г. государство взяло курс на гуманизацию валютных отношений, что сказалось и на действии уголовного закона.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30.11.1976 «О сделках с валютными ценностями на территории СССР» нарушением правил о валютных операциях, влекущим административную или уголовную ответственность, признаются лишь незаконная скупка, продажа и обмен валютных ценностей либо использование их в качестве средства платежа, если они совершены на территории СССР (ст. 4).

Спекуляцией валютными ценностями является скупка и перепродажа таковых с целью наживы.

Согласно разъяснениям п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 18.04.1980 № 3 «О судебной практике по делам о нарушении правил о валютных операциях» **все иные сделки с валютными ценностями не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 88 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик.**

Таким образом, благодаря изменению отраслевого законодательства произошла частичная декриминализация, позволившая вывести часть валютных операций из-под действия ст. 88 УК РСФСР.

Однако усматривается коренное отличие объекта преступления с тем, который мы наблюдаем в современном законодательстве. Верховный суд СССР, разъясняя вопросы квалификации данных составов, прямо указал, что уголовная ответственность наступает лишь за незаконные операции с валютными ценностями, совершенные на территории СССР, поэтому такие сделки советских граждан за границей, как незаконные сделки граждан с советскими деньгами за рубежом, не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 88 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик.

Незаконный вывоз советских денег за рубеж, в том числе сопряженный с последующим совершением различных сделок с ними (продажа, обмен, использование в качестве средства платежа), должен расцениваться как

контрабанда и в зависимости от обстоятельств дела влечь административную ответственность по ст. 101 Таможенного кодекса Союза ССР или уголовную - по ст. 78 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик (п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 18.04.1980 № 3).

Таким образом, приходим к выводу о том, что советское государство охраняло не вывоз капитала из государства как таковой, а именно оборот иностранной валюты как аспект экономических отношений между Советским союзом и иными государствами. В то же время очевидно противоречие, поскольку запрет вывоза наличных денежных средств (квалифицируемый как контрабанда) был установлен и охранялся, в том числе, уголовным законом.

В этом же Постановлении Пленума ВС СССР были даны указания на общественную опасность (а, стало быть, и объект) валютных составов: «Нарушение правил о валютных операциях, а также спекуляция валютными ценностями посягают на валютную монополию Советского государства; они нередко сопряжены с хищениями, взяточничеством, контрабандой, занятием запрещенным промыслом и другими преступлениями».

Все же усматривается некая бессистемность в этом вопросе, поскольку, если предполагать, что объектом данных составов являются отношения по обороту иностранной валюты, то криминализация вывоза наличных денежных средств в рублях данный объект не охраняет, а стало быть, объектом являются иные общественные блага.

В дальнейшем государством поддерживался курс на либерализацию валютного регулирования, и очередной вехой стало предоставление права непосредственного осуществления экспортно-импортных операций всем предприятиям, объединениям, производственным кооперативам и иные организациям, продукция (работы, услуги) которых обладает

конкурентоспособностью на внешнем рынке с 1 апреля 1989 года⁷⁴. Так была завершена эпоха монополии государства на внешнеторговую деятельность⁷⁵.

Принципиальные изменения в уголовный закон были внесены законом РФ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» от 01.07.1994, которым была отменена ст. 88 УК РСФСР, и вместо нее введены два состава: состав преступления «Незаконные сделки с валютными ценностями» (ст. 162⁷ УК РСФСР) и «Соккрытие средств в иностранной валюте» (ст. 162⁸ УК РСФСР). Примечательно, что данные составы включены в главу 6 «Хозяйственные преступления» УК РСФСР.

Именно в положении ст. 162⁸ УК РСФСР содержался уголовно-правовой запрет, ставший прообразом ныне существующей ст. 193 УК РФ. Объективной стороной указанного преступления являлось сокрытие в крупных размерах руководителями предприятий, учреждений, организаций (независимо от формы собственности) средств в иностранной валюте, подлежащих обязательному перечислению на счета в уполномоченных банках Российской Федерации.

В настоящее время Уголовный кодекс РФ (принятый в 1996 г.) содержит три состава преступления, предусматривающих ответственность за вывоз капитала из Российской Федерации в различных формах. Эти преступления закреплены в ст. 193 УК РФ («Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации»), ст. 193¹ УК РФ («Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных

---

⁷⁴ Постановление Совмина СССР от 02.12.1988 № 1405 «О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных общественных предприятий, объединений и организаций».

⁷⁵ Данным источником не ограничивается курс либерализации. См., например, Постановление Совмина СССР от 04.08.1990 № 776 «О мерах по формированию общесоюзного валютного рынка, Указ Президента РСФСР от 15.11.1991 № 213 «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР».

документов») и ст. 200¹ УК РФ («Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов»).

При этом Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» диспозиция ст. 193 была существенно переработана, а статьи 193¹ и 200¹ в 2013 г. дополнили перечень составов преступлений в УК РФ.

Глава II. Вывоз капитала как валютное преступление: понятие, объект, предмет

§ 1. Понятие валютных преступлений в теории российского уголовного права

Явление вывоза (бегства) капитала, как уже указывалось, включает в себя три аспекта, два из которых определяют направление уголовно-правовой политики: (1) отток средств, полученных от преступной деятельности и (2) экспорт средств от легальной деятельности, но переведенных за рубеж с нарушением правил валютно-экспортного контроля⁷⁶.

Так, первый из них обуславливает наличие состава преступления легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем (ст.ст. 174 и 174¹ УК РФ).

Второй аспект находит свое отражение в следующих составах преступлений:

1. Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации (ст. 193 УК РФ);

2. Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов (ст. 193¹ УК РФ);

3. Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200¹ УК РФ).

Отдельно стоит отметить, что отток полученных в результате преступной деятельности наличных средств является исключением, поскольку является контрабандой и не обладает признаками легализации.

В различных научных исследованиях встречаются попытки каким-либо образом выделить эти преступления (являющиеся, по сути, запретом

---

⁷⁶ Prakash Loungani, Paolo Mauro. Capital Flight from Russia. IMF Policy Discussion Paper. PDP/00/6. June, 2000. P. 4.

экспорта средств от легальной деятельности, но переведенных за рубеж с нарушением правил валютно-экспортного контроля) в отдельную группу для целей классификации. В то же время большинство исследований не уделяют должного внимания изменениям уголовного законодательства, произошедшим после 2013 года.

Так, Н.И. Пикуров относит преступления, предусмотренные ст.ст. 193, 193¹, 200¹ УК РФ, к преступлениям, посягающим преимущественно на публичные интересы государства или общества в сфере экономики⁷⁷, а Н.А. Лопашенко - к посягательствам на принцип осуществления экономической деятельности на законных основаниях⁷⁸.

Представляется, что данные позиции бесспорны, но достаточно общи и в большей степени служат образовательным целям, помогающим познать сущность большинства преступлений, включенных в раздел VIII Уголовного кодекса РФ, не выделяя особенностей отдельных составов преступлений⁷⁹.

И.М. Мацкевич включает деяния, предусмотренные ст.ст. 193, 193¹, 200¹ УК РФ в группу преступлений, посягающих на интересы внешнеэкономической деятельности, при этом дополнительно относя контрабанду наличных денежных средств (ст. 200¹ УК РФ) к преступлениям в сфере формирования бюджета и государственных внебюджетных фондов⁸⁰. Однако неясно, каким образом действия по незаконному перемещению

---

⁷⁷ Пикуров Н.И. Четвертая пятилетка УК РФ: востребованность норм об ответственности за экономические преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 29-35 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁸ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности. Ч. II. Цит. по Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть [Текст] : монография / Г.А. Есаков. Москва: Издательский дом Высш. шк. экономики, 2019. С. 77.

Так, Н.А. Лопашенко полагает, что принцип осуществления экономической деятельности на законных основаниях означает, что экономическая деятельность строится в соответствии с российским законодательством различных правовых отраслей, не противоречит ему. Организация, порядок, гарантии осуществления экономической деятельности достаточно подробно урегулированы правом и законом; в противном случае экономическая деятельность законна, если не запрещена («дозволено все, что не запрещено»). См. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (Комментарий к главе 22 УК РФ). Ростов-на-Дону, 1999. С. 274, 53-54.

⁷⁹ Так, полностью солидаризируюсь с позицией А.А. Струковой о том, что занимаемая Н.А. Лопашенко позиция не позволяет очертить круг общественных отношений, являющихся объектом посягательства отдельных составов преступлений. См. Струкова А.А. Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте: Уголовно-правовая характеристика. - СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. С. 58.

⁸⁰ Мацкевич И.М. Причины экономической преступности: учебное пособие. - М.: «Проспект», 2017 // СПС «Гарант».

денежных средств через границу относятся к формированию бюджета государства (что было бы логичным при наличии требования уплаты каких-либо таможенных пошлин и взносов на ввоз/вывоз денежных средств, однако таких требований не существует, к тому же в таком случае деяние содержало состав преступления, предусмотренного ст. 194 УК РФ, – уклонение от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин, взимаемых с организации или физического лица).

Г.А. Есаков предлагает более узкое основание выделения преступлений в отдельную группу и относит преступления, предусмотренные ст.ст. 193, 193¹, 200¹ УК РФ, к преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности и таможенного контроля⁸¹.

Однако отнесение данных составов к преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности небесспорно ввиду того, что предмет регулирования внешнеэкономической деятельности и предмет валютного регулирования не соотносятся между собой как общее и частное, хоть и тесно связаны.

Так, И.В. Хаменушко, один из авторитетных специалистов в сфере валютного регулирования, дает следующее определение: валютное регулирование в широком смысле - *это валютная политика, деятельность государства, проводимая посредством некоторого устоявшегося набора экономических и юридических мер*. В узком же смысле валютное регулирование - *это особый правовой режим совершения валютных операций, при котором действует система валютных ограничений и валютного контроля*⁸².

Внешеэкономическая деятельность (далее – ВЭД) Федеральным законом «Об экспортном контроле»⁸³ определяется через перечисление не ее признаков, а видов деятельности, которые относятся к ВЭД: это

---

⁸¹ Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть: монография / Г.А. Есаков. Москва: Издательский дом Высш. шк. экономики, 2019. С. 78.

⁸² См. Хаменушко И.В. Валютное регулирование в Российской Федерации: правила, контроль, ответственность: учеб.-практ. пособие. М.: Норма, 2013. // СПС «КонсультантПлюс».

⁸³ Федеральный закон от 18.07.1999 № 183-ФЗ «Об экспортном контроле».

внешнеторговая, инвестиционная и иная деятельность, включая производственную кооперацию, в области международного обмена товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности, в том числе исключительными правами на них (ст. 1):

Е.Г. Афанасьева емко характеризует внешнеэкономическую деятельность как деятельность, направленную на заключение и исполнение внешнеэкономических сделок⁸⁴.

В сущности своей валютное регулирование является **косвенным** инструментом регулирования внешнеторговой деятельности в связи с тем, что призвано регулировать юридически значимые действия в отношении денег или обращающихся инструментов, осложненные иностранным элементом либо признаком трансграничности⁸⁵.

Таким образом, предметом внешнеэкономического регулирования и валютного регулирования являются различные объекты (сделки как институт часто-правовых отношений, осложненные иностранным элементом, и валютные операции как особые юридические факты – действия с валютой, – возникновение которых влечет публично-правовые обременения соответственно).

А.А. Никифорова сформулировала определение преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности как умышленные общественно опасные деяния трансграничного характера, совершенные с корыстной целью и специальным способом, посягающие на нормальное функционирование внешнеэкономической деятельности, ответственность за которые закреплена в главе 22 УК РФ⁸⁶. Хотя и обоснованность признака наличия корыстной

---

⁸⁴ Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. // СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁵ См. Лисицын А.Ю. Эффективность системы валютно-правового регулирования внешнеторговой деятельности // Реформы и право. 2008. № 4 // СПС «КонсультантПлюс»; Лисицын А.Ю. Валютное регулирование и валютный контроль в механизме государственного регулирования внешнеторговой деятельности // Административное и финансовое право. Ежегодник Центра публично-правовых исследований. Том 2. М.: АНО «Центр публично-правовых исследований». 2007. // СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁶ Никифорова А.А. Уголовно-правовой механизм противодействия преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук - Нижний Новгород, 2017. С. 61-62.

цели может быть поставлена под сомнение, данное определение вполне подходит для разграничения преступлений в целях их классификации. Так, кажется нелогичным утверждать, что, например, нерепатриация денежных средств резидентом Российской Федерации каким-либо образом оказывает негативное воздействие на нормальное функционирование внешнеэкономической деятельности в ее классическом понимании предпринимательской деятельности трансграничного характера (как деятельности, основанной на принципе диспозитивности, а значит, не подразумевающей наложения обязанности и дачи императивных указаний стороне сделки по вопросу того, как ей поступить в случае неисполнения обязательства)⁸⁷.

Более того, контрабанда денежных средств и преступление, предусмотренное ст. 193¹ УК РФ, исходя из анализа судебной практики, в подавляющем большинстве не связаны с совершением реальных и законных трансграничных сделок, тогда как денежные средства перемещаются исключительно с созданием их (сделок) «внешней видимости» (в случае с контрабандой не происходит и этого).

В целом же представляется возможным относить к категории преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности из трех исследуемых составов преступлений лишь один - уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации (ст. 193 УК РФ).

С.Л. Нудель относит преступления, предусмотренные ст.ст. 193, 193¹, 200¹ УК РФ, к преступлениям, посягающим на финансовые отношения в области банковской деятельности и валютно-денежного обращения в общем и в частности посягающим на валютные отношения⁸⁸.

---

⁸⁷ Тымчук Н.Б. Правовые аспекты внешнеэкономической деятельности в современной России : диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2010. С. 24.

⁸⁸ Нудель С.Л. Уголовно-правовая охрана финансовых отношений: дис. ... докт. юрид. наук. Москва, 2015. С. 140.

А.Н. Лясколо полагает, что данные преступления входят в систему финансовых преступлений, относя их к подвиду преступлений против валютного рынка⁸⁹. По мнению криминалиста, финансовые рынки, на которых происходит торговля капиталом, включают в себя сегмент валютного рынка, который представляет собой совокупность финансовых отношений с иностранным элементом, в том числе нерезидентом и (или) валютной ценностью (функциональный аспект), а также совокупность органов валютного контроля и участников оборота, совершающих валютные операции (институциональный аспект)⁹⁰.

Во многих трудах используется термин «валютные преступления» применительно к анализируемым преступным деяниям, однако без наполнения его теоретическим содержанием.

К примеру, Б.В. Волженкин, упоминая термин «валютные преступления», понимал его как понятие, равнозначное понятию «преступления против установленного порядка обращения валютных ценностей»⁹¹. Впоследствии он отказался от такого определения в связи с тем, что включал в перечень данных преступлений составы, предусмотренные ст.ст. 191-192 УК РФ (связанные с незаконным оборотом драгоценных металлов и драгоценных камней), предмет которых принятым в 2003 г. Федеральным законом «О валютном регулировании и валютном контроле» не был отнесен к валютным ценностям⁹².

Сейчас данное определение является еще менее точным, поскольку, согласно действующему законодательству, валютные ценности включают в себя исключительно иностранную валюту и внешние ценные бумаги⁹³. Таким образом, приведенная дефиниция не охватывает деяния, состоящие в совершении валютных операций с российской валютой, что входит в

---

⁸⁹ Лясколо А.Н. Финансовые преступления в российском уголовном праве. Проблемы квалификации: монография. – Москва: Проспект, 2022. С. 29.

⁹⁰ Там же. С. 38.

⁹¹ Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб, 1999. С. 58.

⁹² Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб, 2007. С. 610-611.

⁹³ Пункты 5 п. 1 ст. 1 ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле».

объективную сторону всех исследуемых деяний в соответствии с описанием признаков их составов в нынешней редакции норм Особенной части уголовного закона.

Схожую позицию занимали М.В. Арзамасцев, К.В. Бессонов, К.В. Михайлов⁹⁴.

А.А. Мамедов в 2001 г. в диссертационном исследовании предложил следующее общее определение валютных преступлений: «Валютные преступления – деяния, нарушающие общие принципы установленного нормами различных отраслей публичного и частного права порядка осуществления валютных операций как части деятельности банков – составных элементов государственной системы денежного обращения⁹⁵». При этом валютные преступления (вместе с кредитными), по его мнению, относятся к преступлениям в сфере банковской деятельности⁹⁶.

А.А. Струкова также вырабатывает определение валютных преступлений: «Валютные преступления - преступления в сфере обращения валютных ценностей или, иначе говоря, против установленного порядка обращения валютных ценностей⁹⁷».

При этом достаточно скудном перечне имеющихся теоретических позиций по вопросу наполнения термина «валютные преступления», он используется правоведами весьма часто⁹⁸.

В то же время термин «валютное преступление» охватывает деяния, которые связаны с нарушением правил и норм валютного контроля при

---

⁹⁴ Арзамасцев М.В., Бессонов К.В., Михайлов К.В. Валютные преступления (уголовно-правовая характеристика преступлений против установленного порядка обращения валютных ценностей): Учебное пособие. - Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2003. С. 3.

⁹⁵ Мамедов А.А. Квалификация преступлений в сфере кредитных и валютных операций : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2001. С. 27.

⁹⁶ Объектом преступлений в сфере банковской деятельности, по А.А. Мамедову, являются общественные отношения, возникающие в процессе деятельности банков как составных элементов государственной системы денежного обращения, имеющих публично-правовой статус, и урегулированные нормами различных отраслей публичного и частного права. Там же. С. 23, 25.

⁹⁷ Струкова А.А. Уголовно-правовая характеристика невозвращения из-за границы средств в иностранной валюте: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. - Санкт-Петербург, 2001. С. 49

⁹⁸ См., например, Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Р.О. Долотов и др.; под ред. Г.А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2021.; Кондрат Е.Н. Правонарушения в финансовой сфере России. Угрозы финансовой безопасности и пути противодействия. М.: Юстицинформ, 2014; Русанов Г.А. Преступления в сфере экономической деятельности: учебное пособие. Москва: Проспект, 2011 и др.

совершении валютных операций (указанных в п. 9 ст. 1 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»).

Термин «валютные» не должен смущать и вводить в ложное заблуждение относительно предмета данных преступлений, поскольку, несмотря на бытовое понимание «валюты», которое часто охватывает исключительно денежные средства в иностранной валюте, объем этого понятия шире.

На это указывают, в первую очередь, положения пп.п. 1-2 п. 1 ст. 1 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле», которые содержат указания на понятия «валюта Российской Федерации» (включающий денежные знаки в виде банкнот и монеты Банка России, средства на банковских счетах и в банковских вкладах) и «иностранная валюта» (денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, монеты, находящиеся в обращении и являющиеся законным средством наличного платежа на территории соответствующего иностранного государства или группы иностранных государств, средства на банковских счетах и в банковских вкладах в денежных единицах иностранных государств и международных денежных или расчетных единицах).

И.В. Хаменушко дает следующее понятие валюты: валюта для целей валютного регулирования и контроля – это любые активы, способные выполнять функции денег с экономической точки зрения и вовлеченные в отношения с иностранным элементом⁹⁹.

При этом нельзя обойти вниманием вопрос соотношения цифровой валюты (или криптовалюты) и категории «валюта» для целей исследования валютных преступлений.

Согласно п. 3 ст. 1 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные

---

⁹⁹ Хаменушко И.В. Валютное регулирование в Российской Федерации: правила, контроль, ответственность: учеб.-практ. пособие. М.: Норма, 2013. // СПС «КонсультантПлюс».

законодательные акты Российской Федерации»¹⁰⁰ цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам. При этом в ч. 4 ст. 14 Закона установлено, что организация выпуска и (или) выпуск, организация обращения цифровой валюты в Российской Федерации регулируются в соответствии с федеральными законами. Однако в настоящий момент такие федеральные законы отсутствуют¹⁰¹. Порядок налогообложения операций с цифровыми валютами законодательно пока также не определен.

Как справедливо отмечает А.А. Ситник, цифровую валюту в понимании Закона о ЦФА сложно рассматривать в качестве собственно «валюты» по причине того, что (а) цифровые валюты не являются денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей какой-либо иной страны или международной денежной единицей; (б) потенциально цифровые валюты могут выполнять все денежные функции, однако Закон о ЦФА вводит запрет на использование данных объектов в качестве средства обращения (они фактически не могут использоваться в товарообороте¹⁰²).

---

¹⁰⁰ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – «Закон о ЦФА»).

¹⁰¹ Письмо Банка России от 10.06.2021 № 12-4-2/2850 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰² Данное утверждение вытекает из положений п.п. 5, 7 ст. 14 Закона о ЦФА:

«юридические лица, личным законом которых является российское право, филиалы, представительства и иные обособленные подразделения международных организаций и иностранных

Констатируется также, что цифровые валюты могут выполнять функцию средства платежа - при этом соответствующие случаи в Законе о ЦФА не раскрываются.

Одновременно отмечаем, что в условиях применения уголовного закона категория «валюта» включает в себя и иные объекты в той степени, в которой Закон о валютном контроле допускает совершение валютных операций, а именно - внутренние ценные бумаги (эмиссионные ценные бумаги, номинальная стоимость которых указана в валюте Российской Федерации и выпуск которых зарегистрирован в Российской Федерации; иные ценные бумаги, удостоверяющие право на получение валюты Российской Федерации, выпущенные на территории Российской Федерации) и внешние ценные бумаги (ценные бумаги, в том числе в бездокументарной форме, не относящиеся к внутренним ценным бумагам).

Все изложенное позволяет нам сформулировать следующее определение валюты для уголовно-правовых целей в широком смысле – активы, способные выполнять функции денег с экономической точки зрения и вовлеченные в отношения с иностранным элементом, оборот которых регламентирован нормами валютного регулирования.

Исходя из этих обстоятельств, опираясь на положения валютного законодательства и выраженную в проанализированных научных трудах позицию криминалистов, предлагаем авторскую дефиницию, согласно которой в круг валютных преступлений входят деяния, связанные с активами, а) способными выполнять функции денег с экономической точки

юридических лиц, компаний и других корпоративных образований, обладающих гражданской правоспособностью, созданные на территории Российской Федерации, физические лица, фактически находящиеся в Российской Федерации не менее 183 дней в течение 12 следующих подряд месяцев, не вправе принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг)» (пункт 5);

– «в Российской Федерации запрещается распространение информации о предложении и (или) приеме цифровой валюты в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг)» (пункт 7).

зрения, б) вовлеченными в отношения с иностранным элементом и в) являющимися предметом специального валютного регулирования.

Таковыми деяниями являются уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации (ст. 193 УК РФ), совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов (ст. 193¹ УК РФ), контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200¹ УК РФ).

Так, обязанность по репатриации денежных средств и ее процедурные аспекты закреплены в положениях главы 3 («Репатриация резидентами иностранной валюты и валюты Российской Федерации») Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле», а обязанности резидентов в рамках совершения валютных операций и их процедура – в ст.ст. 6, 9, 10-12, 14 и положениях главы 4 («Валютный контроль») Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле».

Наименее очевидным является отнесение к данным преступлениям контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, поскольку, с одной стороны, ввоз в Российскую Федерацию и вывоз из Российской Федерации валютных ценностей, валюты Российской Федерации и внутренних ценных бумаг **является валютной операцией** в силу п. «г» ч. 9 ст. 1 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле». Однако в то же время ст. 15 этого закона указывает на **отсутствие валютных ограничений** в отношении ввоза в Российскую Федерацию и вывоза из Российской Федерации денежных средств при соблюдении требований таможенного законодательства Таможенного союза в рамках ЕАЭС и законодательства Российской Федерации о таможенном деле.

Таким образом, здесь проявляется так называемая повышенная бланкетность валютных отношений. Термин «повышенная бланкетность»¹⁰³ используется А.А. Мамедовым и указывается в качестве главной особенности валютных составов. Под повышенной бланкетностью им понимается целая цепочка взаимосвязанных норм неуголовного законодательства, вытекающих из огромного массива нормативно-правовых актов.

Из этого следует, что там, где предметом валютного регулирования (а следовательно, и валютных отношений) – в силу отнесения к валютной операции – является ввоз в Российскую Федерацию и вывоз из нее денежных средств и инструментов, порядок ввоза/вывоза и ограничения предусматриваются нормами о таможенном регулировании в рамках таможенных отношений.

Как представляется, первичной в этой ситуации для целей классификации отношений является норма валютного регулирования, поскольку именно она, то есть ст. 15 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле», отсылает к иной отрасли законодательства.

На «валютную» природу отношений указывает и высший судебный орган¹⁰⁴, который называет валютное регулирование, валютный контроль и экспортный контроль наряду с таможенным регулированием (учитывая, что этот документ Пленума Верховного Суда РФ содержит разъяснения относительно всех составов уголовно наказуемой контрабанды, и, безусловно, таможенное регулирование для целей общего толкования контрабанды является специальным).

---

¹⁰³ Мамедов А.А. Квалификация преступлений в сфере кредитных и валютных операций: дис. ... канд. юрид. наук. С. 34.

¹⁰⁴ Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ о контрабанде): Судам следует принимать во внимание, что порядок перемещения через таможенную границу или государственную границу товаров и иных предметов, а также связанные с таким перемещением запреты и (или) ограничения наряду с законодательством Российской Федерации (о таможенном регулировании, о Государственной границе Российской Федерации, о валютном регулировании и валютном контроле, об экспортном контроле и другим).

При этом природа и регулирование валютных операций, обусловленных частноправовыми интересами равных субъектов, требует публичного контроля в силу зависимости бюджетной политики государства от стабильности национальной валюты. Государственный бюджет не сможет наполняться за счет налоговых поступлений, если в него будет поступать обесцененная национальная валюта. Поставщики могут отказаться от исполнения своих обязательств, если стоимость встречного предоставления будет ниже их ожиданий в случае обесценивания валюты. В случае экономического кризиса отказ от поддержки национальной валюты лишает государство возможности использовать такие методы, как проведение бесконтрольной эмиссии, инфляции и выстраивание барьеров на пути международного перетока капиталов¹⁰⁵. Таким образом, валютный контроль – это механизм, позволяющий бороться с обесцениванием национальной валюты нерыночными методами¹⁰⁶.

При этом валютный контроль – часть политики противодействия незаконному и неотслеживаемому трансграничному перемещению капиталов, которое «вспомогает» совершению налоговых, должностных и иных преступлений тем, что позволяет использовать незаконно полученные от их совершения доходы.

Представляется, что изменения уголовного законодательства в части борьбы с «незаконными финансовыми операциями»¹⁰⁷ требуют уточнения понятия валютных преступлений, которые с учетом этого представляют собой общественно опасные деяния, нарушающие правила и нормы валютного контроля при совершении валютных операций и посягающие на денежно-кредитную (валютно-финансовую) политику Российской Федерации.

---

¹⁰⁵ См.: Хаменушко И.В. Валютное регулирование в Российской Федерации: правила, контроль, ответственность: Учебно-практическое пособие. М.: Норма. 2013 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Данный термин использован в формулировке названия Федерального закона от 28.06.2013 № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям».

С точки зрения разработанных и проанализированных правовых концепций можно выделить три состава преступления (ст.ст. 193, 193¹, 200¹ УК РФ) в отдельную группу «валютные преступления» и дополнить ею имеющиеся классификации экономических преступлений.

Выводы

1. В научный оборот вводится авторская дефиниция «валютное преступление», представляющее собой общественно опасное деяние, нарушающее установленные законодательством правила совершения валютных операций и посягающие на денежно-кредитную (валютно-финансовую) политику Российской Федерации.

Этим понятием охватывается только вывод за границу (невозвращение из-за границы) средств от легальной деятельности, переведенных за рубеж с нарушением правил валютно-экспортного контроля, в число которых включаются уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации (ст. 193 УК РФ), совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов (ст. 193¹ УК РФ), контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200¹ УК РФ). Исходя из предлагаемого критерия, к валютным преступлениям не относится перемещение за пределы Российской Федерации путем совершения с ними сделок или иных финансовых операций денежных средств в российской или иностранной валюте, приобретенных в результате преступной деятельности (ст.ст. 174, 174¹ УК РФ).

§ 2. Объект вывоза капитала как валютного преступления

1. Родовой и видовой объекты преступлений

Теоретическая конструкция объекта преступления является одной из разработанных в доктрине, поскольку подвергается анализу в подавляющем большинстве работ, как уже ставших памятниками правовой науки, так и только вышедших в свет.

Тем не менее, нельзя не отметить, что единой теории объекта преступления до сих пор не создано.

Ученые-правоведы А.А. Пионтковский, Б.С. Никифоров последовательно разрабатывали и придерживались концепции общественных отношений, охраняемых уголовным правом, как объекта преступления¹⁰⁸.

В то же время большая группа ученых придерживается концепции, разработанной Н.С. Таганцевым, согласно которой уголовное право защищает в качестве объекта правовое благо – некий интерес, облеченный в правовую норму и имеющий общественное значение¹⁰⁹. Впоследствии она была несколько видоизменена, и объект преступления определялся как охраняемые уголовным законом социально значимые ценности, интересы, блага, на которые посягает лицо, совершающее преступление, и которым в результате совершения преступного деяния причиняется или может быть причинен существенный вред¹¹⁰.

Этой же позиции придерживался и Б.В. Волженкин, который описывал родовой объект как интересы, на которые посягают преступления, нормы ответственности за совершение которых помещены в единый раздел Уголовного кодекса¹¹¹.

---

¹⁰⁸ См. Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР: Часть общая / А.А. Пионтковский. - Москва: Гос. изд-во, [1924]. С. 129. Также см.: Наумов А.В. Российское уголовное право: Курс лекций: в 3 томах. Т. I.: Общая часть / А. В. Наумов. – 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Волтерс Клувер. 2011. С. 322-323.

¹⁰⁹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т. 1. Тула: Автограф, 2001. С. 49-54. Также см.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут. 2012 // СПС «Консультант Плюс».

¹¹⁰ Курс уголовного права. Том 1. Общая часть. Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 209 (автор главы –А.В. Пашковская).

¹¹¹ Волженкин Б.В. Экономические преступления. 1999. С. 52.

Н.А. Лопашенко занимает принципиально иную позицию относительно понимания объекта преступлений, объясняя его на примере преступлений в сфере экономической деятельности (и разрабатывая свою концепцию именно для этой категории). Так, автором сформулирована концепция объекта как «отношений, строящихся на принципах», что в свою очередь ставит во главу угла понимания объекта принципы осуществления экономической деятельности¹¹².

Г.А. Есаков приходит к выводу о том, что теоретическое понимание объекта преступления как общественных отношений либо интересов, либо ценностей и т.п. не имеет весомого значения, поскольку важным является его наполнение¹¹³.

Действительно, при рассмотрении теоретической конструкции объекта не всегда уместно говорить о защите такой категории, как отношения. В то же время именно для институтов экономического уголовного права как подотрасли уголовного права (здесь согласимся с Г.А. Есаковым в том, что существование данной подотрасли нельзя отрицать¹¹⁴), мы будем пользоваться теми категориями, которые специфичны и отвечают целям уголовно-правовой охраны экономических отношений.

Сложившейся позицией законодателя является определение родового и видового объекта соответственно в разделе и главе Уголовного кодекса, куда помещена норма, содержащая описание признаков состава конкретного преступления (исходя из общепринятой системы, в которой объекты преступлений классифицируются «по вертикали» на основании местоположения соответствующей нормы в Особенной части Уголовного кодекса РФ).

Однако приведенная позиция – не единственная. Одни авторы признают выделение разделов по родовому объекту, а глав – по видовому

---

¹¹² См. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: монография. В 2 ч. Ч. II. – М.: Юрлитинформ. 2015. С. 71-89.

¹¹³ Есаков Г.А.. Экономическое уголовное право: Общая часть: монография / Г.А. Есаков. Москва: Издательский дом Высш. шк. экономики, 2019. С. 133.

¹¹⁴ Там же. С. 19-20.

(А.В. Пашковская)¹¹⁵. Другие обосновывают классификацию, согласно которой глава Особенной части УК РФ объединяет составы преступлений по родовому объекту, а раздел – по сложному (составному) объекту, включающими близкие между собой по характеру охраняемые отношения (В.Е. Мельникова, В.И. Динека)¹¹⁶.

Так, характеристика объекта валютных преступлений начинается с определения местонахождения соответствующих норм в системе Особенной части Уголовного кодекса.

Валютные преступления предусмотрены в ст.ст. 193, 193¹, 200¹ главы 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» раздела VIII «Преступления против экономики» УК РФ. Этим определяется их видовой и родовой объекты.

Некоторые ученые ограничиваются краткой дефиницией родового объекта преступлений, включенных в раздел VIII «Преступления против экономики», характеризуя его как общественные отношения в сфере экономики¹¹⁷.

Б.В. Волженкин указывает, что родовым объектом преступлений, закрепленных в разделе VIII («Преступления в сфере экономики») является экономика, понимаемая как совокупность производственных (экономических) отношений по поводу производства, обмена, распределения и потребления материальных благ¹¹⁸.

---

¹¹⁵ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Н.Н. Белокобыльский, Г.И. Богуш, Г.Н. Борзенков и др.; под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012 // СПС «КонсультантПлюс» (автор параграфа 2 главы IX – А.В. Пашковская); Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / отв. ред. А. И. Рарог. — Москва: Проспект, 2015. С. 331 (автор главы – А.И. Чучаев).

¹¹⁶ Цит. по: Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ): монография. В 2 ч. Ч. 1. - М.: Юрлитинформ, 2022. С.111.

¹¹⁷ См., например, Энциклопедия уголовного права. Т. 19. Преступления в сфере экономической деятельности. – Издание профессора Малинина – СПб ГКА, СПб, 2012. С.9 (автор главы – М.В. Талан); Жилкин М.Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы классификации и дифференциации ответственности: монография. М.: Юриспруденция, 2019 // СПС «КонсультантПлюс»

¹¹⁸ Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб. Юридический центр Пресс, 1999. С. 36.

Таковую же позицию занимает Захаров А.Ю. в работе Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В.А. Блинников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015//СПС «КонсультантПлюс».

А.И. Бойцов определяет родовой объект как экономическую систему, точнее - совокупность структурирующих её общественных отношений по производству, распределению и потреблению материальных благ¹¹⁹.

С.Л. Нудель соглашается с данными определениями родового объекта, несколько дополняя их следующим образом: экономика – система производственных отношений, включающая собственно производство, распределение, обмен и потребление необходимых обществу полезных или редких жизненных (материальных и духовных) благ, включая продукты и услуги¹²⁰.

Т.Д. Устинова указывает, что родовым объектом преступлений в сфере экономической деятельности являются общественные отношения в сфере экономики, обеспечивающие использование собственности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности для последующего ее воспроизводства и перераспределения в интересах всего общества¹²¹.

Н.А. Лопашенко, основываясь на выработанной ею концепции определения объекта посредством его связи с принципами, указывает, что родовым объектом преступлений в сфере экономической деятельности являются общественные экономические отношения, строящиеся на принципах осуществления экономической деятельности (принцип запрета заведомо криминальных форм поведения при осуществлении экономической деятельности, принцип свободы экономической деятельности, принцип осуществления экономической деятельности на законных основаниях, принцип добросовестной конкуренции субъектов экономической деятельности, принцип добропорядочности субъектов экономической деятельности)¹²².

---

¹¹⁹ Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб. Юридический центр Пресс, 2002. С. 12.

¹²⁰ Нудель С.Л. Уголовно-правовая охрана финансовых отношений: дис. ... доктора юридических наук. Москва, 2015. С. 128.

¹²¹ Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / отв. ред. А. И. Рарог. — Москва: Проспект, 2015. С. 331.

¹²² Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: монография. В 2 ч. Ч. II. – М.: Юрлитинформ. 2015. С. 71-89.

Экономическая деятельность как видовой объект определяется многими учеными, как «охраняемая государством система общественных отношений, складывающихся в сфере экономической деятельности в обществе, ориентированном на развитие рыночной экономики». Иначе говоря, таким объектом является установленный порядок осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг (Б.В. Волженкин, А.Ю. Захаров)¹²³; система активных и целенаправленных действий на разных уровнях хозяйствования, в результате которых общество в целом и отдельные люди удовлетворяют свои потребности посредством производства, распределения, обмена и потребления полезных или редких жизненных (материальных и духовных) благ, включая продукты и услуги (С.Л. Нудель)¹²⁴.

Некоторые криминалисты в определении видового объекта преступлений не используют наименования главы и формулируют собственные понятия видового объекта, относя к нему общественные отношения, отвечающие принципу запрета заведомо криминальных форм поведения при осуществлении экономической деятельности, принципу свободы экономической деятельности, принципу осуществления экономической деятельности на законных основаниях, принципу добросовестной конкуренции субъектов экономической деятельности, принципу добропорядочности субъектов экономической деятельности (Н.А. Лопашенко)¹²⁵.

Таким образом, подход Н.А. Лопашенко несколько противоречит разграничению объектов «по горизонтали», поскольку не использует понятия

---

¹²³ Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб. Юридический центр Пресс. 1999. С.36.; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В.А. Блинников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015 // СПС «КонсультантПлюс»;

¹²⁴ Нудель С.Л. Уголовно-правовая охрана финансовых отношений: дис. ... докт. юрид. наук. Москва. 2015. С. 129.

¹²⁵ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: монография. В 2 ч. Ч. II. – М. : Юрлитинформ. 2015. С. 80-81.

«экономика» и «экономическая деятельность» не как частное и общее, то есть не в соотношении, соответствующей системой построения уголовного закона. В то же время это не противоречит позиции самой Н.А. Лопашенко, которая полагает, что законодатель, объединяя составы преступлений в сфере экономической деятельности в главе 22 УК РФ, не произвел разукрупнение объектов, по сути, оставив за ними характер родового объекта.

Относятся к родовому объекту общественные отношения, обеспечивающее развитие и становление рыночной экономики, добросовестной конкуренции и свободного рынка, реализацию прав граждан на осуществление предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (М.В. Талан)¹²⁶.

О причинах того, что ученые не опираются на термин «экономическая деятельность», высказался Г.А. Русанов, полагающий, что исходя из синонимичности определений «экономика» и «экономическая деятельность», они не соотносятся как «общее и частное»¹²⁷. Собственно, данная позиция созвучна с мнением Н.А. Лопашенко, хотя и подкрепляется иными доводами.

Интересную позицию выразил С.П. Кубанцев¹²⁸, полагающий, что законодатель, закрепив в названии главы Уголовного кодекса понятие «преступления в сфере экономической деятельности», применил юридическую фикцию, что можно заключить с учетом легального определения экономической деятельности, которое можно вывести из Общероссийского классификатора видов экономической деятельности: «экономическая деятельность имеет место тогда, когда ресурсы (оборудование, рабочая сила, технологии, сырье, материалы, энергия, информационные ресурсы) объединяются в производственный процесс, имеющий целью производство продукции (оказание услуг). Экономическая

---

¹²⁶ Энциклопедия уголовного права. Т. 19. Преступления в сфере экономической деятельности. – Издание профессора Малинина – СПб ГКА, СПб, 2012. С. 58.

¹²⁷ Русанов Г.А. Преступления в сфере экономической деятельности: учебное пособие. Москва: Проспект, 2011 // СПС «КонсультантПлюс».

¹²⁸ Кубанцев С.П. Уголовно-правовая характеристика объекта преступлений в сфере банкротства // Журнал российского права. 2015. № 7 // СПС «Гарант».

деятельность характеризуется затратами на производство, процессом производства и выпуском продукции (оказанием услуг)»¹²⁹.

Исходя из изложенного, автор отмечает, что цель производства - получение прибыли от реализации товаров и услуг, которая образуется в результате обмена произведенной продукцией на другие необходимые товары и (или) услуги либо на денежные средства. Но именно этот обмен, по мнению законодателя, не входит в понятие экономической деятельности.

В результате С.П. Кубанцев делает вывод о том, что законодатель предусматривает уголовную ответственность за нарушения, совершенные в рамках исключительно тех видов деятельности, которые указаны в Общероссийском классификаторе.

С этой позицией невозможно согласиться в силу следующих причин:

1) в законодательстве РФ отсутствует легальное определение экономической деятельности, что затрудняет не только отнесение той или иной деятельности к экономической, но и признание экономическими споров, что неоднократно отмечалось в судебной практике¹³⁰;

2) понятие экономической деятельности является весьма широким (экономическая деятельность — процесс воспроизводства материальных и духовных богатств, включающий производство, распределение, обмен и потребление)¹³¹ и не может пониматься в его узком значении, раскрываемом в классификаторе, целью которого является обозначение официально установленного перечня всех разрешенных видов деятельности, которыми могут заниматься российские предприятия и предприниматели;

3) уголовно-правовая охрана необходима настолько разностороннему кругу общественных интересов, что перед законодателем возникли

---

¹²⁹ ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст) // СПС «КонсультантПлюс».

¹³⁰ Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 10 марта 2016 года № 02АП-1410/16: «Действующие законы не дают понятия экономического или предпринимательского спора, равно как и экономической деятельности. При этом понятие «иная экономическая деятельность» не имеет точного определения и носит субъективный, оценочный характер».

¹³¹ Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 24-25.

трудности при определении критерия для выделения в одну главу составов достаточно разнородных — если иметь в виду их непосредственные объекты — преступных деяний. Большинство ученых подчеркивает известную условность деления содержащихся в главе 22 УК РФ статей по группам, поскольку, с одной стороны, существуют составы преступлений, объекты которых очевидно находятся если не за пределами, то на периферии области экономической деятельности, а с другой — непосредственные основные или дополнительные объекты многих экономических преступлений тесно и замысловато «переплетаются».

Таким образом, с учетом особенностей, состоящих в отчетливо выраженном бланкетном характере статей главы 22 Уголовного кодекса, для понимания содержания и применения соответствующих норм необходимо использовать систематическое толкование (т.е. толкование посредством обращения к неуголовному законодательству, позитивно регулирующему охраняемые названными нормами отношения). Когда содержание того или иного понятия не определено, оно может быть установлено посредством анализа его употребления в контексте положений гражданского, банковского, налогового, таможенного и других отраслей законодательства. Если значение термина не установлено законом, правоприменитель получает известную свободу в понимании содержащихся в УК РФ экономических категорий¹³².

Представляется, что такой видовой объект, как «экономическая деятельность», с учетом наличия в главе 22 УК РФ норм об ответственности за валютные преступления должен наполняться контекстным смыслом бланкетного законодательства, а следовательно — включать в себя интересы государства по поддержанию стабильности и открытости финансовых потоков.

---

¹³² См. Уголовное право России. Особенная часть: Учеб. / Под ред. И.Э. Звечаровского. М. 2010. С. 306, 312.

Как указывалось ранее при анализе социально-экономической сущности валютных преступлений, валютное регулирование является косвенным инструментом регулирования внешнеторговой деятельности. Соответственно, акцент при определении видового объекта на деятельности по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг, а также законной экономической деятельности не учитывает специфики составов преступлений в главе 22 УК РФ в общем и валютных преступлений в частности.

На это указывает, в частности, Н.И. Пикуров, относя анализируемые преступления к посягающим преимущественно на публичные интересы государства или общества в сфере экономики¹³³. Данный подход не является уникальным и подтверждается наличием в главе 22 УК РФ такого преступления, как легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путём (ст.ст. 174 и 174¹ УК РФ), о чем в диссертации пишет М.А. Филатова¹³⁴.

Особую позицию занимает А.Н. Лясколо, который, наряду с В.Ф. Лапшиным, выделяет особую подотрасль финансовых преступлений¹³⁵. Он утверждает, что финансовые отношения как объект уголовно-правовой охраны обладают совокупностью специфических экономических и юридических признаков, наличие которых не позволяет рассматривать их в качестве разновидности отношений в сфере экономической деятельности¹³⁶.

Соглашаясь с данной позицией, А.Н. Лясколо формулирует объект финансовых преступлений в общем как финансовую безопасность –

---

¹³³ Пикуров Н.И. Четвертая пятилетка УК РФ: востребованность норм об ответственности за экономические преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 29-35 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³⁴ Филатова М.А. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем, по законодательству России и Австрии: дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2014. С. 106.

¹³⁵ См. Лясколо А.Н. Финансовые преступления в российском уголовном праве. Проблемы квалификации: монография. – Москва: Проспект. 2022. С. 8-2; Лапшин В.Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления: дис. ... докт. юрид. наук. Рязань, 2016. С. 13-14.

¹³⁶ Лапшин В.Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления: дис. ... докт. юрид. наук. С. 60-61, 99.

финансовую устойчивость (стабильность) субъектов финансовых отношений, вред которой причиняется посредством нарушения установленного порядка обращения финансовых активов (денежных средств, финансовых инструментов, драгоценных металлов и драгоценных камней)¹³⁷.

При этом, поскольку валютные преступления (ст.ст. 193, 193¹, 200¹ УК РФ) отнесены им к преступлениям против валютного рынка, он конкретизирует объект данных преступлений как валютный рынок – совокупность финансовых отношений с иностранным элементом, в том числе нерезидентом и (или) валютной ценностью (функциональный аспект), а также совокупность органов, агентов валютного контроля и участников оборота, совершающих валютные операции (институциональный аспект)¹³⁸.

Представляется, что с учетом специфики исследуемых валютных преступлений в качестве их родового объекта можно предложить определение, содержащее признаки, описанные Б.В. Волженкиным и А.И. Бойцовым: родовым объектом является совокупность отношений по производству, распределению и потреблению материальных благ, структурирующих экономическую систему. Видовой же объект может быть сформулирован как совокупность отношений, складывающихся в сфере экономической деятельности и возникающих по поводу осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности, в том числе в области публичных интересов государства или общества.

2. Непосредственный объект уклонения от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации (ст. 193 УК РФ)

При рассмотрении непосредственного объекта валютных преступлений, а именно благ (или отношений), которым данным

---

¹³⁷ Ляско А.Н. Финансовые преступления в российском уголовном праве. Проблемы квалификации. 2022. С. 23-24.

¹³⁸ Указ. соч. С. 38.

преступлением причиняется вред, необходимо отметить их комплексный и многогранный характер.

В.Н. Кудрявцев писал о трудностях квалификации преступлений на основании признаков объекта в связи с тем, что уголовный кодекс выделяет лишь основную направленность преступления, наиболее важную часть охраняемых отношений, главный объект¹³⁹.

В социальной же реальности практически не встречаются отношения в чистом виде, они тесно переплетаются, а связи между субъектами и объектами все более усложняются. В связи с этим рекомендация В.Н. Кудрявцева четко представлять себе весь круг норм, регулирующих эти общественные отношения для правильной квалификации, зачастую не может быть реализована. Ввиду того, что становится все труднее в увеличивающемся объеме межотраслевых институтов выделить даже превалирующую сферу регулирования, не говоря о какой-то единственной.

На протяжении «правового существования» предусмотренного ст. 193 УК РФ состава преступления, который длительное время являлся единственным представителем валютных преступлений в уголовном законе, учеными предложено несколько взглядов о его объекте.

А.А. Струкова и Л.Ф. Рогатых полагают, что непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 193 УК РФ, являются общественные отношения, складывающиеся в сфере внешнеэкономической деятельности по поводу государственного регулирования зачисления субъектами внешнеэкономической деятельности на их счета в уполномоченные банки РФ получаемой иностранной валюты¹⁴⁰. Необходимо отметить, что, несмотря на иную формулировку анализируемой в нашей

---

¹³⁹ Кудрявцев В.И. Общая теория квалификации преступлений - 2-е изд., перераб. и дополн. - М., «Юрист», 2004. С. 135.

¹⁴⁰ Струкова А.А. Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте: Уголовно-правовая характеристика. - СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс». 2002. С. 61; Энциклопедия уголовного права. Т. 19. Преступления в сфере экономической деятельности. – Издание профессора Малинина – СПб ГКА, СПб, 2012. С. 845.

диссертации диспозиции ст. 193 УК РФ¹⁴¹, суть уголовного запрета изменена не была, а, следовательно, позиция указанных юристов по поводу объекта вполне актуальна.

С.Л. Нудель определяет непосредственный объект данного преступления как финансовые отношения в той их части, которые возникают в сфере внешнеэкономической деятельности по поводу государственного регулирования отношений по репатриации денежных средств в иностранной валюте¹⁴².

Н.А. Лопашенко указывает, что преступление, предусмотренное ст. 193 УК РФ, посягает на установленный законом порядок производства валютных операций в легальной внешнеэкономической деятельности¹⁴³.

Также некоторыми авторами поддерживается позиция о том, что преступным уклонением от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств непосредственно нарушается установленный в Российской Федерации порядок в сфере валютного регулирования и контроля¹⁴⁴.

Д.А. Печегин определяет объект валютных преступлений, связанных с уклонением от исполнения обязанности по репатриации денежных средств, как общественные отношения, складывающиеся в сфере денежно-кредитной (валютной) политики Российской Федерации по поводу обязательного зачисления резидентами на банковские счета денежных средств, причитающихся им по условиям внешнеторговых договоров (контрактов)¹⁴⁵.

---

¹⁴¹ Диспозиция ст. 193 УК РФ до принятия Федерального закона от 28.06.2013 № 134-ФЗ была сформулирована как невозвращение в крупном размере из-за границы руководителем организации средств в иностранной валюте, подлежащих в соответствии с законодательством Российской Федерации обязательному перечислению на счета в уполномоченный банк Российской Федерации.

¹⁴² Нудель С.Л. Уголовно-правовая охрана финансовых отношений: дис. ... докт. юрид. наук. Москва. 2015. С. 334.

¹⁴³ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ): монография. В 2 ч. Ч. 1. - М.: Юрлитинформ, 2022. С. 406.

¹⁴⁴ Научно-практический комментарий к главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации: в 2-х томах. Том 2. / [А. А. Гравина, О. А. Зайцев, М. Г. Жилкин и др.]; ответственные редакторы И. И. Кучеров [и др.]; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. - Москва: Юридическая фирма Контракт, 2020 // СПС «Гарант»; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. – Москва: Проспект, 2020. С. 223.

¹⁴⁵ Печегин Д.А. Объект и предмет валютных преступлений, связанных с уклонением от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств // Финансовое право. 2017. № 11. С. 39-42. // СПС «КонсультантПлюс».

Некоторые суды в своих решениях описывают вред, причиняемый данным преступлением объекту в виде реализации единой государственной политики в сфере валютного регулирования, а также устойчивости валюты Российской Федерации и стабильности внутреннего валютного рынка Российской Федерации¹⁴⁶.

Представляется, что ст. 193 УК РФ содержит уголовно-правовой запрет невыполнения обязанности репатриировать денежные средства в определяемых уголовным законом случаях (исходя из обязанности, закрепленной в ст. 19 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»).

При этом И.В. Хаменушко, как специалист в области валютного контроля, указывает, что непосредственная цель этого правила заключается в недопущении вывоза капитала и оставления его за рубежом под прикрытием внешнеторговой деятельности в обход действующей системы учета и контроля валютных операций¹⁴⁷.

Исходя из анализа текста ст. 193 УК РФ, ею предусмотрена ответственность за невыполнение обязанности по репатриации денежных средств, а именно: по получению или возврату денежных средств по внешнеторговым сделкам при совершении валютной операции в виде использования валютных ценностей или валюты РФ в качестве средства платежа (п. «б» ч. 9 ст. 1 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»), установленной ст. 19 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле».

Таким образом, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 193 УК РФ, являются отношения, регулируемые установленным законодательством порядком исполнения обязанности по репатриации резидентами РФ денежных средств в связи с осуществлением ими внешнеторговой деятельности.

---

¹⁴⁶ Приговор Ленинского районного суда города Севастополя от 30.04.2020 по делу № 1-136/2020.

¹⁴⁷ Хаменушко И.В. Указ. соч.

3. Непосредственный объект совершения валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов (ст. 193¹ УК РФ)

В силу относительной «юности» состава преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, о его объекте было высказано не столь много мнений.

Особо отметим, что не все ученые оценили указанную норму как новеллу. Так, по мнению В.Ф. Лапшина, принципиально новым составом его назвать нельзя по причине того, что деяние, предусмотренное ст. 193¹ УК РФ, при наличии иных юридически значимых признаков вполне могло быть квалифицировано как приготовление к невозвращению из-за границы денежных средств, то есть по ст. 193 УК РФ в прежней ее редакции¹⁴⁸.

Тем не менее представляется, что различия в непосредственном объекте (а значит – понимании охраняемого блага) повлекли за собой криминализацию анализируемого преступления. С данным мнением не согласны авторы Научно-практического комментария к главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса РФ, которые утверждают, что основным непосредственным объектом данного преступления, как и в случае с уклонением от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации, является прежде всего установленный в Российской Федерации порядок в сфере валютного регулирования и валютного контроля в части правил совершения валютных операций по переводу денежных средств на счета нерезидентов¹⁴⁹.

---

¹⁴⁸ Лапшин В.Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Лапшин Валерий Федорович; [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. - Рязань, 2016. С. 163.

¹⁴⁹ Научно-практический комментарий к главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации: в 2-х томах. Том 2. / [А. А. Гравина, О. А. Зайцев, М. Г. Жилкин и др.]; ответственные редакторы И. И. Кучеров [и др.]; Институт законодательства и

В то же время непосредственный объект у каждого из указанных преступлений самостоятелен.

Описание признаков состава преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, не включает обязанность возвратить результат внешнеэкономической сделки под российскую юрисдикцию. Из этого вытекает, что нарушение правил валютного контроля, сопряженное с введением в заблуждение специального агента (банка), уже является общественно опасным с точки зрения его логики.

Таким образом, содержание непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, является иным, нежели преступления, предусмотренного ст. 193 УК РФ.

Н.А. Лопашенко полагает, что данное преступление посягает на принцип законности осуществления экономической деятельности, нарушая правила совершения валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов, связанные с валютным контролем над этими операциями¹⁵⁰.

Д.М. Белоусов в качестве объекта рассматривает законодательно установленный порядок исполнения резидентами обязанностей, связанных с совершением международных валютных операций¹⁵¹.

Схожим образом объект преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, определяют А.Ю. Захаров и А.Н. Караханов. Согласно их формулировке, объектом данного преступления является установленный порядок совершения валютных операций по переводу денежных средств на счета нерезидентов¹⁵². Этот взгляд на объект нужно во многом поддержать, в то же время не отказываясь от вполне пригодного для данного вида посягательств

сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. - Москва: Юридическая фирма Контракт, 2020 // СПС «Гарант»

¹⁵⁰ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ): монография. В 2 ч. Ч. 1. - М.: Юрлитинформ, 2022. С. 418.

¹⁵¹ Белоусов Д.М. Актуальные вопросы расследования незаконного вывода денежных средств за рубеж // Законность. 2015. № 3. С. 11-14. // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵² Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В.А. Блинников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. // СПС «КонсультантПлюс».

понимания объекта как регулируемых позитивным законодательством отношений. С учетом этого непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, следует определить как общественные отношения, складывающиеся в сфере денежно-кредитной (валютной) политики Российской Федерации по поводу соблюдения правил осуществления валютного контроля при осуществлении валютных операций по переводу денежных средств на счета нерезидентов.

4. Непосредственный объект контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200¹ УК РФ)

Исторический контекст появления ст. 200¹ УК РФ в ее нынешней редакции помогает лучше понять развитие уголовно-правовой охраны валютных отношений.

До 2011 г. контрабанда наличных денежных средств предусматривалась ст. 188 УК РФ и определялась как перемещение в крупном размере через таможенную границу Российской Федерации товаров или иных предметов, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации либо сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием.

Впоследствии ст. 188 УК РФ была упразднена¹⁵³, а контрабанда денежных средств декриминализована в связи с тем, что законодателем был сделан вывод о смещении объективной стороны указанного деяния с объективной стороны иного преступления – уклонения от таможенных платежей, предусмотренного ст. 194 УК РФ (на это прямо указывает в своем решении Комитет Государственный Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству в своем заключении к принятому впоследствии законопроекту «О внесении изменений в некоторые

---

¹⁵³ Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям»¹⁵⁴).

Таким образом, законодатель в 2011 г. расценивал контрабанду денежных как нарушение исключительно нормального порядка функционирования таможенной системы государства.

В то же время международная организация ФАТФ (англ. – Financial Action Task Force)¹⁵⁵ в 2012 г. выпустила обязательные для стран-членов ООН Рекомендации¹⁵⁶, в соответствии с которыми они должны в числе прочего предусмотреть меры по выявлению физического трансграничного перемещения наличных денег и оборотных инструментов на предъявителя, в том числе через систему декларирования и/или систему информирования. Страны должны обеспечить, чтобы их компетентные органы имели правовые полномочия для приостановки или ограничения перемещения наличных денежных средств или оборотных инструментов на предъявителя, в отношении которых имеются подозрения в связи с финансированием терроризма, или отмыванием денег, или предикатными преступлениями, или которые недостоверно задекларированы, или о которых представлена недостоверная информация (Рекомендация 32).

Впоследствии, уже в 2013 г., был внесен ряд изменений в уголовный закон в целях противодействия незаконным финансовым операциям¹⁵⁷, в связи с чем была вновь криминализована контрабанда денежных средств (ст. 200¹ УК РФ).

---

¹⁵⁴ Заключение Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству по проекту федерального закона № 196666-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/196666-6> (дата обращения - 23.05.2023).

¹⁵⁵ В соответствии с Резолюцией Совета Безопасности ООН № 1617 (2005), сорок Рекомендаций ФАТФ являются обязательными международными стандартами для выполнения государствами-членами ООН.

¹⁵⁶ Рекомендации ФАТФ: Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения.

¹⁵⁷ Федеральный закон от 28.06.2013 № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям».

В качестве объекта контрабанды наличных денежных средств (экономической контрабанды) рассматривают:

- 1) финансовую систему государства (Б.В. Яценко)¹⁵⁸;
- 2) установленный порядок перемещения через границу Таможенного союза в пределах ЕврАзЭС (ныне – ЕАЭС) наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, являющихся предметом данного преступления (А.Ю. Захаров, А.Н. Караханов)¹⁵⁹;
- 3) общественные отношения, в рамках которых обеспечивается нормальное функционирование внешнеэкономической деятельности и таможенного контроля (А.П. Кузнецов)¹⁶⁰;
- 4) финансовые отношения в части отношений, возникающих в сфере внешнеэкономической деятельности по поводу перемещения денежных средств и денежных инструментов (С.Л. Нудель)¹⁶¹;
- 5) отношения в сфере таможенного контроля (И.А. Клепицкий)¹⁶²;
- 6) общественные отношения в сфере финансов (Н.Ю. Приходько)¹⁶³;
- 7) общественные отношения, возникающие в процессе осуществления установленного таможенным законодательством Союза порядка перемещения денежных средств через таможенную границу Союза и обеспечивающие прозрачность финансовых операций и стабильность финансовой системы России (М.С. Марковский)¹⁶⁴.

Н.А. Лопашенко полагает, что данное преступление посягает на принцип законности осуществления экономической деятельности при

---

¹⁵⁸ Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / М. П. Журавлев, А. В. Наумов, С. И. Никулин и др.; под ред. А. И. Рарога. - Изд. 9-е, перераб. и доп. - Москва: Проспект, 2017.

¹⁵⁹ Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В.А. Блинников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶⁰ Кузнецов А.П. Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200.1 УК РФ): уголовно-правовая регламентация и вопросы квалификации // Российский следователь. 2015. № 2. С. 29-33. // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶¹ Нудель С.Л. Указ.соч. С. 340-341.

¹⁶² Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. – Москва: Проспект, 2020. С. 217.

¹⁶³ Приходько Н.Ю. Предупреждение органами внутренних дел контрабанды на железнодорожном транспорте: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / [Место защиты: Акад. упр. МВД РФ]. - Москва, 2015. С. 41.

¹⁶⁴ Марковский М.С. Уголовно-правовые средства противодействия контрабанде наличных денежных средств и (или) денежных инструментов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Марковский Максим Сергеевич; [Место защиты: С.-Петербург. ун-т МВД РФ]. - Екатеринбург, 2019. С. 20.

перемещении через границу РФ денежных средств и, таким образом, лежит в сфере таможенных отношений¹⁶⁵.

Во многом соглашаясь с приведенными позициями, представляется в то же время необходимым уточнить понятие непосредственного объекта экономической контрабанды - контрабанды наличных денежных средств и денежных инструментов.

Рассматривая действия по ввозу в Российскую Федерацию и вывозу из нее денежных средств и денежных инструментов как валютную операцию (исходя из положения п. «г» ч. 9 ст. 1 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»), видим, что порядок их перемещения устанавливается именно валютным законодательством, которое в свою очередь отсылает к таможенному регулированию (ст. 15 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»). Таким образом, законодатель указывает на два непосредственных объекта экономической контрабанды – отношения, регулируемые правилами осуществления валютного контроля при ввозе/вывозе денежных средств в Российскую Федерацию, и отношения, регулируемые нормами о порядке их перемещения через таможенную границу РФ, включая таможенный контроль.

В результате анализа составов валютных преступлений приходим к выводу об обоснованности позиции А.А. Мамедова, состоящей в том, что при совершении преступлений в сфере валютных операций виновное лицо, воздействуя определенным образом на общественные отношения в этой сфере, взрывает социальную связь между ним и банком, являющуюся определенной, регламентированной нормами различных отраслей права формой взаимодействия между ними¹⁶⁶.

Исходя из изложенного, общий объект валютных преступлений может быть сформулирован как общественные отношения, складывающиеся в сфере денежно-кредитной (валютной) политики Российской Федерации по

---

¹⁶⁵ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ): монография. В 2 ч. Ч. 1. - М.: Юрлитинформ, 2022. С. 429.

¹⁶⁶ Мамедов А.А. Указ. сочинение. С. 54.

поводу соблюдения правил осуществления валютного контроля при осуществлении валютных операций.

§ 3. Предмет вывоза капитала как валютного преступления

Дискуссия о разграничении объекта и предмета преступления – одна из самых глубоких в доктрине уголовного права. Дореволюционные ученые отождествляли два этих института (например, Н.А. Неклюдов¹⁶⁷, Л.С. Белогриц-Котляревский¹⁶⁸ и др.). Советские правоведы развивали теорию отделения предмета от объекта постепенно, дискуссия велась постоянно. Указанная позиция вытекала из следующего посыла: поскольку объектом преступления всегда являются общественные отношения, непосредственный объект, не являющийся общественным отношением, не может быть назван объектом преступления. Наименование его объектом преступления с их точки зрения представляло собой нарушение основных логических правил о взаимоотношении рода и вида¹⁶⁹.

Как указывал А.А. Пионтковский, при исследовании имущественных преступлений этот вопрос впервые был выдвинут в работе Д.Н. Розенберга: «Право, в данном случае имущественное, характеризуется отношением между людьми, и в этом качестве оно выступает как объект, а не как предмет преступления. Предметом преступления имущественного характера может быть только имущество как вещь внешнего мира, обладающая определенными свойствами»¹⁷⁰.

В настоящее время преобладает концепция неразрывной связи предмета и непосредственного объекта, исходя из которой предмет преступления включает в себя такие признаки, как: различного рода материальные или нематериальные блага (ценности), способные

---

¹⁶⁷ Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права (конспект). СПб., 1875. С. 23-24.

¹⁶⁸ Белогриц-Котляревский Л.С. Краткий курс русского уголовного права. Киев, типография «Петр Барский», 1908. С. 65-66.

¹⁶⁹ Пионтковский А.А., Редкол.: Пионтковский А.А., Ромашкин П.С., Чхиквадзе В.М. Курс советского уголовного права: Преступление. В 6-ти томах: Часть общая. Т. 2. М. 1970. С. 117.

¹⁷⁰ Цит. по: Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. Т. 2. С.117.

удовлетворять потребности людей и преступное воздействие на которые (или незаконное обращение с которыми) причиняет или создает угрозу причинения вреда¹⁷¹.

Редакция диспозиций статей 193 и 193¹ УК РФ дает основание для того, чтобы рассматривать в качестве предмета соответствующих преступлений денежные средства в иностранной валюте или валюте Российской Федерации.

Исходя из положений Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле», понятием «валюта Российской Федерации» охватываются:

а) денежные знаки в виде банкнот и монеты Банка России, находящиеся в обращении в качестве законного средства наличного платежа на территории Российской Федерации,

б) изымаемые либо изъятые из обращения, но подлежащие обмену указанные денежные знаки;

в) средства на банковских счетах и в банковских вкладах¹⁷².

Под иностранной валютой понимаются:

а) денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, монеты, находящиеся в обращении и являющиеся законным средством наличного платежа на территории соответствующего иностранного государства (группы иностранных государств), а также изымаемые либо изъятые из обращения, но подлежащие обмену указанные денежные знаки;

б) средства на банковских счетах и в банковских вкладах в денежных единицах иностранных государств и международных денежных или расчетных единицах¹⁷³.

Исходя из приведенного перечня, понятие «денежные средства в иностранной валюте или валюте Российской Федерации» включает в себя

---

¹⁷¹ Полный курс уголовного права: в 5 томах / [Бойцов А. И. и др.] ; под ред. А. И. Коробеева. Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. Т. 1: Преступление и наказание. Т. 1 / [Голик Ю. В. и др.]. С. 203.

¹⁷² Пункт 1 ч. 1 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле».

¹⁷³ Пункт 2 ч. 1 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле».

наличные денежные средства в рублях¹⁷⁴ и иностранной валюте, а также безналичные денежные средства¹⁷⁵ в рублях и иностранной валюте.

При этом предмет уклонения от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств (ст. 193 УК РФ) включает в себя обе эти категории – как наличные, так и безналичные денежные средства в силу того, что обязанность по репатриации денежных средств по указанным в ст. 193 УК РФ сделкам может наступить и при совершении расчетов по ним наличными денежными средствами (например, в рамках оказания услуг по обслуживанию воздушных судов иностранных государств в аэропортах, судов иностранных государств в речных и морских портах). Перечень таких сделок является закрытым, что вытекает из ч. 2 ст. 14 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»¹⁷⁶. Обязанность резидента заключается в таком случае в возврате денежных средств в любой их форме – как наличной, так и безналичной, поскольку законом прямо не предусмотрена какая-либо форма репатрируемой валюты.

Д.А. Печегин дает иную характеристику предмета данного преступления, включая в него валюту Российской Федерации и валютные ценности в виде иностранной валюты¹⁷⁷. Поскольку валютные ценности представляют собой иностранную валюту и внешние ценные бумаги (п. 5 ч. 3

---

¹⁷⁴ Это прямо вытекает из определения наличных денежных средств, данного в п. 23 ст. 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза: «Наличные денежные средства - денежные знаки в виде банкнот и казначейских билетов, монет, за исключением монет из драгоценных металлов, находящиеся в обращении и являющиеся законным платежным средством в государствах-членах или государствах (группе государств), не являющихся членами Союза, включая изъятые либо изымаемые из обращения, но подлежащие обмену на находящиеся в обращении денежные знаки. Законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории Российской Федерации, является рубль» (п. 1 ст. 140 ГК РФ).

¹⁷⁵ Средства на банковских счетах и банковских вкладах являются, по сути своей, записями на банковском счете их обладателя, представляют собой его обязательственное требование на определенную сумму к кредитной организации, в которой открыт данный счет, а значит - безналичными денежными средствами (п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 года № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория»).

¹⁷⁶ Часть 2 ст. 14 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»: Если иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом, расчеты при осуществлении валютных операций производятся юридическими лицами - резидентами через банковские счета в уполномоченных банках, порядок открытия и ведения которых устанавливается Центральным банком Российской Федерации, а также переводами электронных денежных средств.

¹⁷⁷ Печегин Д.А. Объект и предмет валютных преступлений, связанных с уклонением от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств // Финансовое право. 2017. № 11. С. 39-42. // СПС «КонсультантПлюс».

ст. 1 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»), содержательное наполнение предмета, как мы видим, не меняется.

Предмет совершения валютных операций по переводу денежных средств с представлением документов, содержащих недостоверные сведения об основаниях, о целях и назначении перевода (ст.193¹ УК РФ) включает в себя исключительно безналичные денежные средства в рублях или иностранной валюте. Это недвусмысленно вытекает из сути самого деяния по перечислению денежных средств со счета банковской организации путем «введения его в заблуждение» относительно характеристик валютной операции по переводу денежных средств.

Предмет экономической контрабанды (ст. 200¹ УК РФ) определен законодателем как наличные денежные средства и денежные инструменты. Понятие денежных инструментов для целей применения ст. 200¹ УК РФ включает в себя дорожные чеки, векселя, чеки (банковские чеки), а также ценные бумаги в документарной форме, удостоверяющие обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств, в которых не указано лицо, которому осуществляется такая выплата (пункт 5 примечаний к ст. 200¹ УК РФ).

Уточняя дефиницию наличных денежных средств, необходимо обратиться к понятию, закрепленному в п. 23 ст. 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза. С учетом соответствующих нормативных положений ключевыми признаками наличных денежных средств, признаваемых предметом экономической контрабанды, являются:

- а) форма денежных знаков – банкноты, казначейские билеты, монеты;
- б) признак возможности обращения или обмена на находящиеся в обращении денежные знаки.

Необходимо обратить внимание, что данным определением наличных денежных средств из драгоценных металлов исключены монеты, и это учтено законодателем при описании состава преступления,

предусмотренного ст. 226¹ УК РФ. Так, драгоценные металлы и монеты из драгоценных металлов (как изделия) входят в перечень стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226¹ УК РФ¹⁷⁸, что, соответственно, влечет признание их предметом контрабанды в соответствии со ст. 226¹ УК РФ.

Монеты, не находящиеся в обращении и не состоящие из драгоценных металлов, предметом контрабанды быть не могут.

Определяя содержание денежных инструментов, М.С. Марковский отмечает, что первые три оборотных инструмента – дорожный чек, вексель, чек (банковский чек) – указаны в качестве определенного вида, и для уяснения их сущности достаточно обратиться к законодательству, регламентирующему их обращение. В то же время оборотные инструменты, определенные в понятии денежных инструментов как ценные бумаги в документарной форме, удостоверяющие обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств, в которых не указано лицо, которому осуществляется такая выплата, сформулированы, в отличие от дорожных чеков, векселей, чеков (банковских чеков), не как их конкретный вид, а как совокупность признаков, в соответствии с которыми они могут быть признаны денежными инструментами¹⁷⁹.

Данный подход обоснован, поскольку способствует достижению целей уголовного запрета на неконтролируемое перемещение денежных средств, позволяя ему быть гибким и подстраиваться под стремительно развивающиеся финансовые институты. При этом Таможенный кодекс ЕАЭС содержит аналогичное определение денежных инструментов (пп. 8 п. 1 ст. 2), однако специальное указание на то, что под ними понимается в УК РФ, – обоснованное решение законодателя.

---

¹⁷⁸ Постановление Правительства РФ от 13.09.2012 № 923 «Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей».

¹⁷⁹ Марковский М.С. Уголовно-правовые средства противодействия контрабанде наличных денежных средств и (или) денежных инструментов: дис. ... канд. юрид. наук. 2019. С. 25.

М.Н. Урда пишет, что, формулируя понятие «денежные инструменты», законодатель исходил из необходимости определения неких производных по отношению к наличным деньгам оборотных инструментов, которые при необходимости могут быть обналичены после пересечения таможенной границы¹⁸⁰. Представляется, что М.Н. Урда права, поскольку термин «денежные инструменты» появился в обороте исключительно в таможенном и уголовном законодательстве. В экономической теории оперируют понятием «финансовые инструменты», которое определяется Международным стандартом финансовой отчетности (IAS) 32 «Финансовые инструменты: представление» и обозначает собой договор, в результате которого возникает финансовый актив у одной организации и финансовое обязательство или долевого инструмент - у другой¹⁸¹.

В свою очередь финансовый актив – актив, представляющий собой:

- 1) денежные средства;
- 2) долевого инструмент другой организации¹⁸²;
- 3) предусмотренное договором право получения денежных средств или иного финансового актива от другой организации или обмена финансовыми активами или финансовыми обязательствами с другой организацией на условиях, потенциально выгодных для организации или
- 4) договор, расчеты по которому будут или могут быть осуществлены собственными долевыми инструментами организации и который является производным инструментом¹⁸³, по которому организация обязана или может стать обязанной получить переменное количество своих собственных

---

¹⁸⁰ Урда М.Н. Вопросы квалификации контрабанды денежных средств и (или) денежных инструментов // Уголовное право. 2014. № 3. С. 78-82. // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸¹ Пункт 11 Международного стандарта финансовой отчетности (IAS) 32 «Финансовые инструменты: представление» (далее – «МСФО (IAS) 32»).

¹⁸² Согласно п. 11 МСФО (IAS) 32 долевого инструмент – это договор, подтверждающий право на остаточную долю в активах организации после вычета всех ее обязательств.

¹⁸³ Производный инструмент - актив, стоимость которого не зависит от изменения стоимости другого инструмента или базового актива, например, дебиторская и кредиторская задолженность, кредиты и займы, акции и облигации. См. Экономический словарь The Financial Encyclopedia. URL: <https://fincyclopedia.net/accounting/n/non-derivative-instrument> (дата обращения - 19.05.2023).

долевых инструментов¹⁸⁴; или производным инструментом¹⁸⁵, расчеты по которому будут или могут быть осуществлены иным способом, чем путем обмена фиксированной суммы денежных средств или другого финансового актива на фиксированное количество собственных долевых инструментов организации¹⁸⁶.

Исходя из принятой на международном уровне договоренности о значении термина «финансовые инструменты», он не мог использоваться для обозначения овециествленных предметов (активов), которые могут одновременно перемещаться (как предмет материального мира) и обладать признаком «конвертируемости» (обмена) в денежные средства.

---

¹⁸⁴ Примером непроизводных инструментов, по которому организация обязана или может стать обязанной получить переменное количество своих собственных долевых инструментов, являются *права, опционы* (контракты, которые дают их покупателю право, но не связывают его обязательством купить или продать определенный финансовый инструмент или товар по определенной цене в течение определенного периода времени или на определенную дату) или *варранты* (финансовые инструменты, обращающиеся на бирже и дающие их держателю право купить у продавца варранта (обычно это корпорация) определенное количество акций или облигаций на оговоренных условиях в течение установленного срока) на приобретение фиксированного количества собственных долевых инструментов организации за фиксированную сумму единиц любой валюты.

¹⁸⁵ Производный финансовый инструмент - договор (за исключением договора репо, а также опционного договора, заключенного с физическим лицом в связи с исполнением им трудовых обязанностей на основании трудового договора или в связи с участием физического лица в органах управления хозяйственного общества), предусматривающий одну или несколько из следующих обязанностей:

- обязанность сторон или стороны договора периодически или единовременно уплачивать денежные суммы, в том числе в случае предъявления требований другой стороной, в зависимости от изменения цен на товары, ценные бумаги, курса соответствующей валюты, величины процентных ставок, уровня инфляции, значений, рассчитываемых на основании цен производных финансовых инструментов, значений показателей, составляющих официальную статистическую информацию, значений физических, биологических и (или) химических показателей состояния окружающей среды, от наступления обстоятельства, свидетельствующего о неисполнении или ненадлежащем исполнении одним или несколькими юридическими лицами, государствами или муниципальными образованияами своих обязанностей (за исключением договора поручительства и договора страхования), либо иного обстоятельства или иных показателей, которые предусмотрены федеральным законом или нормативными актами Центрального банка Российской Федерации (далее - Банк России) и относительно которых неизвестно, наступят они или нет, а также от изменения значений, рассчитываемых на основании одного или совокупности нескольких указанных в настоящем пункте показателей. При этом такой договор может также предусматривать обязанность сторон или стороны договора передать другой стороне ценные бумаги, товар или валюту либо обязанность заключить договор, являющийся производным финансовым инструментом;

- обязанность сторон или стороны на условиях, определенных при заключении договора, в случае предъявления требования другой стороной купить или продать ценные бумаги, валюту или товар либо заключить договор, являющийся производным финансовым инструментом;

- обязанность одной стороны передать ценные бумаги, валюту или товар в собственность другой стороне не ранее третьего дня после дня заключения договора, обязанность другой стороны принять и оплатить указанное имущество и указание на то, что такой договор является производным финансовым инструментом (п. 23 ст. 2 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»).

Примером производных финансовых инструментов являются опционный договор, фьючерсный договор, форвардный договор, своп-договор. Об их особенностях см. Указание Банка России от 16.02.2015 № 3565-У «О видах производных финансовых инструментов».

¹⁸⁶ п. 11 МСФО (IAS) 32.

Проанализировав гражданское законодательство, М.С. Марковский приходит к выводу, что среди всех разновидностей ценных бумаг в качестве денежных инструментов для целей ст. 200¹ УК РФ следует выделить акцию и облигацию на предъявителя, сберегательные книжки на предъявителя, сберегательный (депозитный) сертификат на предъявителя и банковские книжки на предъявителя¹⁸⁷. Безусловно, указанными ценными бумагами ограничиваться не следует.

Необходимость же выделения дорожного чека обусловлена тем, что в соответствии с п. 2 ст. 142 ГК РФ дорожный чек не является разновидностью чека и ценной бумагой в целом, так как он не указан и не признан в качестве такового в законе¹⁸⁸. Налоговый кодекс РФ называет дорожный чек платежно-расчетным средством (п. 8 ч. 2 ст. 291 НК РФ).

В то же время вексель и чек являются ценными бумагами в документарной форме, удостоверяющими обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств, в которых не указано лицо, которому осуществляется такая выплата, и специальному выделению могли не подвергаться¹⁸⁹. М.С. Марковский полагает, что их выделение обусловлено тем, что два этих вида ценных бумаг наиболее используемы¹⁹⁰.

Исходя из подхода законодателя, логичным было бы расширить предмет экономической контрабанды за счет включения в пункт 5 примечаний к ст. 200¹ УК РФ - по аналогии с дорожными чеками - платежно-расчетных средств на предъявителя. Это способствовало бы целям противодействия незаконному перемещению капитала.

---

¹⁸⁷ Марковский М.С. Уголовно-правовые средства противодействия контрабанде наличных денежных средств и (или) денежных инструментов : дис. ... к.ю.н. 2019. С. 45-46.

¹⁸⁸ Пункт 2 ст. 142 ГК РФ: Ценными бумагами являются акция, вексель, складная, инвестиционный пай паевого инвестиционного фонда, коносамент, облигация, чек и иные ценные бумаги, названные в таком качестве в законе или признанные таковыми в установленном законом порядке.

¹⁸⁹ Вексель может являться ценной документарной бумагой на предъявителя исходя из пункта 12 Постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 07.08.1937 № 104/1341 «О введении в действие Положения о переводном и простом векселе». Чек также является ценной документарной бумагой на предъявителя, о чем свидетельствует отсутствие в его реквизитах обязательного указания на личность чекодержателя, исходя из ст. 878 ГК РФ.

¹⁹⁰ Марковский М.С. Уголовно-правовые средства противодействия контрабанде наличных денежных средств и (или) денежных инструментов: дис. ... к.ю.н. 2019. С. 30.

Таким образом, предметами анализируемых преступлений являются:

1) уклонения от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств (ст. 193 УК РФ) - наличные и безналичные денежные средства в рублях или иностранной валюте;

2) совершения валютных операций по переводу денежных средств с представлением документов, содержащих недостоверные сведения об основаниях, о целях и назначении перевода (ст.193¹ УК РФ) - безналичные денежные средства в рублях или иностранной валюте;

3) контрабанды наличных денежных средств и денежных инструментов (ст. 200¹ УК РФ) – наличные денежные средства в рублях и иностранной валюте, предъявительские документарные ценные бумаги и дорожные чеки.

Выводы

Предмет предусмотренного ст. 200¹ УК РФ преступления в виде денежных инструментов определен в пункте 5 примечаний к статье и включает вексель и чек, то есть ценные бумаги в документарной форме выпуска, тогда как наряду с ними альтернативными видами предмета названы «ценные бумаги в документарной форме, удостоверяющие обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств, в которых не указано лицо, которому осуществляется такая выплата». Такая редакция противопоставляет вексель и чек иным ценным бумагам.

Кроме того, в перечне предметов преступления не упоминаются платежно-расчетные средства на предъявителя как общая категория, включающая в том числе дорожные чеки. С учетом этого, предмет экономической контрабанды подлежит уточнению за счет исключения из названного пункта примечаний к ст. 200¹ УК РФ векселей и чеков, а также дополнения перечня указанием на платежно-расчетные средства на предъявителя.

Глава III. Проблемы применения норм об ответственности за вывоз капитала

§ 1. Проблемы квалификации вывоза капитала по объективным признакам валютных преступлений

1. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 193 УК РФ

Преступление, предусмотренное ст. 193 УК РФ (в дальнейшем для удобства будем обозначать его как «уклонение от репатриации денежных средств»), являет собой форму юридического бездействия по получению должного в связи с заключенным внешнеэкономическим договором¹⁹¹.

Как отмечает Н.А. Лопашенко, в ст. 193 УК РФ содержатся два самостоятельных состава, соответственно в ч. 1 и ч. 2 статьи: уклонение от исполнения обязанностей по репатриации, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за деяния, предусмотренные ч. 5² ст. 15.25 КоАП, и уклонение от исполнения обязанностей по репатриации, сразу влекущее наступление уголовной ответственности (при наличии признаков, указанных в ч. 2 статьи)¹⁹².

Интересен факт того, что термин «репатриация» законом не определяется. Систематическое толкование положений главы 3 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» позволяет сделать вывод о том, что репатриация – обеспечение получения встречного предоставления по внешнеэкономическим сделкам либо возвращения денежных средств в связи с неисполнением стороной (сторонами) своих обязанностей по сделке на банковские счета в уполномоченных банках.

---

¹⁹¹ Обязанность резидентов по репатриации денежных средств при осуществлении внешнеторговой деятельности и при предоставлении резидентами иностранной валюты или валюты Российской Федерации в виде займов нерезидентам закреплена в ст. 19 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле».

¹⁹² Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ): монография. В 2 ч. Ч. 1. - М.: Юрлитинформ, 2022. С. 405.

Обязанность по репатриации возлагается на резидентов в связи с ведением ими внешнеторговой деятельности, а также предоставлением займов. Обязанность возвратить денежные средства на счета резидента в уполномоченном банке или на счета резидента в банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, основания и условия возврата указаны в главе 3 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле».

В законе (ч. 1 ст. 19 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле») эта обязанность сформулирована как обязанность резидентов при осуществлении внешнеторговой деятельности и (или) при предоставлении резидентами иностранной валюты или валюты Российской Федерации в виде займов нерезидентам в сроки, предусмотренные внешнеторговыми договорами (контрактами) и (или) договорами займа, обеспечить:

1) получение от нерезидентов на свои банковские счета в уполномоченных банках иностранной валюты или валюты Российской Федерации, причитающейся в соответствии с условиями указанных договоров (контрактов) за переданные нерезидентам товары, выполненные для них работы, оказанные им услуги, переданные им информацию и результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них;

2) возврат в Российскую Федерацию денежных средств, уплаченных нерезидентам за неввезенные в Российскую Федерацию (неполученные на территории Российской Федерации) товары, невыполненные работы, неоказанные услуги, непереданные информацию и результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них;

3) получение от нерезидентов на свои банковские счета в уполномоченных банках иностранной валюты или валюты Российской Федерации, причитающейся в соответствии с условиями договоров займа.

При этом законом предусмотрен перечень случаев, когда резиденты от этой обязанности освобождены (ч. 2 ст. 19 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»).

Особое внимание должно быть уделено тому, что данное требование применяется только в отношении резидентов с нерезидентами, тогда как валютные операции между резидентами Российской Федерации по общему правилу запрещены, за исключением операций, прямо указанных в ч. 1 ст. 9 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» и с установленными ограничениями.

В частности, переводы между резидентами, разрешенные указанным законом, допустимы в пределах суммы, не превышающей в течение одного операционного дня через один уполномоченный банк суммы, равной в эквиваленте 5 000 долларов США по официальному курсу, установленному Центральным банком Российской Федерации на дату списания денежных средств со счета физического лица - резидента, за исключением переводов близким родственникам и резидентам (в качестве оплаты товаров, работ, услуг, информации или передачи интеллектуальных прав), которые находятся за пределами территории Российской Федерации в течение календарного года в совокупности более 183 дней и которые осуществляют предпринимательскую деятельность без образования юридического лица в соответствии с законодательством иностранного государства своего пребывания (п. 12 ч. 1 ст. 9 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»).

Нерезиденты вправе без ограничений осуществлять между собой переводы иностранной валюты и валюты Российской Федерации как из иностранных банков на счета в банках в Российской Федерации, так и наоборот (ст. 13 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»).

Резиденты вправе без ограничений открывать счета и вклады в банках в иностранных государствах, однако это накладывает на них обязанность

уведомить налоговый орган о наличии таких счетов (кроме лиц, на которых распространяется действие Федерального закона «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами»¹⁹³). Переводы на данные счета резидентом со своих счетов в банке на территории Российской Федерации могут осуществляться без ограничений, аналогично с зачислением заработной платы и иных компенсаций трудовых расходов, доходов в виде стипендий, пенсий, алиментов, иных выплат социального характера, денежных средств, выплачиваемых в соответствии с решениями судов иностранных государств, за исключением решений международного коммерческого арбитража и иных поступлений, также ограниченных ст. 13 ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле».

Для осуществления переводов банку – агенту на территории РФ в обязательном порядке представляется уведомление с отметкой налоговой службы о том, что он осведомлен о наличии указанного счета у резидента.

Впоследствии резиденты обязаны представлять отчеты о движении денежных средств и иных финансовых активов по собственным счетам (вкладам) в банках и иных организациях финансового рынка, расположенных за пределами территории Российской Федерации (ч. 7 ст. 12 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»). Исключением, позволяющим не осуществлять указанную процедуру, является совокупность обстоятельств:

- 1) резидент является физическим лицом;

---

¹⁹³ Федеральный закон от 07.05.2013 № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами».

2) банк расположен на территории государства - члена ЕАЭС или на территории иностранного государства (территории), с которым осуществляется автоматический обмен финансовой информацией;

3) общая сумма денежных средств, зачисленных на указанный счет (вклад) (списанных с указанного счета (вклада) за отчетный год, не превышает 600 000 рублей или сумму в иностранной валюте, эквивалентную 600 000 рублей, либо остаток денежных средств на указанном счете (вкладе) по состоянию на конец отчетного года не превышает 600 000 рублей или сумму в иностранной валюте, эквивалентную 600 000 рублей, если в течение отчетного года зачисление денежных средств на указанный счет (вклад) не осуществлялось¹⁹⁴.

В целом обязанность физических лиц по уведомлению российского налогового органа о своих иностранных счетах и движению по ним отпадает, если валютный резидент находится за границей более 183 дней в течение календарного года, а также если налоговый орган признает его лицом, не являющимся налоговым резидентом в соответствующем периоде¹⁹⁵. При этом если статус налогового резидента вновь присваивается или в следующем периоде лицо находится на территории РФ 183 дня или менее в течение календарного года, в последующем должны предоставить сведения об изменениях информации о своих зарубежных счетах в срок до 1 июня календарного года, следующего за таким истекшим календарным годом и предоставлять отчеты о движении по ним денежных средств¹⁹⁶.

Таким образом, законное движение денежных средств по счетам резидента Российской Федерации происходит под полным контролем государства посредством агентов валютного контроля (уполномоченных банков, профессиональных участников рынка ценных бумаг и

---

¹⁹⁴ Часть 7 ст. 12 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле».

¹⁹⁵ Абзац 1 ч. 8 ст. 12 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле».

¹⁹⁶ Абзац 2-4 ч. 8 ст. 12 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле».

государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ») ¹⁹⁷ и федеральной налоговой службы.

Бездействие лица, выразившееся в неуведомлении налогового органа о наличии счета в иностранном банке, влечет за собой привлечение к административной ответственности в соответствии с ч. 2¹ ст. 15.25 КоАП РФ ¹⁹⁸. Непредоставление отчетов о движениях денежных средств по иностранным счетам также является административным правонарушением, запрещенное ч. 6 ст. 15.25 КоАП РФ.

Перечисление резидентом денежных средств между своими счетами в РФ и иностранных государствах по общему правилу не ограничивается ¹⁹⁹ и, соответственно, не образует объективную сторону валютных преступлений (если не сопровождается представлением уполномоченному банку заведомо недостоверных сведений об основаниях, о целях и назначении перевода).

Именно совокупность правил осуществления переводов денежных средств вкупе с полномочиями банков запрашивать сведения о происхождении денежных средств должны обеспечивать «чистоту»

---

¹⁹⁷ Часть 3 ст. 22 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле».

¹⁹⁸ Часть 2¹ ст. 15.25 КоАП РФ в ред. Федерального закона от 20.07.2020 № 218-ФЗ: Непредставление резидентом в налоговый орган уведомления об открытии (закрытии) счета (вклада) или об изменении реквизитов счета (вклада) в банке и иной организации финансового рынка, расположенных за пределами территории Российской Федерации, - влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц - от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц - от восьмисот тысяч до одного миллиона рублей.

¹⁹⁹ Часть 4 ст. 12 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле». Исключением является зачисление иностранной валюты и осуществление переводов денежных средств российскими валютными резидентами на иностранные счета в случае если они связаны с перечислением денежных средств, полученных в виде дивидендов по акциям российских акционерных обществ либо при распределении прибыли российских обществ с ограниченной ответственностью, хозяйственных товариществ и производственных кооперативов (Пункты «б» п. 3 Указа Президента Российской Федерации от 28.02.2022 № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» и Пункты «б» п. 1 Указа Президента РФ от 05.07.2022 № 430 «О репатриации резидентами - участниками внешнеэкономической деятельности иностранной валюты и валюты Российской Федерации» (по состоянию на 10.02.2023).

При этом фактически резидентам - физическим лицам разрешено зачисление денежных средств, связанных с получением дивидендов по акциям российских акционерных обществ либо распределением прибыли российских обществ с ограниченной ответственностью, хозяйственных товариществ и производственных кооперативов, на счета (вклады), открытые в банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации и являющихся дочерними обществами уполномоченных банков, (прим. - т.е. созданных в соответствии с законодательством Российской Федерации и имеющих лицензию Центрального банка Российской Федерации) в пределах общих лимитов, установленных Банком России (Выписка из протокола заседания подкомиссии Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации от 10.08.2022 № 78/1, доведена Минфином России 17.08.2022 № 05-06-10/ВН-42064).

трансграничного перемещения капитала. Само по себе перемещение лицом своих законно полученных и налогооблагаемых денежных средств по общему правилу (без учета мер, принятых как временные в связи с каким-либо чрезвычайным происшествием и потенциально подлежащих отмене) не ограничено.

Уклонение от репатриации денежных средств является сложным преступлением с альтернативными действиями и (или) актами бездействия, совершение каждого из которых достаточно для признания его оконченным.

Объективная сторона уклонения от репатриации выражена в нарушении требований валютного законодательства по зачислению денежных средств, причитающихся резидентам в соответствии с условиями заключенных ими в рамках осуществления внешнеторговой деятельности договоров (контрактов). Исходя из буквальной формулировки обязанности, изложенной в ст. 19 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле», она заключается в обязанности **обеспечить зачисление или возврат денежных средств.**

Согласно Толковому словарю С.И. Ожегова слово «обеспечить» имеет следующие значения:

- «1) кого-что чем-то. Снабдить чем-нибудь в нужном количестве;
- 2) кого-что. Предоставить достаточные материальные средства к жизни;
- 3) что. Сделать вполне возможным, действительным, реально выполнимым;
- 4) кого-что от кого-чего. Оградить, охранить (устар.)»²⁰⁰.

В контексте нормы закона «О валютном регулировании и валютном контроле» наиболее близким является значение «сделать вполне возможным, действительным, реально выполнимым». Из этого вытекает, что закон возлагает на резидента обязанность совершить определенные действия,

---

²⁰⁰ Толковый словарь русского языка Текстология.ру. URL: <https://ozhegov.textologia.ru/definit/obespechit/?q=742&n=189984> (дата обращения - 19.05.2023).

направленные на достижение результата в виде зачисления денежных средств на счета в уполномоченные банки в РФ. Иное толкование, состоящее, например, в том, что закон возлагает обязанность достичь этого результата, является некорректным.

Таким образом, пользуясь существующими правилами толкования, приходим к выводу, что **объективной стороной уклонения от репатриации является бездействие, выраженное в несовершении действий, направленных на получение или возврат денежных средств на счета в уполномоченных банках²⁰¹.**

Говоря о деянии, запрещенном ст. 193 УК РФ, подразумевается, что оно совершается в форме актов так называемого юридического бездействия.

Суды так трактуют объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 193 УК РФ:

1) непринятие резидентом Российской Федерации мер по возвращению денежных средств в случае, когда контрагент-нерезидент не исполнил свое обязательство передачи товаров, информации, интеллектуальных прав, оказания услуг или выполнения работ по внешнеэкономическому договору в установленный договором срок;

2) непринятие мер по взысканию денежных средств за товары, работы или услуги, оказанные и переданные нерезиденту;

---

²⁰¹ Необходимо учитывать, что Федеральным законом от 28.06.2021 № 223-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» отменено требование о репатриации резидентами на свои счета в уполномоченных банках иностранной валюты, причитающейся по договорам (контрактам) между резидентами и нерезидентами за переданные нерезидентам товары, выполненные для них работы, оказанные им услуги, переданные им информацию и результаты интеллектуальной деятельности (РИД), в т.ч. исключительные права на них для несырьевого неэнергетического экспорта (полный перечень товаров изложен в ч. 8 ст. 19 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»).

Ответственность за действия по невыполнению контрактов, в отношении которых отменено требование о репатриации, предусмотрена ч. 4³ ст. 15.25 КоАП РФ (невыполнение резидентом в установленный срок обязанности по исполнению или прекращению обязательств по внешнеторговому договору (контракту), заключенному между резидентом и нерезидентом, на который распространяются требования валютного законодательства Российской Федерации и актов органов валютного регулирования и органов валютного контроля, способами, разрешенными законодательством Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных частями 4 и 4¹ ст. 15.25 КоАП РФ).

3) непринятие мер по перечислению денежных средств, полученных от контрагента, со счета в иностранном банке на счет уполномоченного банка на территории РФ.

Последнюю позицию суд сформулировал по делу со следующими значимыми для уголовно-правовой квалификации обстоятельствами.

А.С. Якубов, являясь фактическим руководителем ООО (предприятия – российского резидента), приискал подконтрольное ему оффшорное юридическое лицо, заключил с ним договор поставки лома и отходов черных металлов, по которому товар был отгружен данной компании. В дальнейшем указанный лом был продан турецкой компании от имени подконтрольного А.С. Якубову юридического лица, денежные средства поступили на счет подконтрольной компании-нерезидента.

В последующем А.С. Якубовым подготовлено от имени российского юридического лица и компании-нерезидента дополнение к спецификации к контракту, согласно которому переносилась дата срока оплаты за поставленные товары, после чего лицо российское юридическое лицо реорганизовывалось путем присоединения к другому юридическому лицу, а впоследствии – ликвидировалось²⁰².

С точки зрения бланкетного законодательства и подходов судебной практики, о нарушении валютного законодательства как об уклонении от репатриации денежных средств свидетельствует:

а) непредставление в установленные сроки в уполномоченный банк, принявший на учет или на обслуживание внешнеторговый договор, подтверждающих документов, свидетельствующих об исполнении обязательства (прекращении, перемене лица в обязательстве, изменении суммы обязательств по контракту)²⁰³,

---

²⁰² Приговор Ленинского районного суда города Севастополя от 30.04.2020 по делу № 1-136/2020.

²⁰³ См. Инструкцию Банка России от 16.08.2017 № 181-И «О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации при осуществлении валютных операций, о единых формах учета и отчетности по валютным операциям, порядке и сроках их представления».

б) отсутствие действий лица, направленных на репатриацию денежных средств, в частности: оказание воздействия на контрагентов в целях возврата денежных средств в рублях Российской Федерации, ведение претензионной работы, инициирование судебного разбирательства, в том числе в Международном коммерческом Арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации²⁰⁴,

в) представление в уполномоченный банк фиктивных документов, подтверждающих ввоз товаров в РФ²⁰⁵.

Анализ судебной практики по уголовным делам показывает, что суды при вменении анализируемого состава исходят из необходимости принятия лицом **всех** предусмотренных законом мер, направленных на репатриацию денежных средств²⁰⁶, включая ведение претензионной работы и обращение в суд. Доводы о прекращении деятельности или ликвидации контрагентов в предмет доказывания не входят²⁰⁷. Как представляется, причиной является тот факт, что ликвидация контрагента не препятствует предъявлению требований к юридическому лицу, находящемуся в процессе ликвидации, и реализации резидентом РФ своих прав по взысканию задолженности в судебном порядке.

Верховный Суд РФ, придя к выводу о законности отказа в привлечении к административной ответственности, признал достаточным наличие следующих обстоятельств в совокупности:

- действующий статус и платежеспособность организации-контрагента;

---

²⁰⁴ Апелляционное постановление Волгоградского областного суда от 24.07.2019 по делу № 22-2850/2019, приговор Волжского городского суда Волгоградской области от 24.06.2019 по делу № 1-178/2019.

²⁰⁵ Апелляционное постановление Верховного суда Республики Башкортостан от 25.05.2017 по делу № 22-3207/2017.

²⁰⁶ См. апелляционное постановление Верховного суда Республики Бурятия от 16.07.2019 по делу № 22-1289/2019, приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 26.08.2022 по делу № 1-3/2022. При этом обращаясь к грамматическому толкованию, суды нередко описывают деяние как «непринятие **каких-либо** мер», что в целом толкуется нами как усиление судом тезиса о наличии умысла на незаконный вывоз капитала (напр. приговор Останкинского районного суда города Москвы от 03.03.2017 по делу № 01-0068/2017, приговор Гагаринского районного суда города Москвы от 20.12.2016 по делу № 1-485/2016).

²⁰⁷ Апелляционное постановление Верховного суда Республики Бурятия от 16.07.2019 № 22-1289/2019.

- обоснование продления сроков оплаты по контракту ухудшившейся ситуацией на рынке энергетических углей и намерение общества сохранить выгодные для себя хозяйственные отношения с контрагентом;

- привлекаемая организация направила письмо нерезиденту с просьбой погасить задолженность в определенный срок;

- в целях взыскания спорной задолженности общество заключило с коллегией адвокатов договор на оказание юридической помощи;

- нерезиденту была направлена претензия;

- общество в трехмесячный срок направило в Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации иск о взыскании с нерезидента задолженности по контракту²⁰⁸.

С учетом результатов анализа сложившихся подходов судебной практики и положений законодательства приходим к выводу о достаточности следующих условий для признания отсутствия в действиях лица признаков уклонения от репатриации денежных средств:

- направление им в 30-дневный срок претензии к нерезиденту с просьбой погасить задолженность;

- проведение переговоров с нерезидентом об обоснованности причин непоступления денежных средств, заключение дополнительного соглашения о продлении срока оплаты по контракту при наличии объективных факторов, свидетельствующих о возможности продолжать коммерческие отношения;

- в случае отсутствия обоснованных причин непоступления денежных средств совершение действий, направленных на судебное взыскание задолженности: привлечение юристов для подготовки искового заявления, фактическое составление иска с последующей его подачей.

Существует три основных подхода к определению **момента окончания** предусмотренного ст. 193 УК РФ преступления.

---

²⁰⁸ Определение Верховного Суда РФ от 25.05.2022 № 304-ЭС22-6782 по делу № А27-2925/2020, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.01.2022 года № Ф04-7806/2021 по делу № А27-2925/2020.

Согласно первому моментом окончания считается момент совершения последнего поручения на перевод иностранной валюты со счета в уполномоченном банке ²⁰⁹. Данный подход представляется спорным, поскольку обязанность по совершению действий по репатриации денежных средств у резидента возникает в момент, **когда обязательство по какой-либо причине не исполняется контрагентом-нерезидентом** в срок исполнения обязательства, установленный внешнеторговым договором, а не в срок, когда обязательство еще существует в правовой действительности. Претензионный порядок является этапом урегулирования спора, который возникает лишь в случае неисполнения (ненадлежащего исполнения обязательства).

Таким образом, ответственность за неисполнение обязанности резидента совершать определенные действия по возвращению денежных средств в отечественную юрисдикцию не может наступать ранее возникновения у него возможности совершить действия, направленные на их возврат. В случае договорных отношений такие правила имеются, в частности, это право должника исполнить обязательство досрочно. В рамках предпринимательских отношений и это право ограничено законом²¹⁰.

Для наличия в деянии в форме бездействия признаков преступления требуются соответствующие условия, а именно долженствование и фактическая возможность действовать. Поскольку в описанной ситуации такая возможность отсутствует (невозможно требовать от лица исполнить обязанность по оплате досрочно), для привлечения к уголовной ответственности без предоставления необходимого времени для осуществления действий по репатриации с того момента, когда появляется не

---

²⁰⁹ Постановление Президиума Приморского краевого суда от 06.05.2013 по делу № 1-325\12, апелляционное определение Свердловского областного суда от 08.05.2018 по делу № 22-2732/2018.

²¹⁰ Статья 315 ГК РФ: Должник вправе исполнить обязательство до срока, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или условиями обязательства либо не вытекает из его существа. Однако досрочное исполнение обязательств, связанных с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, допускается только в случаях, когда возможность исполнить обязательство до срока предусмотрена законом, иными правовыми актами или условиями обязательства либо вытекает из обычаев или существа обязательства.

только обязанность, но и возможность требовать исполнения по контракту, оснований нет.

Второй подход, сторонником которого является А.А. Мамедов, опирающийся на позицию И.Н. Пастухова и П.С. Яни, состоит в том, что уклонение от репатриации денежных средств является длящимся²¹¹ и считается оконченным вследствие действий самого виновного: прекращения противоправной деятельности по воле специального субъекта - руководителя организации, или наступления событий, препятствующих совершению преступления, например, ввиду привлечения руководителя организации к уголовной ответственности по ст. 193 УК РФ.

Трудно спорить с отнесением преступления, чья объективная сторона определена как «уклонение», к категории длящегося преступления. В то же время, во-первых, включенное в объективную сторону преступления неисполнение обязанности в установленный для этого законом срок не признается высшим судебным органом доводом в пользу отнесения соответствующего преступного деяния к длящимся²¹², а во-вторых, формулировка «нарушение требований по репатриации» указывает на конкретный срок, с наступлением которого законодатель связывает наличие правонарушения.

Исходя из третьего подхода обсуждаемое преступное деяние окончено с момента наступления срока, до истечения которого лицо было обязано возвратить иностранную валюту на счет в уполномоченном банке²¹³. Указанный срок определяется резидентом самостоятельно на основании

---

²¹¹ Мамедов А.А. делает вывод о длящемся характере преступления, исходя из обстоятельства, что у лица существует объективная обязанность репатриировать денежные средства. См. Мамедов А.А. Специфические особенности квалификации преступлений в сфере валютных операций: вопросы теории и судебной практики // Российский судья. 2012. № 6. С. 20-27, Пастухов И.Н., Яни П.С. Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте. Проблемы квалификации: Лекция // Ин-т повышения квалификации руководящих кадров Генер. прокуратуры РФ. М., 1999.

²¹² Так, например, в отношении уклонения от уплаты налогов Пленум Верховного Суда РФ момент окончания преступления, предусмотренного статьей 198 или статьей 199 УК РФ, определил как срок их уплаты, установленный законодательством о налогах и сборах: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» (пункт 4).

²¹³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII - VIII. // СПС «КонсультантПлюс»

условий договора, однако ожидаемый срок репатриации иностранной валюты и (или) валюты Российской Федерации **не может превышать дату завершения исполнения обязательств** по договору²¹⁴.

Судебная практика в большинстве случаев склоняется к третьему подходу, конкретизируя его как «следующий календарный день после истечения установленных сроков»²¹⁵. Так же складывается и практика привлечения к административной ответственности за невыполнение резидентом в установленный срок обязанности по получению на свои банковские счета в уполномоченных банках иностранной валюты и (или) валюты Российской Федерации - срок давности привлечения к административной ответственности за правонарушение, ответственность за которое предусмотрена ч. 4 ст. 15.25 КоАП РФ, исчисляется со дня, следующего за последним днем периода, предоставленного для исполнения соответствующей обязанности²¹⁶. При этом суды расценивают признак **«завершение исполнения обязательств» как завершение всех обязательств по договору**, то есть как «не позднее срока окончания действия контракта»²¹⁷.

Таким образом, с одной стороны, не солидаризируясь с указанным подходом ввиду того, что в этом случае лицу не предоставляется время для совершения действий по репатриации средств после того момента, когда у него только возникает право на реализацию претензионного порядка, с другой стороны, мы вынуждены констатировать, что на понимание момента окончания анализируемого преступного деяния как срока исполнения

---

²¹⁴ Пункты 1-2 приложения 3 «Об ожидаемых сроках репатриации иностранной валюты и (или) валюты Российской Федерации по договору, принятому на учет уполномоченным банком, представляемых резидентами, физическими лицами-резидентами в уполномоченные банки в соответствии с частями 1.1 и 1.2 статьи 19 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» к Инструкции Банка России от 16.08.2017 № 181-И «О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации при осуществлении валютных операций, о единых формах учета и отчетности по валютным операциям, порядке и сроках их представления».

²¹⁵ Приговор Железнодорожного районного суда города Улан-Удэ от 14.05.2019 по делу № 1-34/2019.

²¹⁶ п. 37 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2019), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.07.2019.

²¹⁷ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.02.2021 № 15АП-22376/2020 по делу № А53-35608/2020.

обязательства непосредственно указывают соответствующие нормы позитивного законодательства, к которым в силу бланкетности ст. 193 УК РФ обязан обращаться правоприменитель.

Дискуссия о моменте окончания обсуждаемого валютного преступления достойна того, чтобы завершиться – во всяком случае, для правоприменителя – суждением высшего судебного органа, желательно – в практикообразующем решении, например, в постановлении Пленума.

Определяться момент окончания анализируемого преступного деяния должен с учетом того, что во внешнеэкономических сделках действия одной стороны поставлены в зависимость от действий контрагента. Поэтому для выполнения обязанности по репатриации лицу необходимо установить причину непоступления денежных средств на счета в уполномоченном банке, а также инициировать претензионную работу, для чего ему должно быть предоставлено определенное время. Как определить этот период?

Суды, привлекая лицо к административной ответственности по ч. 4 ст. 15.25 КоАП РФ, объективная сторона которой включает действия, аналогичные уклонению от репатриации денежных средств²¹⁸, указывают на необходимость исследования действий, предпринятых для возвращения денежных средств, а также причин, объективно повлиявших на непоступление денежных средств: «по мнению суда апелляционной инстанции, в рассматриваемом случае в материалах дела отсутствуют доказательства, свидетельствующие о невозможности своевременного получения заявителем оплаты товара, поставленного по внешнеторговому

---

²¹⁸ Об этом свидетельствует положение ч. 1 ст. 193 УК РФ, содержащей административную преюдицию – такого конститутивного признака состава как совершения деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за деяния, предусмотренные частью 5² статьи 15.25 КоАП РФ. При этом ч. 5² ст. 15.25 КоАП РФ в свою очередь самостоятельного состава правонарушения не составляет, отсылая к ч.ч. 4, 4¹, 4³, 5 ст. 15.25 КоАП РФ: «действия (бездействие), предусмотренные частями 4, 4¹, 4³ и 5 настоящей статьи, если сумма зачисленных на счета в уполномоченных банках и (или) на счета, открытые в банках за пределами территории Российской Федерации, с нарушением установленного срока либо не зачисленных на счета в уполномоченных банках и (или) на счета, открытые в банках за пределами территории Российской Федерации, денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации, причитающихся в соответствии с условиями внешнеторгового договора (контракта), договора займа с нерезидентом по однократно либо неоднократно в течение одного года проведенным валютным операциям, превышает сто миллионов рублей и если эти действия (бездействие) не содержат уголовно наказуемого деяния...».

контракту, по объективным, не зависящим от общества обстоятельствам, а также доказательства, свидетельствующие о том, что обществом предприняты все зависящие от него и достаточные меры по предупреждению совершения указанного административного правонарушения»²¹⁹.

Арбитражный суд в этом решении исходил из позиции Конституционного Суда РФ (применительно к таможенным правоотношениям), согласно которой «при исполнении субъектом ... своих публично-правовых обязанностей на нем лежит забота о выборе контрагента и обеспечении последним принятых обязательств любыми законными способами; при этом он отвечает за неисполнение публичных обязанностей, связанных в том числе с действиями (бездействием) контрагентов, что не исключает в дальнейшем возможность восстановления имущественных прав привлеченного к ответственности субъекта таможенных отношений путем предъявления иска к контрагенту, действия (бездействие) которого повлекли наложение взыскания»²²⁰.

Также суды при разрешении вопроса о наличии признаков состава административного правонарушения исходят из того, что самого по себе предъявления переписки о пролонгировании срока действия договора недостаточно для того, чтобы говорить о принятии Обществом всех зависящих от него мер по соблюдению требований валютного контроля²²¹.

При этом согласно принципу вины лицо не подлежит уголовной ответственности за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых не

---

²¹⁹ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 08.10.2021 № 08АП-10075/2021 по делу № А46-8999/2021. При этом необходимо учитывать, что, согласно ч. 2 ст. 2¹ КоАП РФ, вина юридического лица определяется иначе: юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

²²⁰ Постановление Конституционного суда РФ от 27.04.2001 № 7-П и определение Конституционного суда РФ от 02.04.2009 № 486-О-О.

²²¹ Определение Верховного Суда РФ от 19.12.2019 № 305-ЭС19-25148 по делу № А40-19547/2019.

установлена его вина (ч. 1 ст. 5 УК РФ), иной подход необоснованно расширял бы пределы уголовной ответственности и наказания²²².

Указание в уголовном законе на то, что объективная сторона деяния включает нарушение требований валютного законодательства о зачислении на соответствующие счета денежных средств, означает, что определение момента окончания нарушения требований валютного законодательства напрямую связано с регулированием договорных обязательств.

Соответственно, правила гражданского законодательства об исполнении обязательств непосредственно влияют на срок репатриации денежных средств по причинам, указанным Центральным Банком РФ в приложении 3 к Инструкции Банка России от 16.08.2017 № 181-И (как было упомянуто, данный срок определяется резидентом самостоятельно на основании условий договора, однако ожидаемый срок репатриации иностранной валюты и валюты Российской Федерации не может превышать дату завершения исполнения обязательств по договору).

В результате резидент поставлен в ситуацию, когда объем публично-правовой обязанности зачислить денежные средства по договору за неполученные товары или услуги не коррелирует объему его прав как кредитора. При этом невыполнение обязанности расценивается как достаточное основание для привлечения к уголовной ответственности.

Обратимся к положениям ст. 47 Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров²²³, согласно которым Покупатель может установить дополнительный срок разумной продолжительности для исполнения продавцом своих обязательств. Последствием установления такого срока является запрет покупателю в течение этого срока прибегать к каким-либо средствам

---

²²² Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов; под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. // СПС «КонсультантПлюс».

²²³ Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вене 11.04.1980). СССР присоединился к Конвенции путем принятия Постановления ВС СССР от 23.05.1990 № 1511-1 «О присоединении Союза Советских Социалистических Республик к Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров».

правовой защиты от нарушения договора, за исключением случаев, когда покупатель получил извещение от продавца о том, что он не осуществит исполнения в течение установленного таким образом срока.

В случае установления данного срока резидент РФ не может нести ответственность за уклонение от репатриации денежных средств на счета в уполномоченных банках, поскольку **не завершено исполнение обязательства по договору.**

С учетом этого и представляется необходимым определить временной промежуток, в течение которого лицу должна быть предоставлена возможность осуществить действия, направленные на зачисление денежных средств.

В законодательстве об административных правонарушениях с 2020 г. предусмотрен пресекательный срок в размере 45 дней, установленный для выполнения обязанности по репатриации, по истечению которого применяется административная ответственность²²⁴.

При этом уголовное законодательство предусматривает наступление уголовной ответственности за уклонение от обязанности по репатриации при обстоятельствах, которые, по мнению законодателя, более общественно опасны: при административной преюдиции, превышении размера суммы невозвращенных денежных средств в сто пятьдесят миллионов рублей, создании группы лиц по предварительному сговору или организованной группы либо же использования заведомо подложного документа, а равно с использованием юридического лица, созданного для совершения одного или нескольких преступлений, связанных с проведением финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом.

Все указанные признаки направлены на установление (доказывание) воли лица на вывоз капитала и на отграничение соответствующей деятельности от действий (бездействия) тех резидентов, кто не вполне

---

²²⁴ Примечание 9 к ст. 15.25 КоАП РФ.

добросовестно – но в отсутствие намерения вывезти капитал – выполняет свои обязательства по соблюдению валютного законодательства.

Таким образом, этот период предлагается определить, исходя из общего срока, установленного Арбитражным процессуальным кодексом РФ для досудебного урегулирования экономических споров – 30 календарных дней (ч. 5 ст. 4 АПК РФ). Именно этот срок установлен законом для обязательного соблюдения досудебного порядка урегулирования спора. Лишь после его истечения со дня направления претензии (требования) спор может быть передан на рассмотрение в арбитражный суд.

Таким образом, момент окончания уклонения от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации должен определяться как истечение 30 календарных дней с момента завершения обязательства по внешнеторговому договору.

Законодатель не включил в состав предусмотренного ст. 193 УК РФ преступления неисполнение обязанности по возвращению резидентом денежных средств, предоставленных им контрагенту-нерезиденту по договору займа, в то время как валютное законодательство такую обязанность на резидента возлагает²²⁵. Следовательно, исходя из буквального толкования нормы, действия по уклонению от репатриации заемных денежных средств не являются уголовно наказуемыми.

---

²²⁵ В соответствии с п. 3 Указа Президента РФ от 28.02.2022 № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» запрещено с 1 марта 2022 года осуществление валютных операций, связанных с предоставлением резидентами в пользу нерезидентов **иностранной валюты** по договорам займа. При этом специальная Правительственная комиссия выдачу займов разрешила, ограничив их лишь запретом предоставлять **займы в иностранной валюте** нерезидентам, являющимся иностранными лицами, связанными с иностранными государствами, которые совершают в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия (в том числе если такие иностранные лица имеют гражданство этих государств, местом их регистрации, местом преимущественного ведения ими хозяйственной деятельности или местом преимущественного извлечения ими прибыли от деятельности являются эти государства), и иностранным лицам, которые находятся под контролем указанных иностранных лиц, независимо от места их регистрации или места преимущественного ведения ими хозяйственной деятельности. См.: Выписка из протокола заседания подкомиссии Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации от 27.12.2022 № 120/1 (доведена Минфином России 30.12.2022 № 05-06-10/ВН-67865), Выписка из протокола заседания подкомиссии Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации от 20.03.2023 № 148/1 (доведена Минфином России 30.03.2023 № 05-06-10/ВН-14496).

Состав преступления, предусмотренного в ч. 1 ст. 193 УК РФ, содержит криминообразующий размерный признак – совершение деяния в крупном размере. Согласно примечанию к статье данное преступление признается совершенным в крупном размере, если сумма незачисленных или невозвращенных денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации по однократно либо по неоднократно в течение одного года проведенным валютным операциям превышает сто миллионов рублей (размер был существенно увеличен в 2020 г.²²⁶).

Также криминообразующим признаком состава уклонения от репатриации денежных средств в ч. 1 ст. 193 УК РФ является совершение преступления в крупном размере лицом, подвергнутым административному наказанию за деяния, предусмотренные ч. 5² ст. 15.25 КоАП РФ. В то же время обратим внимание на следующее обстоятельство: ч. 2 ст. 193 УК РФ содержит самостоятельный состав, не включающий признак специального субъекта, указанного в ч. 1 ст. 193 УК РФ.

Г.А. Есаков и П.С. Яни полагают, что с учетом ст. 5 УК РФ сложение денежных средств, подлежащих репатриации, возможно только при условии, что все действия охватывались единым умыслом²²⁷. Соответственно, при отсутствии единого умысла отдельные эпизоды в пределах года образуют уголовно наказуемое деяние при условии предшествующего привлечения к административной ответственности и достижения нерепатриированной суммы в каждом эпизоде 100 млн рублей.

Также Г.А. Есаков указывает, что в случае, если преступление продолжается более одного года (т.е. имеют место продолжающиеся эпизоды, выходящие за период одного года и охваченные единым умыслом), содеянное не образует совокупности тождественных преступлений (видимо,

---

²²⁶ Федеральный закон от 01.04.2020 № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 28¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

²²⁷ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Р.О. Долотов и др.; под ред. Г.А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2021. // СПС «КонсультантПлюс», Яни П.С. Изменения уголовно-экономического законодательства // Законность. 2014. № 2. // СПС «КонсультантПлюс».

автором применяется подход, аналогичный тому, что использован Пленумом Верховного Суда РФ в разъяснения о квалификации налоговых преступлений²²⁸); и наоборот, при достижении суммой нерепатрированных денежных средств крупного размера до истечения года ожидать такого истечения для квалификации преступления как оконченного нет необходимости. Из суммы крупного размера подлежат исключению суммы, ставшие основанием для предшествующего привлечения лица к административной ответственности по ч. 5² ст. 15.25 КоАП РФ. Данный подход нами разделяется, поскольку учитывает специфику охраняемых правоотношений и не противоречит позиции Верховного Суда РФ, выраженной в упомянутом постановлении Пленума о судебной практике по делам о налоговых преступлениях.

Представляется, что Г.А. Есаков прав и в определении годичного периода, который, по его мнению, должен охватывать период времени, начиная с первого срока, установленного для репатриации и заканчивая последним сроком в пределах 12 календарных месяцев подряд.

А.Н. Лясколо отмечает особенность исчисления годичного периода при квалификации деяния по ч. 2 ст. 193 УК РФ, указывая, что в случае, когда к моменту истечения годичного срока, предусмотренного КоАП РФ, крупный размер не образовался, лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 193 УК РФ. Однако при достижении особо крупного размера годичный срок исчисляется с момента наступления первого срока исполнения обязательства по внешнеэкономическому договору²²⁹.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 193 УК, заключается в уклонении от исполнения обязанностей по

---

²²⁸ Пункт 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления»: «крупный (особо крупный) размер неуплаченных налогов, сборов, страховых взносов исчисляется за период в пределах трех финансовых лет подряд и в тех случаях, когда сроки их уплаты выходят за пределы данного трехлетнего периода и они истекли».

²²⁹ Лясколо А.Н. Финансовые преступления в российском уголовном праве. Проблемы квалификации: монография. – Москва: Проспект. 2022. С. 248.

репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ, совершенном в крупном размере и при наличии хотя бы одного из указанных в ч. 2 обстоятельств:

- в особо крупном размере;
- группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
- с использованием заведомо подложного документа;
- с использованием юридического лица, созданного для совершения одного или нескольких преступлений, связанных с проведением финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом.

Здесь усматривается упущение юридико-технического характера: дважды в ч. 2 ст. 193 закреплен размерный признак – в самой диспозиции (в крупном размере) и в п. «а» ч. 2 ст. 193 – «в особо крупном размере». Этот недостаток следует устранить выделением в части 3 статьи квалифицированного состава уклонения от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ, совершенного в особо крупном размере.

Сложности порождает вменение квалифицированного состава уклонения от репатриации денежных средств, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 193 УК РФ – уклонение от репатриации денежных средств таким способом, как «использование заведомо подложного документа». Квалификация по этому признаку требует решения вопроса о разграничении обсуждаемого деяния с составом преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ.

Критерием разграничения служит **момент представления подложного документа**. Так, уклонение от репатриации денежных средств подразумевает наличие реальных внешнеэкономических отношений и реальное же перемещение денежных средств (товаров, услуг, информации, прав на результаты интеллектуальной деятельности) от резидента Российской

Федерации нерезиденту. В этом случае подложный документ изготавливается для целей невозвращения денежных средств и, как правило, представляет собой документ, подтверждающий исполнение (прекращение, замену сторон или сумму) обязательства.

При совершении же деяния, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, подложный документ представляется Банку в качестве основания валютной операции (как правило, это договор с контрагентом, с которым отсутствуют реальные экономические взаимоотношения, или в котором предмет договора искажен). Именно благодаря подложному документу агент валютного контроля (и, соответственно, налоговые органы и государство в целом) вводится в заблуждение относительно характеристик валютной операции, чем и нарушается объект преступления.

Для вменения квалифицированного состава уклонения от репатриации денежных средств, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 193 УК РФ (то есть совершенного с использованием юридического лица, созданного для совершения одного или нескольких преступлений, связанных с проведением финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом), необходимо установить, что юридическое лицо, являющееся одной из сторон сделки, самостоятельной хозяйственной деятельности не ведет.

Как правило, юридическое лицо создается исключительно для создания фиктивных внешнеэкономических договоров и спецификаций, а также иной документации, подтверждающей совершение внешнеэкономических сделок.

Такое юридическое лицо может быть как российским резидентом, так и резидентом иностранного государства. Например, согласно приговору Ленинского районного суда г. Севастополя подсудимый при заключении внешнеторгового контракта со спецификацией в качестве стороны «Покупатель» умышленно использовал заведомо созданное для совершения преступлений, связанных с проведением финансовых операций и других

сделок с денежными средствами и иным имуществом, оффшорное иностранное юридическое лицо²³⁰.

В случае если юридическое лицо создается и регистрируется посредством использования подставных лиц, данные действия должны влечь вменение анализируемого состава по совокупности с составом преступления, предусмотренным ст. 173¹ УК РФ (образование юридического лица через подставных лиц, а также представление в орган, осуществляющий, государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекшее внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах).

В условиях постоянно меняющейся международной политической и неразрывно связанной с ней экономической ситуации, в которой российские резиденты поставлены в зависимое от иностранных контрагентов или регуляторов положение, государство стремится снизить риски привлечения граждан к ответственности в ситуациях нарушения положений валютного законодательства по вине лиц, воспрепятствовавших им выполнить свою обязанность по зачислению денежных средств на счета уполномоченных банков.

Фактически это происходит в «ручном» режиме, когда в законодательство вносятся положения о признании обстоятельств, освобождающих граждан от ответственности с определенным сроком действия.

Подобным образом внесено в КоАП РФ примечание 10 к ст. 15.25, в котором предусмотрено освобождение резидентов от административной ответственности, установленной ч.ч. 1, 4, 4¹, 4³, 5 и 5² указанной статьи, если невыполнение соответствующего требования валютного законодательства обусловлено применением мер ограничительного характера в отношении граждан Российской Федерации или российских юридических лиц со стороны иностранных государств (территорий), государственных

---

²³⁰ Приговор Ленинского районного суда города Севастополя от 30.04.2020 по делу № 1-136/2020.

объединений и (или) союзов и (или) государственных (межгосударственных) учреждений иностранных государств или государственных объединений и (или) союзов, совершающих в отношении Российской Федерации недружественные действия. При этом примечание распространяется на правоотношения, возникшие в период с 23.02.2022 по 31.12.2023²³¹.

Полагаем необходимым распространить указанный подход на уголовные правоотношения, однако обоснованием применения данного подхода видится принцип вины в уголовном праве, раскрытый выше – исходя из отсутствия у лица свободы воли на принятие решения при выборе возможного варианта поведения с учетом объективных обстоятельств²³². Ввиду изложенного лицо не подлежит уголовной ответственности за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых не установлена его вина (ч. 1 ст. 5 УК РФ).

2. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ

В объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, входят два действия: 1) представление агенту валютного контроля документов, содержащих заведомо недостоверные сведения об основаниях, целях и назначении перевода²³³, и 2) совершение самой валютной операции по переводу денежных средств на счет нерезидента.

---

²³¹ Часть 3 ст. 2 Федерального закона от 13.07.2022 № 235-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

²³² См. Хилота В.В. Вина в уголовном праве: поиск новой концепции // Юрист-Правоведь. 2021. № 4. С. 93-99.

²³³ Порядок представления документов установлен Инструкцией Банка России от 16.08.2017 № 181-И «О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации при осуществлении валютных операций, о единых формах учета и отчетности по валютным операциям, порядке и сроках их представления» (далее – «Инструкция Банка России № 181-И»). В силу ст. 23 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле», а также п. 2.5 Инструкции Банка России от 16.08.2017 № 181-И агенты валютного контроля осуществляют проверку документов до списания денежных средств, удостоверяя их на основании представленных заявителем документов.

Буквальное толкование ст. 193¹ УК РФ указывает на необходимость установления признаков совершения не любой валютной операции, а лишь той, что описана в законе как операция по переводу в понимании пп. «д»- «и» п. 9 ст. 1 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле».

Перечень охватываемых валютных операций является закрытым и включает в себя:

– перевод иностранной валюты, валюты Российской Федерации, внутренних и внешних ценных бумаг со счета, открытого за пределами территории Российской Федерации, на счет того же лица, открытый на территории Российской Федерации, и со счета, открытого на территории Российской Федерации, на счет того же лица, открытый за пределами территории Российской Федерации (пп. «д»);

– перевод нерезидентом валюты Российской Федерации, внутренних и внешних ценных бумаг со счета (с раздела счета), открытого на территории Российской Федерации, на счет (раздел счета) того же лица, открытый на территории Российской Федерации (пп. «е»);

– перевод валюты Российской Федерации со счета резидента, открытого за пределами территории Российской Федерации, на счет другого резидента, открытый на территории Российской Федерации, и со счета резидента, открытого на территории Российской Федерации, на счет другого резидента, открытый за пределами территории Российской Федерации (пп. «ж»);

– перевод валюты Российской Федерации со счета резидента, открытого за пределами территории Российской Федерации, на счет другого резидента, открытый за пределами территории Российской Федерации (пп. «з»);

– перевод валюты Российской Федерации со счета резидента, открытого за пределами территории Российской Федерации, на счет того же резидента, открытый за пределами территории Российской Федерации (пп. «и»).

При этом ни одна из данных операций не является операцией, в ходе которой денежные средства перечисляются со счета резидента на счет нерезидента, что представляется очередным недостатком уголовного закона.

Действия, описанные в диспозиции статьи, состоят в приобретении резидентом у нерезидента либо нерезидентом у резидента и отчуждении резидентом в пользу нерезидента либо нерезидентом в пользу резидента валютных ценностей, валюты Российской Федерации и внутренних ценных бумаг на законных основаниях, а также в использовании валютных ценностей, валюты Российской Федерации и внутренних ценных бумаг в качестве средства платежа (п. «б» ч. 9 ст. 1 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»). Именно при осуществлении этих валютных операций может совершаться **фактический** перевод денежных средств от резидента нерезиденту.

Поэтому высшему судебному органу стоило бы разъяснить, что «для целей статьи 193¹ УК РФ под валютной операцией по переводу денежных средств могут пониматься любые валютные операции, указанные в п. 9 ст. 1 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» и осуществляемые посредством перевода денежных средств с представлением соответствующих документов агенту валютного контроля».

Подобный подход базируется на позиции Верховного Суда РФ, сформулировавшего отличное от законодательного определение сделок для целей применения статей 174 и 174¹ УК РФ²³⁴.

Особенностью валютных операций, подлежащих учету при квалификации по ст. 193¹ УК РФ, является осуществление валютного контроля специальными организациями – агентами, которые вправе отказать

---

²³⁴ См. п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 Пленума Верховного Суда РФ о легализации преступных доходов «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем». См. об этом: Филатова М.А. Разрешение Пленумом Верховного Суда спорных вопросов понимания легализации преступных доходов // Уголовное право. 2016. № 3. С. 86-93.

в списании денежных средств заявителя и тем самым воспрепятствовать осуществлению валютной операции.

Агентами валютного контроля являются уполномоченные банки и не являющиеся уполномоченными банками профессиональные участники рынка ценных бумаг, а также государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ» (ч. 3 ст. 22 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»).

В их полномочия входит:

1) проведение проверки соблюдения резидентами и нерезидентами актов валютного законодательства Российской Федерации и актов органов валютного регулирования;

2) проведение проверки полноты и достоверности учета и отчетности по валютным операциям резидентов и нерезидентов;

3) запрашивание и получение документов и информации, которые связаны с проведением валютных операций, открытием и ведением счетов. Обязательный срок для представления документов по запросам органов и агентов валютного контроля не может составлять менее семи рабочих дней со дня подачи запроса (п. 1 ст. 23 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»).

Обязанность представлять органам и агентам валютного контроля документы и информацию резидентов (и нерезидентов), осуществляющих в Российской Федерации валютные операции, возлагается на них в случаях, предусмотренных законом о валютном регулировании (п. 1 ч. 2 ст. 24 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»). Письмо Банка России от 27.10.2004 № 09-15-2-10/83630 конкретизирует, что данная информация – это документы и информация, предусмотренные ст. 23 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле».

Частью 3 статьи 23 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» определено, что порядок представления резидентами и нерезидентами подтверждающих документов и информации при

осуществлении валютных операций для представления агентам валютного контроля устанавливается Центральным банком Российской Федерации. Соответственно, для установления процедуры представления организацией документов валютному агенту, необходимо обращение к специальному документу, утвержденному Центральным Банком РФ. Подобный порядок в настоящее время установлен Инструкцией Банка России от 16.08.2017 № 181-И «О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации при осуществлении валютных операций, о единых формах учета и отчетности по валютным операциям, порядке и сроках их представления» (далее – Инструкция ЦБ РФ № 181-И), при этом его положения на кредитные организации не распространяются²³⁵.

Таким образом, в случае, когда отвечающая понятию вывода капитала валютная операция по перечислению за границу иностранной валюты совершается банком (например, под видом приобретения у банка-нерезидента иностранной валюты), такие действия не могут составлять объективную сторону анализируемого преступления, поскольку банк как субъект валютной операции освобожден от предоставления документов какому-либо агенту валютного контроля. В то же время законодатель предусмотрел, что в случае отсутствия специального порядка проведения валютной операции, она проводится без ограничений (абз. 2 ч. 2 ст. 5 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»)²³⁶.

Исходя же из того, что согласно ч. 6 ст. 4 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле», все неустраняемые

---

²³⁵ Пункт 1.5 Инструкцией Банка России от 16.08.2017 № 181-И: Настоящая Инструкция распространяется на резидентов, являющихся юридическими лицами (за исключением кредитных организаций и государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»), физическими лицами, являющимися индивидуальными предпринимателями или лицами, занимающимися в установленном законодательством Российской Федерации порядке частной практикой (далее при совместном упоминании - резиденты).

²³⁶ Абзац 2 ч. 2 ст. 5 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»: Если порядок осуществления валютных операций, порядок использования счетов (включая установление требования об использовании специального счета) не установлены органами валютного регулирования в соответствии с настоящим Федеральным законом, валютные операции осуществляются, счета открываются и операции по счетам проводятся без ограничений.

сомнения, противоречия и неясности актов валютного законодательства Российской Федерации, актов органов валютного регулирования и актов органов валютного контроля толкуются в пользу резидентов и нерезидентов, при отсутствии обязанности представления агенту валютного контроля документов, необходимых для осуществления валютной операции, отсутствуют и признаки объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ. Поскольку у кредитной организации такая обязанность отсутствует, все обстоятельства в совокупности составляют пробел, которым может воспользоваться большой круг лиц, занимающихся профессиональной деятельностью в банковской сфере.

Особо отметим, что валютные операции при совершении сделок между уполномоченными банками от своего имени и за свой счет, осуществляются в порядке, установленном Центральным банком Российской Федерации (ч. 2 ст. 9 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»). Этот порядок установлен Указанием Банка России от 28.04.2004 № 1425-У «О порядке осуществления валютных операций по сделкам между уполномоченными банками» (далее – Указание ЦБ РФ № 1425-У). Данные операции являются валютными операциями между резидентами (на что указывает само название ст. 9 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле») и не могут обладать признаками объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ.

Поскольку непосредственное списание денежных средств производится уполномоченным банком по поручению владельца счета, сотрудники уполномоченного банка должны быть введены в заблуждение как относительно реальности сделки – основания валютной операции в целом, так и относительно ее отдельных условий. При этом под реальной сделкой мы понимаем наличие фактических договорных отношений с контрагентом-нерезидентом, подразумевающих взаимное предоставление

товаров или услуг, а также соответствие реальной цели перевода той, что указана в специальном документе – распоряжении²³⁷.

К концепции «введения в заблуждение агента валютного контроля» мы приходим путем анализа как состава преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ²³⁸, так и логики правоприменителя. Так, в приговоре Курганского городского суда Курганской области суд указал на введение в заблуждение сотрудников Банка, «воспринявших представленный им договор как подлинный»²³⁹. Как мы видим, суд определяет способ совершения преступления как «введение в заблуждение сотрудников организации – агента валютного контроля».

Достаточно спорной представляется позиция О.В. Пантюшова, который на основе буквального толкования ст. 193¹ УК РФ делает вывод о том, что недостоверные сведения об основаниях, целях и назначении платежа должны присутствовать одновременно²⁴⁰.

Во-первых, предусмотренная форма распоряжения о переводе денежных средств предусматривает только такой специальный реквизит, как «назначение платежа»²⁴¹. Поэтому нельзя требовать от судьи устанавливать наличие признаков, которые не являются реквизитами документа и не определяются каким-либо нормативными правовыми актами.

Во-вторых, в статье 193¹ УК РФ указывается не на конкретные формализованные сведения (в силу того, что формы финансовых документов различны и часто подвергаются изменениям), а на их содержание. Так, категорией «основание платежа» может охватываться как указание на

---

²³⁷ Пункт 1.9 Положения Банка России от 29.06.2021 № 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств».

²³⁸ См.: Кубанцева О.О. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК // Уголовное право. 2019. № 6. С. 51-57.

²³⁹ Приговор Курганского городского суда Курганской области от 13.07.2020 № 1-990/2020: 8 июня 2017 г. в 20 часов 55 минут на основании представленного Договора сотрудники банка, неосведомленные о преступном умысле Новикова и «Х», воспринимая представленный Договор как подлинный, то есть введенные в заблуждение, приняли данный документ к исполнению и оформили платежное поручение № 29 от 8 июня 2017 г., согласно которому в этот же день - 8 июня 2017 г. совершена незаконная валютная операция по переводу денежных средств.

²⁴⁰ Пантюшов О.В. Валютный состав преступления по ст. 193.1 УК РФ // Право и экономика. 2021. № 4. С. 75-78.

²⁴¹ Приложение 12 «Перечень и описание реквизитов платежного распоряжения» к Положению Банка России от 29 июня 2021 года № 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств».

конкретное взаимоотношение (договор/контракт), так и на цель (например, «на личные расходы»). Судебная практика в связи с этим правомерно избегает оценки достоверности всех сведений, указанных в реквизитах документов и представленных для проведения операции, и обобщает вывод в приговоре (так называемой формуле обвинения), устанавливая подложность операции, исходя из ее сущности. Примером такого решения является приговор Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербурга²⁴², в котором суд мотивировал свое решение, указав, что заведомо недостоверные сведения в представленном банку инвойсе определяются поддельностью договора поставки (покупатель данный контракт фактически не заключал).

Таким образом, совокупность действий лица по предоставлению агенту валютного контроля недостоверных сведений и следующее за ним списание банком денежных средств со счета²⁴³ составляют объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ.

Момент окончания преступления определяется следующим образом.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, состоит из нескольких действий и начинается выполняться с момента представления документов с заведомо недостоверными сведениями агенту валютного контроля (по общему правилу). Моментом окончания преступления является момент, когда денежные средства выбывают из-под контроля государства, то есть момент зачисления их на счет в иностранном банке²⁴⁴.

Такой подход к квалификации обусловливается тем, что формулировка диспозиции ст. 193¹ УК РФ позволяет привлекать к уголовной ответственности за валютные операции, при совершении которых органы

---

²⁴² Приговор Красногвардейского районного суда города Санкт-Петербурга от 12.09.2019 по делу № 1-754/2019; схожие доводы содержатся в приговоре Пятигорского городского суда Ставропольского края от 18.12.2014 по делу № 1-773/2014.

²⁴³ В данном случае списание банком денежных средств со счета относится к объективной стороне, поскольку виновный выполняет объективную сторону путем посредственного причинения (ч. 2 ст. 33 УК РФ).

²⁴⁴ См. об этом: Кубанцева О.О. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК // Уголовное право. 2019. № 6. С. 51-57.

(агенты) валютного контроля вводятся в заблуждение не относительно возврата или невозврата встречного предоставления по ним, а в отношении назначения (оснований или цели) совершения валютной операции²⁴⁵. Исходя из этого мы и приходим к выводу о том, что объектом данного преступления являются общественные отношения, складывающиеся в сфере денежно-кредитной (валютной) политики Российской Федерации по поводу соблюдения правил осуществления валютного контроля при осуществлении валютных операций по переводу денежных средств на счета нерезидентов (см. об этом подробнее § 2 главы 2).

Правила осуществления валютного контроля нарушаются в момент выполнения совокупности описанных действий, а следовательно, вред объекту причиняется только в момент предоставления недостоверных сведений об операции валютному агенту, притом что объективная сторона преступления уже начала выполняться²⁴⁶.

Исходя из изложенного представляется, что выполнение объективной стороны деяния, состоящей из нескольких действий - элементов, по общему правилу будет начинаться с момента представления документов с заведомо недостоверными сведениями агенту валютного контроля. Момент же окончания зависит от способа совершения валютной операции.

Так, подразумевая, что при осуществлении перевода безналичных денежных средств банком денежные средства на протяжении трех дней остаются в пределах его контроля (в соответствии с положением Федерального закона «О национальной платежной системе»²⁴⁷), а после приобретают правовой статус, находящийся в зависимости от

---

²⁴⁵ Кубанцева О.О. Указ. соч.

²⁴⁶ Еще Н.Д. Дурманов писал о том, что покушение характеризуется наличием посягательства на объект, а совершение первых действий, направленных на результат, следует назвать покушением. См. Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. Государственное издательство юридической литературы. М. 1955. С. 110-111.

²⁴⁷ В соответствии с ч. 5 ст. 5 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» перевод денежных средств, за исключением перевода электронных денежных средств, осуществляется в срок не более трех рабочих дней начиная со дня списания денежных средств с банковского счета плательщика или со дня представления плательщиком наличных денежных средств в целях перевода денежных средств без открытия банковского счета.

международных участников банковской деятельности, нельзя говорить о том, что объекту преступления наносится ущерб до того момента, пока они не оказываются зачислены на счет в банке иностранного государства.

Нам представляются неприменимыми при квалификации валютных преступлений разъяснения высшего судебного органа относительно момента окончания хищения безналичных денежных средств²⁴⁸ в связи со следующим.

Действительно, в настоящее время отмечается тенденция отхода от сложившегося в советское время подхода определения сущности хищения. Если раньше его общественная опасность заключалась в обогащении виновного²⁴⁹, то в сейчас явно прослеживается перенос акцента на факт причинения имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества²⁵⁰. Таким образом, на первый план вышли интересы потерпевшего. Поэтому представляется верной позиция А.В. Архипова об оправданности данного подхода в связи с тем, что для потерпевшего чаще всего не имеет значения, получил виновный возможность пользоваться похищенными у него безналичными денежными средствами или нет, а важно лишь то, что данные средства были у него изъяты²⁵¹.

Также, если говорить о праве собственности потерпевшего как об объекте хищения, становится ясным, что ему причиняется вред именно с момента, когда денежные средства перечисляются со счета владельца. Указанное укладывается в логику высшего судебного органа и понимание общественной опасности хищений.

---

²⁴⁸ В соответствии с п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», если предметом преступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, то по смыслу положений пункта 1 примечаний к статье 158 УК РФ и статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества. Такое преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб.

²⁴⁹ См.: Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974. С. 65.

²⁵⁰ См.: Архипов А.В. Момент окончания хищения // Уголовное право. 2018. № 4. С. 20-24.

²⁵¹ Там же.

Однако если объектом преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, являются общественные отношения, складывающиеся в сфере денежно-кредитной (валютной) политики Российской Федерации по поводу соблюдения правил осуществления валютного контроля при осуществлении валютных операций, то очевидно, что они претерпевают вред в момент, когда денежные средства выбывают из-под контроля государства, то есть в момент их перечисления иностранному субъекту.

Необходимо учитывать также и то, что подавляющее число российских банков для денежных переводов по поручению клиентов в иностранные банковские организации используют международную систему передачи зашифрованных сообщений SWIFT²⁵². Система SWIFT является сервисом обмена сообщениями о финансовых операциях, с помощью которого банки (включая Центральные банки), инвестиционные учреждения и компании обмениваются защищенными сообщениями о платежах, торгах или же ценных бумагах. Расчеты при этом осуществляются между кредитными организациями в рамках корреспондентских отношений. SWIFT является наиболее используемой системой передачи сообщений в мире, к ней подключены абсолютное большинство банков, что и позволяет производить переводы в максимально сжатые сроки.

Указанная система не единственная, существуют альтернативные сервисы - такие системы, как китайская система CIPS (Cross-Border Interbank Payment System) или российская Система передачи финансовых сообщений (СПФС)²⁵³.

Система переводов (в частности SWIFT) позволяет произвести отзыв платежа при определенных условиях и по личному заявлению клиента. Если

---

²⁵² SWIFT является объединением участников международного уровня, ведущим в мире поставщиком услуг безопасного обмена сообщениями, содержащими необходимую информацию для перевода денежных средств. Информация взята с электронного ресурса SWIFT. URL: <https://www.swift.com/about-us> (дата обращения - 03.09.2019).

²⁵³ Подключение кредитных организаций и их клиентов — юридических лиц к СПФС происходит по мере их технической готовности и установления договорных отношений с Банком России. Процедурные аспекты определены отдельным нормативным актом Банка России. URL: https://cbr.ru/PSystem/fin_msg_transfer_system/ (дата обращения - 27.02.2023).

по каким-то причинам клиент хочет отозвать отправленный перевод до момента получения его получателем, то система это допускает (для этого достаточно отправить определенное сообщение об отмене операции), однако отзыв уже поступивших на счет в иностранной банковской организации средств невозможен. Таким образом, из-под полного контроля банка и отправителя денежные средства выбывают в момент зачисления их на счет в иностранном банке. Именно этот момент является фактическим и юридическим окончанием преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ.

Такой же логики придерживаются и правоприменители при вынесении решений по ст. 193¹ УК РФ, признавая преступление оконченным с момента зачисления денежных средств на счета нерезидентов²⁵⁴.

Правоприменители сталкиваются с проблемой квалификации по исследуемой норме при оценке действий по лжеимпорту, при котором деньги перечисляются за границу, однако товары или услуги, ввезенные или оказанные на территории России, существенно дешевле заявленной по договору цены²⁵⁵.

П.С. Яни указывает, что вне дачи оценки достаточности самого по себе факта превышения указанной в контракте стоимости над рыночной ценой товара для признания факта вывоза капитала установленным, факт документального обмана кредитной организации, включая несоответствие (завышение) цены, указанной в договоре с нерезидентом, фактической стоимости ввозимого товара, по сути, презюмирует для судов оценку перевода средств как вывоза валютных активов²⁵⁶.

Некоторые ученые, в частности Н.А. Лопашенко, выражают обеспокоенность тем, что правоохранительные органы руководствуются при квалификации собственной оценкой стоимости указанных в договоре

---

²⁵⁴ См., например, приговор Центрального районного суда г. Новосибирска от 06.02.2017 по делу № 1-22/2017 (1-283/2016).

²⁵⁵ См. Трубникова И. Анализ нормативно-правовой базы «Дела Рольф» // Административное право. 2019. № 3. С. 87-91; Яни П.С. Вопросы квалификации вывоза капиталов // Законность. 2019. № 1. С. 40-44.

²⁵⁶ Яни П.С. Вопросы квалификации вывоза капиталов.

товаров, работ, услуг в противовес положениям Конституции РФ о свободе экономической деятельности²⁵⁷.

Однако деятельность правоохранительных органов, нацелена на предотвращение вывоза капитала, в том числе и путем заключения притворных сделок с нерыночными условиями. О свободе экономической деятельности и ее границах высший судебный орган в практикообразующем решении по экономическим спорам высказался так: «Товарно-денежные отношения, регулируемые гражданским правом, основываются, как правило, на равноценности обмениваемых благ, поэтому определяющими признаками этих отношений являются возмездность и эквивалентность встречного предоставления, тем более, если речь идет о предпринимательских правоотношениях. Нарушение принципов возмездности и эквивалентности при совершении большинства сделок дестабилизирует гражданский оборот»²⁵⁸.

Соответственно, в обоснование рыночности цены могут быть представлены такие обстоятельства соблюдения принципов возмездности и эквивалентности сделки, как, например, сведения о структуре сделки и мотивах ее участников, заключение оценщика, сведения о контрагенте обвиняемого лица, свидетельствующие об общности экономической деятельности и выгодоприобретения и так далее.

Давая оценку перечислению денежных средств за границу со встречным ввозом товаров (услуг) на сумму, эквивалентную перечисленной, но с введением уполномоченных органов в заблуждение относительно свойств или номенклатуры товара (услуг), полагаем, что подобные действия при наличии к тому и иных оснований должны квалифицироваться как уклонение от уплаты таможенных платежей. Однако в указанном случае умысел лица заведомо не направлен на нарушение охраняемого ст. 193¹ УК

---

²⁵⁷ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ): монография. В 2 ч. Ч. 1. С. 425.

²⁵⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2020 № 306-ЭС20-14567 по делу № А55-370/2019.

РФ объекта в виде общественных отношений, складывающихся в сфере денежно-кредитной (валютной) политики Российской Федерации по поводу соблюдения правил осуществления валютного контроля при осуществлении валютных операций по переводу денежных средств на счета нерезидентов. Он направлен на непоступление денежных средств в виде таможенных платежей в бюджет Российской Федерации.

Поэтому есть основания поддержать позицию тех судов, которые расценивают отсутствие умысла на вывод денежных средств с внутреннего валютного рынка как признак, достаточный для вывода об отсутствии состава преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ.

Так, группа лиц, в которую входили руководители нескольких хозяйствующих субъектов в форме ООО и их сотрудники, заключили договор поставки комплектующих буровой установки из Румынии для последующей сборки бурового оборудования на территории Российской Федерации. Ими были заключены внешнеэкономические контракты для последующего уменьшения стоимости товара и изменения кода ТН ВЭД ТС, влияющего на расчет подлежащих уплате таможенных платежей. Также были оформлены документы, содержащие недостоверные сведения о стоимости и описании товара, в соответствии с которыми были рассчитаны подлежащие уплате таможенные платежи. Суд установил, что при осознании лицами того, что ввозится именно буровая установка (а не комплектующие, указанные в качестве предмета договора поставки), умысел был направлен на уклонение от уплаты таможенных платежей.

Анализ доказательств позволил суду первой инстанции сделать вывод о том, что поставляемый товар реально существовал, был приобретен у компании «Авентин Технолоджи ЛТД», ввезен на территорию Российской Федерации, прошел процедуру таможенного оформления, оплата за него осуществлена.

При этом отмечено отсутствие доказательств того, что реальной целью и назначением денежных переводов на счет компании-нерезидента был

именно незаконный вывод денежных средств с внутреннего валютного рынка Российской Федерации. Исходя из изложенного, подсудимые оправданы по п.п. «а, б» ч. 3 ст. 193¹ УК РФ и привлечены к уголовной ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей²⁵⁹.

Вместе с тем в иных судебных решениях суды отмечают, что факт встречного (от нерезидента) непоступления товара или неоказания услуги выходит за пределы предмета доказывания по уголовному делу по ст. 193¹ УК РФ. Так, лицо осуждено по п. «а» ч. 2 ст. 193¹ УК РФ за действия по переводу денежных средств с валютных счетов нерезидентов РФ (на территории РФ) на счета нерезидентов РФ, открытых в кредитных учреждениях, расположенных на территории иностранных государств, с указанием платежей «на текущие расходы». Фактической же целью данных переводов являлось приобретение на них товаров для индивидуальных предпринимателей, осуществляющих свою деятельность на территории РФ, у контрагентов, находящихся за пределами РФ²⁶⁰.

Поскольку, как указывалось ранее, исходя из диспозиции нормы уголовного закона, криминализировано само по себе осуществление трансграничного перевода с сопутствующим обманом агента валютного контроля относительно назначения (оснований или цели) совершения валютной операции, разрешение этого вопроса лежит в сфере законотворчества. Для того, чтобы правоприменением уголовно-правовыми мерами обеспечивалось эффективное противодействие незаконному вывозу капитала за границу (на что согласно пояснительной записке о криминализации в комментируемой статье уголовного закона соответствующего деяния²⁶¹), в текст уголовного запрета необходимо внести

---

²⁵⁹ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 29.10.2019 по делу № 22-7456/2019.

²⁶⁰ Приговор Пятигорского городского суда Ставропольского края от 18.12.2014 по делу № 1-773/2014.

²⁶¹ Пояснительная записка к Законопроекту № 196666-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/9B6E53D3-C0AF-4FB7-A4E8-056DEFB11BA9> (дата обращения – 21.05.2023).

изменения в виде включения специального криминообразующего признака – цели вывоза денежных средств из Российской Федерации.

С учетом сказанного, предлагается внести изменения в ч. 1 ст. 193¹ УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на банковские счета одного или нескольких нерезидентов с представлением кредитной организации, обладающей полномочиями агента валютного контроля, документов, связанных с проведением таких операций и содержащих заведомо недостоверные сведения об основаниях, о целях и назначении перевода, в целях вывоза денежных средств из Российской Федерации».

3. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 200¹ УК РФ

Объективная сторона контрабанды денежных средств, исходя из диспозиции ст. 200¹ УК РФ, заключается в незаконном перемещении через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕАЭС наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, совершенном в крупном размере.

Высшая судебная инстанция²⁶² разъясняет, что в объективную сторону контрабанды (в том числе и денежных средств) входит такой обязательный признак, как способ его совершения, а именно

- 1) вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах,
- 2) с сокрытием от таможенного контроля,
- 3) с недостоверным декларированием или недеklarированием товаров,
- 4) с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах или иных предметах,

---

²⁶² Пункт 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» (далее - Постановление Пленума Верховного Суда о контрабанде).

5) с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам или иным предметам средств идентификации.

Ввиду того, что норма об ответственности за контрабанду имеет повышенный бланкетный характер, ее применение предполагает обращение к значительному массиву нормативных актов, регулирующих перемещение товаров и иных предметов через таможенную границу²⁶³.

В соответствии со ст. 10 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – «Таможенный кодекс») перемещение товаров осуществляется в местах перемещения товаров через таможенную границу Союза (за исключением случаев, когда перемещение товаров через таможенную границу Союза может осуществляться в иных местах) и во время работы таможенных органов, находящихся в этих местах (п. 1 ст. 10 Таможенного кодекса). Местами перемещения товаров через таможенную границу Союза являются пункты пропуска через государственные границы государств-членов либо иные места, определенные в соответствии с законодательством государств-членов (п. 2 ст. 10 Таможенного кодекса).

Пунктом пропуска через государственную границу в пределах аэропорта в Российской Федерации является специально выделенный в непосредственной близости от Государственной границы участок местности, где в соответствии с законодательством Российской Федерации осуществляется пропуск через Государственную границу лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных (абз. 3 ст. 9 Закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации»²⁶⁴).

Относительно момента окончания контрабанды позиция высшего суда менялась. В 2017 г. Пленум сказал, что для способов ввоза (вывоза) «вне установленных мест» или «в неустановленное время работы» контрабанда считается оконченным преступлением с момента фактического пересечения

---

²⁶³ Термин «особо повышенный бланкетный характер» использовался Мамедовым А.А. при даче характеристики преступлений в сфере валютных операций. См. Мамедов А.А. Специфические особенности квалификации преступлений в сфере валютных операций: вопросы теории и судебной практики // Российский судья. 2012. № 6. С. 20-27.

²⁶⁴ Закон РФ от 01.04.1993 № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации»

товарами или иными предметами таможенной границы. В тех же случаях, когда при контрабанде применяются иные способы, контрабанда признается оконченной с момента представления таможенному органу таможенной декларации либо иного документа, допускающего ввоз на таможенную территорию Союза или вывоз с этой территории товаров или иных предметов, в целях их незаконного перемещения через таможенную границу²⁶⁵.

В отношении наличных денежных средств Таможенным кодексом²⁶⁶ определено, что таможенному декларированию подлежат наличные денежные средства и (или) дорожные чеки, если общая сумма таких наличных денежных средств и (или) дорожных чеков при их единовременном ввозе на таможенную территорию Союза или единовременном вывозе с таможенной территории Союза превышает сумму, эквивалентную 10 тысячам долларов США по курсу валют, действующему на день подачи таможенному органу пассажирской таможенной декларации (пп. 7 п. 1 ст. 260 Таможенного кодекса).

Указом Президента РФ с 02 марта 2022 г. запрещен вывоз из Российской Федерации наличной иностранной валюты и (или) денежных инструментов в иностранной валюте в сумме, превышающей эквивалент 10 тыс. долларов США и рассчитанной по официальному курсу Центрального банка Российской Федерации, установленному на дату вывоза²⁶⁷. Однако положения данного указа не влияют на применение уголовного закона, исходя из необходимости опираться на формулировки пункта 1 примечаний к ст. 200¹ УК РФ. Это означает, что уголовная ответственность не наступит в случае, если в период действия Указа правоохранительные органы выявят попытку пересечения таможенного контроля с незадекларированными

---

²⁶⁵ Пункт 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ о контрабанде.

²⁶⁶ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза, являющийся приложением к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза, подписан в г. Москве 11.04.2017.

²⁶⁷ Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации».

денежными средствами свыше 10 000 долларов США, но менее суммы, указанной в примечании.

Как уже указывалось, выбор проблем для исследования связан с наиболее острыми потребностями судебной практики, что было установлено в ходе эмпирического анализа обширного массива дел о преступлениях соответствующей категории.

Одна из актуальных проблем квалификации контрабанды наличной иностранной валюты связана с применением виновными наиболее распространенного способа совершения указанного преступления в виде недекларирования денежных средств в ходе прохождения таможенного контроля.

В соответствии со ст. 257 Таможенного кодекса в местах перемещения товаров через таможенную границу Союза может применяться система двойного коридора. Так, «зеленый» коридор является специально обозначенным в местах перемещения товаров (и, соответственно, денежных средств) через таможенную границу Союза местом, предназначенным для перемещения через таможенную границу Союза в сопровождаемом багаже товаров для личного пользования, не подлежащих таможенному декларированию. «Красный» коридор является специально обозначенным местом, предназначенным для перемещения через таможенную границу Союза в сопровождаемом багаже товаров для личного пользования, подлежащих таможенному декларированию, а также товаров, в отношении которых осуществляется таможенное декларирование по желанию физического лица.

Применение системы двойного коридора предусматривает самостоятельный выбор физическим лицом, следующим через таможенную границу Союза, соответствующего коридора («красного» или «зеленого») для совершения (несовершения) таможенных операций, связанных с таможенным декларированием товаров для личного пользования. Таможенный кодекс в той же статье указывает, что пересечение физическим

лицом линии входа в «зеленый» коридор является заявлением физического лица об отсутствии товаров, подлежащих таможенному декларированию.

Таким образом, утверждая, что незаконное перемещение наличных денежных средств через таможенную границу происходит **в момент пересечения лицом линии входа в коридор при прохождении таможенного контроля в случае, когда обустроена такая система коридоров**²⁶⁸, мы тем самым констатируем фикцию (для случаев, когда перемещение происходит при заведомом пересечении лицом мест таможенного контроля с так называемым «обманом» сотрудников таможни, но не для случаев пересечения вне установленных мест или не в установленные часы их работы).

Именно этот момент является моментом окончания контрабанды, и даже в силу того, что с этого момента начинается процедура таможенного контроля, лицо лишается возможности добровольно сдать имеющиеся у него денежные средства и таким образом быть освобожденным от уголовной ответственности в силу примечания 4 к ст. 200¹ УК РФ²⁶⁹.

Подобный подход поддерживается судебной практикой применения анализируемой нормы, подтверждая возможность привлечения к уголовной ответственности даже за пересечение линии коридора и при добровольном сообщении сотруднику о наличии незадекларированных средств до прохождения личного досмотра и досмотра имеющихся вещей²⁷⁰.

Единственным исключением из данного подхода в судебной практике является пересечение линии «зеленого» коридора при условии, что «красный» коридор должным образом не функционирует по причинам, не зависящим от лица (то есть лицо фактически лишено возможности должным образом задекларировать денежные средства, что безусловно

---

²⁶⁸ Перечень таких мест устанавливается приказом ФТС России от 21.11.2018 № 1884 «Об определении перечня мест перемещения товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза, в которых применяется система двойного коридора».

²⁶⁹ См. апелляционное постановление Московского городского суда от 08.07.2020 по делу № 10-10554/2020.

²⁷⁰ Апелляционное постановление Московского городского суда от 14.10.2019 по делу № 10-18977/2019.

свидетельствует об отсутствии у него умысла на совершение контрабанды)²⁷¹.

Некоторыми учеными поддерживается точка зрения о том, что состав контрабанды является усеченным, поскольку момент окончания перенесен на более раннюю стадию, нежели фактическое перемещение товара через границу Евразийского экономического союза²⁷².

Если опираться на термин «усеченный состав преступления», предложенный Н.Д. Дурмановым, понимая под ним состав преступления, в котором момент окончания перенесен на более раннюю стадию, когда виновный еще не закончил действий, выражающихся в посягательстве на объект²⁷³, то несомненно, что при вывозе предметов в подобных условиях состав контрабанды является усеченным.

Европейский суд по правам человека в постановлении от 09.10.2018 по делу «Гирлян (Gyrlyan) против Российской Федерации»²⁷⁴ поднял интересный вопрос об общественной опасности деяния в контексте соразмерности применения конфискации за недекларирование денежных средств в отсутствие их установленного преступного происхождения (притом что податель жалобы был привлечен к административной ответственности по ст. 16.4 КоАП РФ за аналогичные действия, квалифицированные правоохранными органами как административное правонарушение в связи с тем, что заявитель утвердительно ответил на

---

²⁷¹ Определение Санкт-Петербургского городского суда от 07.02.2011 по делу № 1-856/10.

²⁷² См. Крюкова Н.И., Арестова Е.Н. Квалификация и расследование преступлений в сфере таможенного дела. М., 2017. С. 90; Российское уголовное право. Общая и Особенная части / Под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2014. Т. 2: Особенная часть. С. 432.; Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М., 2015. С. 497.

²⁷³ Дурманов. Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. Государственное издательство юридической литературы. М. 1955. С. 43.

²⁷⁴ Пункт 27 Постановления ЕСПЧ от 09.10.2018 «Дело «Гирлян (Gyrlyan) против Российской Федерации» (жалоба № 35943/15) // СПС «КонсультантПлюс»: «ничто в материалах дела не позволяет предположить, что заявитель подозревался или обвинялся в совершении какого-либо уголовного преступления в связи с рассматриваемым событием или что путем применения к заявителю конфискационной меры власти намеревались предупредить иную незаконную деятельность, например, отмывание денежных средств, торговлю наркотическими веществами, финансирование терроризма или уклонение от уплаты налогов. Денежные средства, которые перевозил заявитель, были получены законно, и вывоз данной суммы из Российской Федерации и из Таможенного союза допускался при условии ее декларирования таможенному органу. Следовательно, единственной формой поведения, которая может подлежать судебному преследованию и которая может быть вменена заявителю, является неподача им таможенному органу соответствующей письменной декларации».

вопрос сотрудника таможенного органа о наличии у него незадекларированных денежных средств)²⁷⁵.

Как указал Европейский суд по правам человека, вред, который заявитель мог причинить государству, был незначителен: он не уклонялся от уплаты таможенных пошлин или иных сборов, а также не причинил иного имущественного ущерба государству. Если бы денежные средства не были обнаружены, то государственные органы Российской Федерации просто не получили бы информацию о том, что они были вывезены из Российской Федерации²⁷⁶.

Свой вывод Европейский суд основывает на двух посылках. Во-первых, Суд указывает, что лицом не было совершено уголовно-наказуемое деяние (хотя приведенное судом обоснование опирается исключительно на оценку следствием субъективной стороны деяния²⁷⁷). Во-вторых, Суд дает оценку общественной опасности недекларирования денежных средств в целом, указывая на незначительность причиненного государству вреда, поскольку государство **не претерпевает никакого имущественного ущерба** (ни в виде недополученных таможенных платежей, ни в виде иного материального вреда).

Таким образом, с точки зрения ЕСПЧ, общественная опасность недекларирования денежных средств (а значит, и контрабанды денежных средств, осуществляемой данным способом) незначительна, что может являться основанием для частичной декриминализации состава контрабанды наличных денежных средств (ст. 200¹ УК РФ).

---

²⁷⁵ Разграничение преступления контрабанды наличных денежных средств (ст. 200¹ УК РФ) и административного правонарушения (ст. 16.4 КоАП РФ) происходит на основании двух обстоятельств – размера недекларируемых денежных средств (для наличия состава преступления необходимо совершение недекларирования денежных средств в крупном размере, а именно сумма незаконно перемещенных наличных денежных средств должна превышать 20 000 долларов США) и наличия специального способа совершения контрабанды (в объективную сторону административного правонарушения, предусмотренного КоАП РФ, входит только один способ - недекларирование либо недостоверное декларирование).

²⁷⁶ Пункт 29 Постановления ЕСПЧ от 09.10.2018 «Дело «Гирлян (Gyrlan) против Российской Федерации».

²⁷⁷ Исходя из описания судом фактических обстоятельств дела в п. 9 Постановления, заявитель настаивал на законном происхождении денежных средств и утверждал, что он ошибочно полагал, что таможенный контроль будет проводиться после проверки безопасности. Впоследствии следователь вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с невозможностью установить, что заявитель умышленно пытался нарушить таможенные правила.

В этой же плоскости лежит вопрос разграничения составов контрабанды наличных денежных средств и уклонения от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК РФ). Как мы видим, именно отсутствием последствий в виде непоступления денежных средств в бюджет государства мотивировал свое решение Европейский суд.

Анализ состава преступления, предусмотренного ст. 194 УК РФ, приводит к тому же выводу, что был сделан ЕСПЧ: поскольку объективную сторону уклонения от уплаты таможенных платежей составляет полная или частичная неуплата таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин вследствие полного или частичного сокрытия объекта платежа²⁷⁸, то такой объект, как денежные средства (даже рассматриваемый с точки зрения товаров для личного пользования, исходя из формулировок ст. 256 Таможенного Кодекса), им не является²⁷⁹.

Следовательно, вопрос разграничения контрабанды наличных денежных средств и уклонения от уплаты таможенных платежей перед правоприменителем не стоит, а позиция ЕСПЧ должным образом обоснована существующим таможенным регулированием и положениями российского уголовного закона.

Важна и проблема определения наличия состава контрабанды при ввозе предметов в Российскую Федерацию в тех случаях, когда предмет контрабанды выявляется таможенными органами при перемещении лица **без прохождения таможенного контроля** (например, если перелет через Российскую Федерацию был транзитный).

---

²⁷⁸ Нудель С.Л. Уголовно-правовая охрана финансовых отношений: дис. ... доктора юридических наук. Москва. 2015. С. 223.

²⁷⁹ Исходя из ст. 51 Таможенного кодекса, объектом обложения таможенными пошлинами, налогами являются товары, перемещаемые через таможенную границу Союза, а также иные товары в случаях, предусмотренных Таможенным Кодексом.

Наличные денежные средства освобождены от уплаты таможенных пошлин, исходя из их включения в Приложение № 1 к Решению Совета Евразийской экономической комиссии от 20.12.2017 № 107 «Стоимостные, весовые и (или) количественные нормы, в пределах которых товары для личного пользования ввозятся на таможенную территорию Евразийского Экономического Союза без уплаты таможенных пошлин, налогов» (при ввозе) и положения п. 4 ст. 266 Таможенного кодекса (при вывозе).

В настоящее время этот вопрос не урегулирован, а практика по делам о контрабанде иных предметов, в частности наркотиков, исходит из наличия состава преступления (да еще и оконченного) при перемещении предметов в момент пересечения воздушным судном территориальной границы государства в воздухе, что представляется неверным²⁸⁰.

Данная позиция правоприменителя основывается на том, что суды в довольной скудной практике подменяют понятия «пересечение границы» и «перемещение через границу».

В соответствии с буквальным толкованием положений Закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации»²⁸¹ режим государственной границы предусматривает два самостоятельных вида «преодоления» государственной границы:

- 1) пересечение Государственной границы лицами и транспортными средствами;
- 2) перемещение через Государственную границу грузов, товаров и животных.

В соответствии со ст. 10 Закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации» перемещение через Государственную границу грузов, товаров и животных производится в местах и в порядке, установленных международными договорами Российской Федерации, законодательством Российской Федерации, решениями Правительства Российской Федерации.

Таковыми местами являются места пропуска, установленные в порядке, предусмотренном ст.ст. 11, 12 Закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации»²⁸². Именно в этой географической точке

---

²⁸⁰ См. приговор Химкинского городского суда Московской области от 10.09.2020 по делу № 1-311/2020, апелляционное определение Московского областного суда от 19.12.2019 по делу № 22-8376/2019.

²⁸¹ Закон РФ от 01.04.1993 № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации».

²⁸² Абзац 1 ст. 11 Закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации»: «пропуск через Государственную границу лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных производится в установленных и открытых в соответствии со статьей 12 настоящего Закона пунктах пропуска через Государственную границу и заключается в признании законности пересечения Государственной границы лицами, транспортными средствами, прибывшими на территорию Российской Федерации (выделено мной -О.К.), перемещения через Государственную границу грузов, товаров, животных на территорию Российской Федерации».

определяется законность пересечения Государственной границы лицами, транспортными средствами, прибывшими на территорию Российской Федерации, а также **перемещения** через Государственную границу грузов, товаров, животных на территорию Российской Федерации.

Более того, в абзаце 5 ст. 11 Закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации» прямо указывается на то, что пропуск лиц, транспортных средств и товаров через Государственную границу предусматривает осуществление пограничного и таможенного контроля²⁸³.

Само по себе содержание терминов «пересечение» и «перемещение» не являются тождественными ни с точки зрения уголовного закона, ни с точки зрения таможенного законодательства.

Системный анализ положений Закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации» позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, пересечение лицом и транспортным средством (в описываемом случае самолетом) воздушной или иной границы требует процедуры признания его законности путем прохождения специальных пунктов пропуска²⁸⁴. Во-вторых, для грузов, товаров и животных также не всякое пересечение Государственной границы является перемещением через нее. Для признания его таковым, товары, грузы и животные аналогично должны быть перемещены через пункты пропуска через Государственную границу Российской Федерации во время работы таможенных органов²⁸⁵.

Таким образом, фактическое пересечение транспортным средством воздушной линии Государственной границы РФ имеет юридическое

Федерации либо в разрешении на пересечение Государственной границы лицами, транспортными средствами, убывающими из пределов Российской Федерации, перемещение через Государственную границу грузов, товаров, животных за пределы Российской Федерации».

²⁸³ Пропуск лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных через Государственную границу включает осуществление пограничного и таможенного контроля, а в случаях, установленных международными договорами Российской Федерации и федеральными законами, и иных видов контроля, которые в соответствии с договорами Российской Федерации с сопредельными государствами могут осуществляться совместно.

²⁸⁴ Абзац 1 ст. 11 Закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации».

²⁸⁵ Статья 10 Закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации», статья 11 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

значение для определения местонахождения транспортного средства (а также людей и грузов на его борту) на территории РФ, но не может определяться как перемещение через нее лиц или товаров.

Указанная позиция поддерживается судебной практикой. В частности, в приговоре Московского областного суда при квалификации ввоза на территорию РФ наркотических средств суд включил в объективную сторону а) прохождение паспортного контроля (что трактовалось судом как пересечение Государственной границы РФ) и б) проход через «зеленый» коридор зоны таможенного контроля, что было расценено как пересечение таможенной границы²⁸⁶.

И в других уголовных делах суды определяют момент пересечения Государственной границы РФ, связывая его с процедурой прохождения паспортного контроля (а не с моментом пересечения воздушной границы самолетом) и считают контрабанду оконченной с этого момента. Данные выводы были впоследствии проверены и подтверждены Верховным Судом РФ²⁸⁷.

Поддержка высшей судебной инстанцией соответствующего наполнения терминов таможенного законодательства, используемых при квалификации контрабанды означает, что действия по перемещению товаров в транзитную зону на территории РФ и из нее (не предусматривающие прохождение паспортного и таможенного контроля) не могут быть расценены как выполнение объективной стороны контрабанды.

Само же по себе нахождение в транзитной зоне (в то время как предметы перемещаются силами сотрудников служб аэропорта, и к этим предметам у лица нет никакого физического доступа) не может расцениваться даже как приготовление к совершению контрабанды²⁸⁸.

---

²⁸⁶ Приговор Московского областного суда от 22.04.2019 № 2-15/2019 (2-59/2018).

²⁸⁷ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.11.2019 № 4-АПУ19-37.

²⁸⁸ Поскольку затруднительна квалификация бездеятельного ожидания лицом посадки на следующий рейс как выполнения действий, указанных в ч. 1 ст. 30 УК РФ.

На уровне объединения стран ЕАЭС в последнее время предприняты шаги по усилению контроля за перемещением капитала. В частности, с 04.02.2020 вступило в силу Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 06.08.2019 № 130 «О представлении документов для подтверждения происхождения наличных денежных средств и (или) денежных инструментов», которое предусматривает представление физическими лицами **одновременно с пассажирской таможенной декларацией документов, подтверждающих происхождение наличных денежных средств и (или) денежных инструментов** при единовременном ввозе на таможенную территорию ЕАЭС или единовременном вывозе с таможенной территории ЕАЭС наличных денежных средств и (или) денежных инструментов в сумме, превышающей 100 тыс. долларов США одним лицом. Указанное решение было принято в соответствии с пп. 9 п. 1 ст. 261 Таможенного кодекса ЕАЭС и направлено на реализацию рекомендации 32 «Курьеры наличных» Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ). Данное решение следует рассматривать как меры по предотвращению неконтролируемых государством денежных потоков, включающие в себя и совершенствование уголовного законодательства, устанавливающего запреты вывоза капитала из страны.

В случае представления декларантом недостоверных сведений о происхождении денежных средств, каким из указанных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ способом следует квалифицировать действия обвиняемого: путем недостоверного декларирования или недекларирования товаров либо же способом «с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах или иных предметах»?

Представляется, что сведения о происхождении денежных средств нужно характеризовать как сведения, влияющие на применение к товарам запретов или ограничений (формально они относятся к информации, подтверждающей сведения, заявленные в пассажирской таможенной

декларации²⁸⁹). На это указывают содержащиеся в абз. 3 п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ о контрабанде разъяснения, поскольку таможенный орган вправе наложить запрет на ввоз/вывоз денежных средств, чье происхождение не подтверждено, а также наличие сведений влияет на решение таможенного органа о выпуске товаров.

Таким образом, исходя из положений п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ о контрабанде, действия по непредъявлению документов для подтверждения происхождения денежных средств в сумме, превышающей 100 тыс. долларов США одним лицом или предоставление недостоверных сведений могут рассматриваться как совершение контрабанды наличных денежных средств путем недостоверного декларирования товаров.

Криминообразующим признаком объективной стороны состава является его совершение в крупном размере.

Согласно пункту 1 примечаний к статье 200¹ УК РФ крупный размер контрабанды образует сумма незаконно перемещенных наличных денежных средств и (или) стоимость незаконно перемещенных денежных инструментов, превышающая двукратный размер суммы наличных денежных средств и (или) стоимости дорожных чеков, разрешенных таможенным законодательством к перемещению без письменного декларирования.

Декларированию подлежат наличные денежные средства и дорожные чеки, если общая сумма таких наличных денежных средств и (или) дорожных чеков при их единовременном ввозе или единовременном вывозе превышает сумму, эквивалентную 10 тысячам долларов США по курсу валют, действующему на день подачи таможенному органу пассажирской таможенной декларации²⁹⁰.

---

²⁸⁹ Пункты 9 п. 1 ст. 261 Таможенного кодекса.

²⁹⁰ Пункты 7 п. 1 ст. 260 Таможенного кодекса.

Для денежных инструментов таможенное законодательство предусматривает обязанность декларировать их полностью, вне зависимости от стоимости ²⁹¹. Соответственно, обсуждаемое примечание требует исчислять размер провозимых инструментов, исходя из суммы, определяемой для наличных денежных средств и дорожных чеков, т.е. также суммы, эквивалентной 10 тысячам долларов США.

Как применять пункт 3 примечаний к ст. 200¹ УК РФ, а именно правило расчета размера суммы незаконно перемещенных денежных средств и денежных инструментов? Данное примечание гласит, что из всей суммы незаконно перемещенных наличных денежных средств и (или) стоимости незаконно перемещенных денежных инструментов подлежит исключению та часть, которая таможенным законодательством разрешена к перемещению без декларирования или была задекларирована.

Однако, во-первых, существует очевидная проблема, на которую указывает Н.А. Лопашенко: данная формулировка не предусматривает особого толкования для денежных инструментов (кроме дорожных чеков) и, следовательно, расчет их стоимости осуществляется без каких-либо вычетов, поскольку таможенное законодательство не определяет сумму, разрешенную к декларированию (хотя для наличных денежных средств такой вычет предусмотрен)²⁹². Представляется, что в этой части примечание должно быть дополнено, а порядок исчисления стоимости перемещаемых предметов – уточнен для целей применения ст. 200¹ УК РФ.

Во-вторых, правоприменители столкнулись с необходимостью выбора правильной формулы расчета при толковании примечания. Союз «или» приводит их к наличию трех вариантов толкования. Проиллюстрируем их.

Представим, что сумма всех провозимых денежных средств составляет 30 000 долларов, из которых 5 000 долларов лицо задекларировало.

---

²⁹¹ Подпункт. 8 п. 1 ст. 260 Таможенного кодекса.;

²⁹² Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ): монография. В 2 ч. Ч. 1. - М.: Юрлитинформ, 2022. С. 438.

1 вариант расчета: из всей суммы перемещаемых денежных средств или денежных инструментов при расчете должна исключаться только сумма, которая разрешена к перемещению без декларирования (ВСЯ СУММА – 10 000\$ = 20 000\$, что не составляет крупного размера);

2 вариант расчета: из всей суммы перемещаемых денежных средств или денежных инструментов при расчете должна исключаться только сумма, которая была лицом задекларирована (ВСЯ СУММА – 5 000\$ = 25 000\$, что составляет крупный размер);

3 вариант расчета: из всей суммы незаконно перемещаемых денежных средств или денежных инструментов при расчете должна исключаться и сумма, которая была лицом задекларирована, и сумма, которая разрешена к перемещению без декларирования (ВСЯ СУММА – 5 000\$ - 10 000\$ = 15 000\$, что не составляет крупного размера).

В период действия Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза²⁹³ Федеральная таможенная служба выработала 4 вариант расчета: если недостоверно задекларированная сумма наличных денежных средств и (или) стоимость дорожных чеков меньше разрешенной Договором, то из всей перемещаемой суммы и (или) стоимости вычитается та часть, которую Договор разрешает ввозить (вывозить) без письменного таможенного декларирования. В случае же, когда недостоверно задекларированная часть больше разрешенной Договором, то вычету подлежит только задекларированная часть, а разрешенная Договором часть не вычитается²⁹⁴.

---

²⁹³ Решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 05.07.2010 № 51 «О Договоре о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза», вместе с Договором о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза принято в г. Астане 05.07.2010. Договор вступил в силу для Российской Федерации с 03.06.2011 и временно применялся с даты вступления в силу Договора о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27.11.2009 (т.е. с 06.07.2010 с учетом временных изъятий, установленных Протоколом от 05.07.2010). Утратил силу с 01.01.2018 в связи с вступлением в силу Договора о Таможенном кодексе ЕАЭС от 11.04.2017.

²⁹⁴ Письмо ФТС России от 18.07.2013 № 01-11/30804 «О направлении информации об изменении статьи 16.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Приведенная проблема привела к подаче жалобы гражданином Республики Азербайджан Вализадой О.Г.о. в Конституционный Суд РФ, однако по существу она рассмотрена не была в связи с тем, что заявитель не исчерпал все возможности судебной защиты²⁹⁵.

Позднее дело заявителя Вализады О.Г.о. было рассмотрено судом кассационной инстанции, и суд принял решение о том, что из общей массы незадекларированной Вализадой О.Г.о. валюты, перемещаемой им через таможенную границу, подлежали исключению 10 000 долларов США, разрешенных таможенным законодательством к перемещению без декларирования (при этом суд не оспорил обоснованность исключения суммы задекларированных денежных средств)²⁹⁶.

Таким образом, судебная практика пришла к выводу о правильности 3 варианта расчетов, согласно которому из всей суммы незаконно перемещаемых денежных средств или денежных инструментов при расчете должна исключаться и сумма, которая была лицом задекларирована, и сумма, которая разрешена к перемещению без декларирования.

В обоснование данной позиции логичный довод приводится Н.А. Лопашенко и А.В. Федоровым, которые утверждают, что понятие «незаконно перемещаемые денежные средства» не может включать в себя задекларированные денежные средства, поскольку они перевозятся на законном основании²⁹⁷. Соответственно, после их исключения из всей суммы перемещаемых денежных средств к оставшейся части (т.е. незаконно перемещаемым) подлежит применению пункт 3 примечаний к ст. 200¹ УК РФ. Представляется, что данная позиция должна быть отражена в уголовном

---

²⁹⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 26.05.2020 № 1104-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Азербайджан Вализады Орхана Гусейн оглы на нарушение его конституционных прав пунктом 3 примечаний к статье 200¹ Уголовного кодекса Российской Федерации».

²⁹⁶ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 08.04.2021 по делу № 77-996/2021.

²⁹⁷ Федоров А.В. Размер контрабанды как квалифицирующий признак состава преступления, предусмотренного статьей 200¹ УК РФ // Российский следователь. 2017. № 20. С. 3-10. // СПС «КонсультантПлюс»; Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ): монография. В 2 ч. Ч. 1. - М.: Юрлитинформ, 2022. С. 442.

законе, для чего соответствующее примечание должно быть сформулировано следующим образом: при расчете размера суммы незаконно перемещенных наличных денежных средств и (или) стоимости незаконно перемещенных денежных инструментов из всей суммы незаконно перемещенных наличных денежных средств и (или) стоимости незаконно перемещенных денежных инструментов подлежат исключению часть денежных средств, которая таможенным законодательством Таможенного союза в рамках ЕАЭС разрешена к перемещению без декларирования, и часть, которая была задекларирована при наличии таковой.

Выводы

1. При определении содержания соответствующего уголовно-правового запрета и, соответственно, объективной стороны предусмотренного ст. 193 УК РФ деяния следует исходить из того, что обязанность по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации включает предусмотренные законодательством меры, которые надлежит принять резиденту для обеспечения возвращения валюты на его банковские счета, тогда как уклонение от исполнения данной обязанности представляет собой юридическое бездействие, которое может быть вменено лицу в качестве признака объективной стороны преступления лишь при установлении срока, до истечения которого соответствующие меры должны быть приняты. Поскольку же срок, в течение которого резидент обязан принять указанные меры (подготовить и заявить судебные иски по месту нахождения нерезидента, провести переговоры в рамках досудебного урегулирования спора и т.п.) законодательством не установлен, преступление предлагается считать оконченным по истечении 30 календарных дней с момента наступления установленного внешнеторговым договором срока исполнения обязательств по репатриации валюты. Данный срок следует, как это предписывается ст. 47 ратифицированной Российской Федерацией Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров,

считать разумным, поскольку он предусмотрен и для разрешения споров сторон в рамках досудебного урегулирования (ч. 5 ст. 4 Арбитражного процессуального Кодекса РФ).

2. Целью содержащегося в ст. 193¹ УК РФ уголовно-правового запрета является противодействие не всяким валютным операциям, а только таким, которые подлежат контролю со стороны уполномоченных банков как агентов валютного контроля, что и предопределило конструкцию предусмотренного названной нормой состава преступления. Ввиду того, что объективная сторона данного деяния состоит из последовательных действий, включающих введение в заблуждение уполномоченных сотрудников названных агентов валютного контроля, состав преступления - за исключением ряда предусмотренных валютным законодательством случаев - начинает выполняться с момента представления документов с заведомо недостоверными сведениями агенту валютного контроля. Тогда как окончанием его следует считать с момента, когда денежные средства, выбыв из-под контроля государства, зачисляются на счет в иностранном банке.

3. Разграничение предусмотренных статьями 193 и 193¹ УК РФ деяний основывается на двух основных критериях, первый из которых: момент возникновения умысла на вывод из России либо невозврат из-за границы валютных средств, - выработанный в уголовно-правовой доктрине, должен быть дополнен вторым критерием, которым служит момент представления подложного документа. В случае уклонения от репатриации денежных средств (ст. 193 УК РФ) подложный документ используется для целей невозвращения валютных средств и, ложно удостоверяя исполнение (прекращение, замену сторон или суммы) обязательства, предоставляется после перечисления денежных средств нерезиденту. Тогда как при совершении деяния, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, подложный документ представляется уполномоченному банку в качестве основания валютной операции и обуславливает факт перевода денежных средств за границу.

4. Если финансовая операция по переводу денежных средств нерезиденту преследует цель легализации преступных доходов, то, поскольку входящие в объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, действия, состоящие в обмане уполномоченного банка, выходят за пределы объективной стороны легализации (действия по предоставлению заведомо недостоверных сведений нельзя отнести ни к сделке, ни к совершению финансовых операций), содеянное по правилам квалификации смежных составов требует вменения совокупности преступлений, предусмотренных как ст. 193¹, так и ст. 174¹ УК РФ.

5. В случае, когда отвечающая понятию вывода капитала валютная операция по перечислению за границу иностранной валюты совершается банком (например, под видом приобретения у банка-нерезидента иностранной валюты), содеянное не образует состава преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, поскольку у банка отсутствует обязанность по представлению агенту валютного контроля документов, необходимых для осуществления валютной операции.

6. Существенным недочетом юридической техники, породившим значительную неопределенность уголовно-правового запрета, по сути, исключаящее применение нормы, является описание в ч. 2 ст. 193 УК РФ предусмотренных ею действий (актов бездействия) как совершенных одновременно как в крупном, так и особо крупном размере. Данный недочет предлагается устранить путем выделения в ч. 3 ст. 193 УК РФ состава уклонения от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ, совершенном в особо крупном размере.

7. В судебной и следственной практике нередко не учитывается смысл соответствующего уголовно-правового запрета, призванного не допустить именно вывод капитала из России, то есть такое перечисление на зарубежные счета иностранной валюты, которое заведомо для виновного не сопровождается эквивалентным встречным предоставлением в виде товаров,

работ, услуг. Следствием такого подхода становится неосновательное расширение пределов действия нормы, которые в соответствии с замыслом законодателя должны быть ограничены указанием на направленность совершаемого виновным деяния. С учетом этого предлагается внести изменения в ч. 1 ст. 193¹ УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на банковские счета одного или нескольких нерезидентов с представлением кредитной организации, обладающей полномочиями агента валютного контроля, документов, связанных с проведением таких операций и содержащих заведомо недостоверные сведения об основаниях, о целях и назначении перевода, в целях вывоза денежных средств из Российской Федерации».

§ 2. Проблемы квалификации вывоза капитала по субъективным признакам валютных преступлений

1. Субъекты валютных преступлений

В редакции ст. 193 УК РФ, действующей до 2013 г., указывалось на то, что исполнителем данного преступления должен быть специальный субъект, а именно руководитель организации. В действующей редакции такого указания нет, в связи с чем круг субъектов преступления значительно расширился.

Так, субъект данного преступления является специальным. Признак, выделяющий субъекта как специального, состоит в наличии у него, как у резидента, соответствующей обязанности согласно ст. 19 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле», неисполнение которой является признаком данного преступления.

Определение резидента для целей валютного законодательства дается путем перечисления субъектов валютных правоотношений с различными признаками:

- а) физические лица, являющиеся гражданами Российской Федерации;
- б) постоянно проживающие в Российской Федерации на основании вида на жительство, предусмотренного законодательством Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства;
- в) юридические лица, созданные в соответствии с законодательством Российской Федерации (в том числе профессиональные участники внешнеэкономической деятельности, включенные в перечень профессиональных участников внешнеэкономической деятельности, утвержденный в порядке, установленном Правительством Российской Федерации по согласованию с Центральным банком Российской Федерации), за исключением иностранных юридических лиц, зарегистрированных в соответствии с Федеральным законом «О международных компаниях»;
- г) находящиеся за пределами территории Российской Федерации филиалы, представительства и иные подразделения резидентов;
- д) дипломатические представительства, консульские учреждения Российской Федерации, постоянные представительства Российской Федерации при международных (межгосударственных, межправительственных) организациях, иные официальные представительства Российской Федерации и представительства федеральных органов исполнительной власти, находящиеся за пределами территории Российской Федерации;
- е) Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования, которые выступают в отношениях, регулируемых настоящим Федеральным законом и принятыми в соответствии с ним иными федеральными законами и другими нормативными правовыми актами (ч. 6 ст. 1 ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»).

При этом необходимо разграничивать статус **резидента согласно валютному законодательству** и статус **налогового резидента**.

Так, согласно Налоговому кодексу РФ, по общему правилу налоговыми резидентами РФ признаются физические лица, фактически находящиеся в РФ не менее 183 календарных дней в течение 12 следующих подряд месяцев²⁹⁸.

Данное условие не требуется для признания резидентом физического лица – гражданина РФ или имеющего вид на жительство РФ и постоянно проживающего в государстве иностранного гражданина (лица без гражданства).

Обязанность по репатриации возложена на резидентов, осуществляющих внешнеторговую деятельности и (или) предоставляющих иностранную валюту или валюту Российской Федерации в виде займов нерезидентам.

Согласно ст. 10 Федерального закона «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»²⁹⁹ любые российские лица и иностранные лица обладают правом осуществления внешнеторговой деятельности (это право может быть ограничено в указанных в законе случаях). Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования осуществляют внешнеторговую деятельность только в случаях, установленных федеральными законами.

В случае невыполнения обязанности по репатриации юридическим лицом П.С. Яни предлагает использовать для определения субъекта преступления правило квалификации, предложенное высшим судебным органом для уголовно-правовой оценки незаконного предпринимательства, осуществляемого организацией³⁰⁰. Исходя из предложенного подхода субъектом преступления, предусмотренного ст. 193 УК, в этом случае

---

²⁹⁸ Пункт 2 ст. 207 Налогового кодекса РФ.

²⁹⁹ Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности».

³⁰⁰ Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве»: «при осуществлении организацией (независимо от формы собственности) незаконной предпринимательской деятельности ответственности по статье 171 УК РФ подлежит лицо, на которое в силу его служебного положения постоянно, временно или по специальному полномочию были непосредственно возложены обязанности по руководству организацией (например, руководитель исполнительного органа юридического лица либо иное лицо, имеющее право без доверенности действовать от имени этого юридического лица), а также лицо, фактически выполняющее обязанности или функции руководителя организации».

является лицо, на которое в силу его служебного положения постоянно, временно или по специальному полномочию непосредственно возложены обязанности по руководству организацией (напр., руководитель исполнительного органа юридического лица либо иное лицо, имеющее право без доверенности действовать от имени этого юридического лица), а также лицо, фактически выполняющее обязанности или функции руководителя организации³⁰¹.

Представляется необходимым применять термин «бенефициарный владелец»³⁰² по отношению к лицам, фактически выполняющим обязанности или функции руководителя организации, или иными словами - лицам, имеющим возможность контролировать действия юридического лица. Г.А. Есаков отмечает, что данный термин наиболее близок к фигуре так называемого «теневого руководителя», который фактически руководит организацией посредством использования номинальных директоров³⁰³.

Судебная практика по привлечению бенефициаров компаний подтверждает позицию П.С. Яни. Так, Волгоградский областной суд согласился с привлечением к уголовной ответственности фактического руководителя обществ с ограниченной ответственностью, являющихся резидентами РФ, который при осуществлении внешнеэкономической деятельности заключил внешнеторговые контракты через номинальных директоров с нерезидентами на экспорт оборудования для производства ювелирных изделий. При этом суд заключил, что фактически организацией

---

³⁰¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII - VIII. С. 371 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰² Согласно ст. 3 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» бенефициарный владелец - ... физическое лицо, которое в конечном счете прямо или косвенно (через третьих лиц) владеет (имеет преобладающее участие более 25 процентов в капитале) клиентом - юридическим лицом либо имеет возможность контролировать действия клиента. Бенефициарным владельцем клиента - физического лица считается это лицо, за исключением случаев, если имеются основания полагать, что бенефициарным владельцем является иное физическое лицо.

³⁰³ Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть. 2019. С. 246

руководил обвиняемый Б., непосредственно перечислявший денежные средства на счета организации-нерезидента³⁰⁴.

Таким образом, суды используют конструкцию посредственного причинения вреда (ч. 2 ст. 33 УК РФ), признавая исполнителем лицо, дающее указание номинальному руководителю на совершение сделки и последующее бездействие, направленное на невозвращение денежных средств.

Предлагаемая Н.А. Лопашенко дефиниция субъекта уклонения от репатриации денежных средств, состоящая в определении субъекта преступления как резидента или его представителя, достигшего возраста 16 лет и осуществляющего внешнеэкономическую деятельность³⁰⁵, должна быть расширена. Исходя из совокупности изложенных обстоятельств, субъектом преступления являются физические лица – 1) резиденты, 2) руководители, а также лица, фактически выполняющие обязанности или функции руководителя организации – резидента и 3) бенефициарные владельцы юридического лица – резидента, достигшие 16-летнего возраста.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, также является специальным. Признак, выделяющий субъекта как специального, состоит в наличии у него полномочий совершать валютную операцию с представлением агенту валютного контроля документов, связанных с ее проведением.

Указание на круг субъектов данного преступления содержится в п. 1.5 Инструкции Банка России № 181-И, которая устанавливает порядок представления уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации при осуществлении валютных операций.

В п. 1.6 данной Инструкции содержится указание на следующих лиц – субъектов, правомочных осуществлять валютные операции в порядке, охраняемом ст. 193¹ УК РФ:

---

³⁰⁴ Постановление Волгоградского областного суда от 09.09.2019 по делу № 22-3823/2019. Также см. приговор Ленинского районного суда г. Нижнего Тагила от 04.12.2017 № 1-128/2017.

³⁰⁵ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ): монография. В 2 ч. Ч. 1. - М.: Юрлитинформ, 2022. С. 417.

– резидентов, являющихся юридическими лицами (за исключением кредитных организаций и государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»);

– физических лиц, являющимися индивидуальными предпринимателями или лицами, занимающимися в установленном законодательством Российской Федерации порядке частной практикой;

– физических лиц – резидентов при осуществлении ими валютных операций в иностранной валюте и (или) валюте Российской Федерации, связанных с предоставлением нерезидентам займов и возвратом от нерезидентов таких займов, с использованием своих банковских счетов (вкладов);

– нерезидентов, за исключением физических лиц.

Соответственно, субъектом данного преступления являются физические лица – 1) резиденты ; 2) руководители, а также лица, фактически выполняющие обязанности или функции руководителя организации – резидента и нерезидента, и 3) бенефициарные владельцы юридического лица – резидента и нерезидента, достигшие 16 лет.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 200¹ УК РФ, является общим, следовательно, им может являться любое лицо, достигшее 16 лет.

2. Субъективная сторона валютных преступлений

Относительно того, с какой формой вины могут совершаться преступления в сфере экономической деятельности, также ведется дискуссия.

Так, согласно ч. 2 ст. 24 УК РФ, деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Соответственно, как утверждал Б.В. Волженкин, если в тексте статьи не указана форма вины, вина может быть только умышленной в одних составах

или же умышленной и неосторожной в других составах³⁰⁶. Все составы преступлений в сфере экономической деятельности относились им к умышленным преступлениям.

Соответственно, если вывод о только умышленном совершении преступления не следует из смысла уголовного закона, то его совершение возможно как умышленно, так и по неосторожности³⁰⁷. При этом природа экономических преступлений такова, что большинство из них совершается только с прямым умыслом.

Позиция об исключительно умышленном характере экономических (а следовательно и валютных) преступлений обосновывается Б.В. Волженкиным и Г.А. Есаковым тем, что диспозиции большинства статей главы 22 УК РФ были сформулированы в период действия редакции ч. 2 ст. 24 УК РФ до 1998 года, что недвусмысленно свидетельствует о намерении законодателя считать описанные в них общественно опасные деяния умышленными преступлениями³⁰⁸.

Указанный довод неприменим к валютным составам по той причине, что в существующей редакции нормы об ответственности за эти деяния существуют с 2013 года (поскольку, как указывалось ранее, Федеральным законом от 28.06.2013 года № 134-ФЗ была изменена диспозиция ст. 193 и введены статьи 193¹, 200¹ УК РФ).

Анализ составов валютных преступлений приводит к выводу, что они относятся к преступлениям с **формальными составами**.

Согласно теории уголовного права составы преступлений подразделяются на материальные и формальные составы по признаку наличия общественно опасных последствий. Первые, по мнению сторонников такой классификации составов, содержат общественно опасные

---

³⁰⁶ Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб. 1999. С. 40.

³⁰⁷ Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть. 2019. С. 183.

³⁰⁸ Авторы исходят из формулировки ч. 2 ст. 24 УК РФ в ее первоначальной редакции, согласно которой деяние, совершенное по неосторожности, признавалось преступлением только в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса. См. Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб. 1999. С. 40; Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть. 2019. С. 185.

последствия, вторые - нет. Многие ученые отвергают разграничение по такому критерию, справедливо указывая, что беспоследственных, безвредных преступлений не существует и что данное разделение — это следствие ошибочного отождествления состава преступления с диспозицией статьи³⁰⁹.

Таким образом, под формальными составами подразумеваются те, в диспозициях норм об ответственности за которые отсутствуют упоминания общественно опасных последствий. В формальных составах форма вины определяется психическим отношением к деянию в виде действия или бездействия, и для характеристики преступления как умышленного достаточно сознания лицом общественно опасного характера своего действия или бездействия.

Согласно преобладающему в теории уголовного права мнению, валютные преступления совершаются с прямым умыслом³¹⁰. Данное мнение основывается на том, что, как писал Б.С. Никифоров, особенностью формальных преступлений являются такие свойства самого по себе действия (независимо от последствий), как опасность действия для правопорядка, его несоответствие строю общественных отношений, его незаконность³¹¹. Логика проста: «если кто-либо совершает определенное действие, сознавая его характер, это значит, что он желает совершить это действие. Если кто-либо не желает, чтобы его действие имело известный признаваемый им характер, он не совершает этого действия»³¹².

Соответственно для разграничения видов умысла при квалификации валютных преступлений необходимости нет ввиду формального характера этих составов: «деление умысла на прямой и косвенный применимо только к материальным составам. Сказанное не означает, что в формальных

---

³⁰⁹ Курс уголовного права в пяти томах. Том 1. Общая часть: Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало. 2002. С.181.

³¹⁰ Ляскало А.Н. Вопросы субъективной стороны валютных преступлений (ст. 193, 193.1 УК РФ) // Законодательство. 2017. №9 // СПС «Гарант».

³¹¹ Никифоров Б.С. Избранное. М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 2010. С. 202.

³¹² Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть. 2019. С. 183.

преступлениях умысел лишен волевого момента. Однако этот волевой момент не влияет на форму вины»³¹³.

Г.А. Есаков указывает, что преступления, сформулированные как формальные составы, могут совершаться либо с прямым умыслом, либо по небрежности³¹⁴.

На вину в форме прямого умысла при совершении валютных преступлений могут указывать такие признаки как, например, заведомость недостоверности представляемых агенту валютного контроля сведений (ст. 193¹ УК РФ).

В отношении уклонения от репатриации денежных средств (ст. 193 УК РФ) на наличие умысла могут указывать обстоятельства непринятия резидентом следующих мер:

- выяснение через торгово-промышленную палату, торговое представительство, официальные органы страны иностранного партнера либо иными способами его надежности и деловой репутации;
- внесение в договор способа обеспечения исполнения обязательств в зависимости от надежности и деловой репутации партнера (банковская гарантия, неустойка, поручительство, залог, задаток и т.д.);
- применение таких форм расчета по договору, которые исключают риск неисполнения контрагентом обязательств по договору;
- разработка механизма разрешения возможных разногласий с четким указанием сроков досудебных способов защиты нарушенных прав и указанием, какой судебный орган будет рассматривать возникший спор;
- использование страхования коммерческих рисков;
- ведение претензионной работы (переписка с иностранной стороной по факту нарушения обязательств по договору, предъявление претензии);

---

³¹³ Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж: Изд. Воронежского университета, 1974. С. 82.

³¹⁴ Там же. С. 183.

- предъявление после ответа на претензию или истечения срока ответа искового заявления в судебные органы с требованием о взыскании с контрагента причитающейся суммы³¹⁵.

Относительно признаков субъективной стороны составов валютных преступлений некоторые ученые полагают возможным разграничивать преступления по моменту формирования преступного умысла.

Например, А.Н. Лясколо полагает, что при совершении деяния, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, преступный умысел формируется до момента подачи подложных документов, в то время как при совершении деяния, предусмотренного ст. 193 УК РФ, преступный умысел формируется позднее, уже после перевода валюты или поставки товаров за границу в процессе исполнения внешнеторгового контракта³¹⁶. Таким образом, согласно точке зрения криминалиста, умысел при уклонении от репатриации денежных средств направлен на то, чтобы «простить» контрагенту денежные средства за непоставленные товары, услуги или информацию. Соответственно, если умысел изначально направлен на вывоз капитала, то заключить сделку невозможно иначе как предоставив валютному агенту недостоверные сведения о совершаемой сделке. Таким образом, в содеянном усматриваются признаки преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ. Данная позиция заслуживает поддержки.

Однако не всегда суды разделяют подобный подход.

Так, К.Е. и К.М., осужденные по п. «а» ч. 2 ст. 193 УК РФ, умышленно приискали неосведомленное об обстоятельствах совершения преступления лицо, зарегистрировали от его имени Общество с ограниченной ответственностью и открыли расчетные счета Общества. От имени Общества ими были заключены внешнеэкономические сделки, в соответствии с

---

³¹⁵ Письмо ФТС РФ от 10.01.2008 № 01-11/217 «О направлении Методических рекомендаций по квалификации нарушений валютного законодательства», по информации из Определения Верховного Суда РФ от 21.05.2019 № АКПИ19-207 данный документ утратил силу в связи с изданием письма ФТС от 01.03.2017 № 01-11/09438.

³¹⁶ Лясколо А.Н. Вопросы субъективной стороны валютных преступлений (ст. 193, 193.1 УК РФ) // Законодательство. 2017. № 9 // СПС «Гарант».

которыми денежные средства перечислены на расчетный счет компании-нерезидента. Как указал суд, «в целях вуалирования преступной деятельности» К.М., К.А. и иные неустановленные лица, создавая видимость исполнения договора, осуществили ввоз и передачу товара Обществу от имени компании-нерезидента на сумму около 124 000 долларов США. При этом в адрес Общества от компании-нерезидента не осуществлена поставка товара или возврат денежных средств на общую сумму 3 208 727,56 долларов США, что по курсу Банка России на 01.12.2014 года составляло 158 260 860,71 рублей³¹⁷.

В свою очередь Московский районный суд г. Санкт-Петербурга квалифицировал действия по вывозу капитала посредством заключения фиктивных договоров поставки, по которым товар заведомо не должен был поставлен, как совокупность преступлений, предусмотренных статьями 193 и 193¹ УК РФ³¹⁸.

Умысел, как установил суд, был направлен именно на вывоз капитала, для чего были приисканы организации – резиденты, а также подконтрольные компании – нерезиденты.

Таким образом, в основной своей массе суды разграничивают преступления, предусмотренные статьями 193 и 193¹ УК РФ, исходя из такого критерия, как момент возникновения умысла на невозвращение капитала. Однако иногда в судебных решениях ошибочно, на наш взгляд, отмечается, что умысел, направленный на уклонение от репатриации, может возникать как в процессе исполнения внешнеторгового контракта, так и до его заключения.

Решить проблему могли бы разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о том, что при совершении деяния, предусмотренного ст. 193 УК РФ, преступный умысел формируется после перевода денежных средств или поставки товаров за границу в процессе исполнения внешнеторгового

---

³¹⁷ Приговор Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 18.08.2017 года по делу № 1-292/2017.

³¹⁸ Приговор Московского районного суда г. Санкт-Петербурга от 23.01.2019 по делу № 1-137/19.

контракта и, таким образом, он направлен на невозвращение уже переданного нерезиденту имущества. Соответственно при совершении деяния, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, преступный умысел формируется до момента подачи подложных документов и направлен на вывоз денежных средств из Российской Федерации.

В отношении экономической контрабанды дискуссии ведутся преимущественно о том, как определить умысел лица при незаконном перемещении денежных средств через «зеленый» коридор, конклюдентно рассматриваемый как заявление лица об отсутствии денежных средств, подлежащих декларированию.

Судебная практика устанавливает наличие умысла в случаях, когда таможенная декларация заполнена и находится у лица при прохождении в «зеленый» коридор³¹⁹, а также когда лицо заявило о своем намерении задекларировать денежные средства уже после прохождения линии коридора³²⁰. Как указывалось ранее, единственным исключением из данного подхода в судебной практике является пересечение линии «зеленого» коридора при условии, что «красный» коридор должным образом не функционирует по причинам, не зависящим от лица (то есть лицо фактически лишено возможности должным образом задекларировать денежные средства, что безусловно свидетельствует об отсутствии у него умысла на совершение контрабанды)³²¹.

М.С. Марковский обоснованно заключает, что отсутствие осведомленности о таможенных правилах и осознания лицом того, что перевозимые денежные средства составляют крупный размер, для определения форм вины значения не имеет, а также не указывает на

---

³¹⁹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 01.07.2021 года № 77-2262/2021.

³²⁰ Напр., апелляционное постановление Московского областного суда от 26.10.2021 года № 22-6932/2021.

³²¹ Определение Санкт-Петербургского городского суда от 07.02.2011 года по делу № 1-856/10.

отсутствие у лица умысла на совершение контрабанды указанных предметов³²².

Суды в мотивировочной части решений, описывая субъективную сторону деяния, как правило, указывают на наличие в зоне досягаемости для обвиняемых информации о порядке и правилах перемещения денежных средств, учитывают опыт перемещении через границу и даже наличие при себе заполненной декларации³²³. Данные признаки, по мнению правоприменителей, доказывают наличие у виновного умысла на совершение противоправного деяния.

Выводы

1. Валютные преступления совершаются с прямым умыслом.
2. При совершении деяния, предусмотренного ст. 193 УК РФ, преступный умысел формируется после перевода денежных средств или поставки товаров за границу в процессе исполнения внешнеторгового контракта. Таким образом, он направлен на невозвращение уже переданного контрагенту-нерезиденту имущества. Соответственно при совершении деяния, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, преступный умысел формируется до момента подачи подложных документов и направлен на вывоз денежных средств из Российской Федерации.
3. Признаки прямого умысла при совершении экономической контрабанды усматриваются при незаконном перемещении денежных средств через «зеленый» коридор при наличии системы коридоров в пункте пропуска через границу с учетом презумпции осведомленности лица о порядке и правилах перемещения через таможенный коридор.

§ 3. Проблемы квалификации вывоза капитала, связанные с разграничением валютных преступлений и легализации преступных доходов

---

³²² Марковский М.С. Указ. соч. С. 86.

³²³ См. апелляционное постановление Курского областного суда от 02.02.2022 года по делу № 22-116/2022.

Указанная в заголовке настоящего параграфа проблема квалификации имеет фундаментальный характер и потому выделена в самостоятельный раздел диссертационного исследования.

Уголовное законодательство России претерпевает перманентные трансформации, вызванные международными обязательствами по противодействию бегству капитала (capital flight). Банк России называет одной из ключевых задач государства в сфере экономики ³²⁴ борьбу с «сомнительными операциями», подразумевая под ними финансовые операции или хозяйственную деятельность, осуществляемые в качестве прикрытия истинного происхождения и движения денежных средств.

Банк России определяет два направления борьбы с сомнительными операциями (будем называть их незаконными финансовыми операциями): 1) противодействие легализации (отмыванию) денежных средств, полученных преступным путем и 2) валютный контроль ³²⁵. То есть главный финансовый регулятор решает различные задачи в противостоянии с трансграничным перемещением капитала при наличии признаков недобросовестности его владельца.

Большинство международных соглашений, касающихся регулирования движения капитала, заключено для устранения или ограничения препятствий свободному перемещению капитала через границы. Кодекс либерализации движения капитала ОЭСР ³²⁶ расценивается как самое значительное из них ³²⁷. Государства, присоединившиеся к этому многостороннему договору, приняли решение о постепенной отмене ограничений на перемещение

---

³²⁴ Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/counteraction_m_ter/.

³²⁵ В обоснование своей позиции Банк приводит статистику вывода денежных средств за рубеж в банковском секторе. Так, падение объемов вывезенного за рубеж капитала было неуклонным и составило 816 млрд в 2014 г. и «всего» 53 млрд рублей – в 2020 г. Нелишним будет указать, что в 2013 г. внесены изменения в диспозиции норм об ответственности за преступления, связанные с осуществлением незаконных финансовых операций.

³²⁶ Кодекс по либерализации движения капитала (OECD Code of Liberalization of Capital Movements), принят 12 декабря 1961 года.

³²⁷ Adam Feibelman. The IMF and Regulation of Cross-Border Capital Flows. Chicago Journal of International Law: Vol. 15: No. 2, Article 3. P. 440.

капиталов в той степени, которая необходима для эффективного экономического сотрудничества (п. «а» ст. 1 Кодекса).

В то же время международная организация ФАТФ (англ. – Financial Action Task Force)³²⁸ в 2012 г. выпустила обязательные для стран-членов ООН Рекомендации³²⁹, в соответствии с которыми они должны в числе прочего:

- обеспечить принятие финансовыми учреждениями мер по надлежащей проверке клиентов (НПК) при совершении сделок или финансовых операций, подпадающих под ряд критериев (например, когда сумма сделки превышает 15 000 долларов США / евро, имеются подозрения в отмывании денег или финансировании терроризма или существуют сомнения в достоверности или достаточности полученных ранее данных о личности клиента) (Рекомендация 10);

- обеспечить выполнение финансовыми учреждениями процедур проверки личности клиента и бенефициарного владельца до или в ходе установления деловых отношений или проведения финансовых операций для случайных клиентов;

- обеспечить, чтобы финансовые учреждения осуществляли мониторинг электронных переводов в целях выявления тех из них, в отношении которых отсутствует требуемая информация об отправителе и/или получателе, и принимали соответствующие меры (Рекомендация 16);

- предусмотреть меры по выявлению физического трансграничного перемещения наличных денег и оборотных инструментов на предъявителя, в том числе через систему декларирования и/или систему информирования. Страны должны обеспечить, чтобы их компетентные органы имели правовые полномочия для приостановки или ограничения перемещения наличных денежных средств или оборотных инструментов на предъявителя, в

---

³²⁸ В соответствии с Резолюцией Совета Безопасности ООН № 1617 (2005), сорок Рекомендаций ФАТФ являются обязательными международными стандартами для выполнения государствами-членами ООН.

³²⁹ Рекомендации ФАТФ: Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения.

отношении которых имеются подозрения в связи с финансированием терроризма, или отмытием денег, или предикатными преступлениями, или которые недостоверно задекларированы, или о которых представлена недостоверная информация (Рекомендация 32).

В связи с этим в рамках политики противодействия незаконным операциям российским законодателем криминализировано «совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов» (ст. 193¹ УК РФ) и внесены изменения в том числе в нормы об ответственности за легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем (ст. 174 и 174¹ УК РФ)³³⁰.

В объективную сторону легализации входит совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом³³¹, а в объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, - совершение валютных операций по переводу денежных средств на счета нерезидентов с использованием подложных документов.

В 2015 г. Пленум Верховного Суда РФ принял документ, содержащий разъяснения о квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, в котором указал судам на то, каким образом должен определяться такой криминообразующий признак легализации, как «цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом». Одним из свидетельств такой цели высший судебный орган

---

³³⁰ Федеральный закон от 28.06.2013 № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям».

³³¹ Как позднее разъяснит Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» (далее – «Постановление Пленума Верховного Суда РФ о легализации преступных доходов»), в объем этих понятий входят любые операции с денежными средствами и действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, а равно на создание видимости возникновения или перехода гражданских прав и обязанностей (пункт б).

назвал совершение внешнеэкономических финансовых операций или сделок с денежными средствами и иным имуществом, приобретенными преступным путем (в результате совершения преступления), осуществляемых при участии контрагентов, зарегистрированных в оффшорных зонах³³² Пленума Верховного Суда РФ о легализации преступных доходов.

Тем самым Верховный Суд РФ поставил перед правоприменением вопрос о разграничении составов легализации и преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ.

Инициатива борьбы с вывозом капитала в оффшорные центры возникла, в первую очередь, в связи с усилением борьбы с уклонением от уплаты налогов³³³. Европейские и американские исследователи указывают, что использование налоговых убежищ (иными словами – оффшоров) или иных механизмов для сокрытия незадекларированного налогооблагаемого дохода является основным способом уклонения от уплаты налогов³³⁴.

Более того, если рассматривать уклонение от уплаты налогов как предикатное преступление для легализации³³⁵, то очевидным становится, что **любые сделки и финансовые операции, совершенные со «сбереженными»**

---

³³² Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ о легализации преступных доходов.

³³³ См. Richard Gordon and Andrew P. Morriss. *Moving Money: International Financial Flows, Taxes, and Money Laundering*. 37 *Hastings Int'l & Comp. L. Rev.* 1 (2014). p. 53; *United States v. Birkenfeld*, Case No. 08-CR-60099-ZLOCH (S.D. Fla.) Statement of Facts (10/06/2008) at 3, URL: <http://www.justice.gov/usao/fls/PressReleases/Attachments/080619-01.StatementofFacts.pdf>.

³³⁴ См. Kemsley, Deen and Kemsley, Sean and Morgan, Frank T., *Tax Evasion and Money Laundering: A Complete Framework*. *Journal of Financial Crime, Forthcoming*. p. 14.

³³⁵ Дискуссия о включении налоговых преступлений в перечень предикатных для легализации кратко описана А.Н. Ляско в статье «Разграничение налоговых преступлений и иных общественно опасных деяний» (Адвокат. 2016. № 8. С. 61-71). Четвертая Директива Европейского союза 2015 года (Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2015/849 от 20 мая 2015 года «О предотвращении использования финансовой системы для целей отмывания денег или финансирования терроризма, об изменении Регламента (ЕС) 648/2012 Европейского Парламента и Совета ЕС и об отмене Директивы 2005/60/ЕС Европейского Парламента и Совета ЕС и Директивы 2006/70/ЕС Европейской Комиссии» поставила точку многочисленным дискуссиям и включила налоговые преступления в перечень предикатных. Исходя из перечня преступлений, закрепленного в *Директиве (ЕС) Европейского Парламента и Совета ЕС от 23 октября 2018 года № 2018/1673 о противодействии отмыванию доходов, полученных преступным путем посредством уголовно-правовых механизмов*, уклонение от уплаты налогов является обязательным для включения в перечень предикатных преступлений по отношению к составу легализации. В то же время Директивы Европейского союза не являются источником права в Российской Федерации. Согласно Рекомендации №3 ФАТФ («Состав преступления отмывания денежных средств») государства должны использовать максимально расширенный круг предикатных преступлений, включающий в себя все тяжкие преступления. Допустимо также использовать отсылку ко всем составам преступлений, закрепленным в национальном законодательстве.

денежными средствами, могут быть рассмотрены как отмывание (при условии наличия цели сокрытия их происхождения).

Гидеон Янив указывает, что недобросовестные налогоплательщики стремятся безопасно пользоваться средствами, укрытыми ими от налогообложения, скрывая их истинное происхождение³³⁶. Вывод автора о необходимости сокрытия «истинного происхождения» таких доходов напрямую связан с признанием укрытого таким способом имущества незаконно находящимся у налогоплательщика.

В случае, если бы было установлено, что денежные средства не облагались налогом в установленном порядке, указанные действия квалифицировались бы как легализация денежных средств, приобретенных преступным путем (Соединенные Штаты Америки, страны ЕС³³⁷).

Данный подход нашел отражение в пункте 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ о легализации преступных доходов, где Верховный Суд РФ усматривает наличие цели сокрытия происхождения денежных средств в собственно совершении сделок с контрагентами в оффшорных зонах.

В то же время описание составов налоговых преступлений и отсутствие разъяснений относительно того, являются ли налоговые преступления предикатными, вызывают у правоприменителя сомнения относительно возможности уголовной ответственности за отмывание в случаях, когда «легализатор» осуществляет перевод денежных средств нерезиденту, вводя в заблуждение банк о происхождении и цели данного перевода.

С одной стороны, Пленум Верховного Суда РФ в ходе рассмотрения на заседании предложения об отнесении к предмету легализации (отмывания) преступных доходов, т.е. к имуществу, полученному преступным путем (в результате совершения преступления), денежных средств, из которых не

---

³³⁶ Yaniv, G. 1999. Tax evasion, risky laundering, and optimal deterrence policy. *International Tax and Public Finance* 6. P.34.

³³⁷ См. Руководство по отправлению правосудия на официальном сайте Министерства юстиции США. URL: <https://www.justice.gov/jm/jm-9-105000-money-laundering>. Также см. Директиву (ЕС) Европейского Парламента и Совета ЕС от 23.10.2018 № 2018/1673 о противодействии отмыванию доходов, полученных преступным путем посредством уголовно-правовых механизмов (включающую налоговые преступления в круг предикатных для отмывания денежных средств).

были уплачены налоги, отказался от отнесения данного имущества к предмету легализации и в текст Постановления предлагаемое разъяснение не включил³³⁸.

Однако с другой стороны, данный доктринальный взгляд правоприменители не всегда разделяют. Так, некоторые суды восприняли отказ от оговорки в диспозиции статей 174 и 174¹ УК РФ о том, что предметом легализации не могут быть доходы, полученные от уклонения от уплаты налогов³³⁹, как изменение позиции законодателя по данному вопросу и разрешение рассматривать налоговые преступления в качестве предикатных³⁴⁰.

Таким образом, конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, свидетельствует о направленности на противодействие перемещению любых денежных средств - как законно полученных и налогооблагаемых, так и тех, налоги с которых уплачены не были, но в отношении которых данный факт не установлен в уголовно-процессуальном порядке.

Проведем разграничение легализации преступных доходов и перевода валюты на счета нерезидентов по подложным документам по объективным признакам состава преступления.

В объективную сторону отмывания входит совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ о легализации преступных доходов разъясняется содержание термина «финансовая операция», под

---

³³⁸ См. Записи выступлений участников заседания Пленума. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MnycRgrU-kM&t=3s>; <https://www.youtube.com/watch?v=MdyVvghr9g>. (дата обращения 22.05.2023), также Данилов Д.О., Яни П.С. Арест имущества по уголовному делу об уклонении от уплаты налогов с организации // Законность. 2021. № 2. С. 41-44.

³³⁹ Пункт 3 ст. 8 Федерального закона от 28.06.2013 № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям».

³⁴⁰ См., в частности: приговор Прохладненского районного суда Кабардино-Балкарской Республики от 21.02.2019 по делу № 1-50/2019 (1-381/2018), приговор Ардонского районного суда Республики Северная Осетия - Алания от 31.08.2017 по делу № 1-113/2017.

которой здесь понимаются любые операции с денежными средствами. Тогда как к сделкам как признаку указанных преступлений могут быть отнесены действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, а равно на создание видимости возникновения или перехода гражданских прав и обязанностей³⁴¹. Пленум подчеркнул, что, «по смыслу закона, указанные финансовые операции и сделки заведомо для виновного должны маскировать связь легализуемого имущества с преступным источником его происхождения (основным преступлением)»³⁴².

В объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, входят два действия: 1) представление агенту валютного контроля документов, содержащих заведомо недостоверные сведения об основаниях, целях и назначении перевода³⁴³, и 2) непосредственно совершение самой валютной операции. В свою очередь, объективная сторона состава легализации денежных средств (ст.ст. 174 и 174¹ УК РФ) охватывает совершение любых сделок и любых финансовых операций, а равно действий, направленных на видимость их совершения.

В то же время ст. 193¹ УК РФ устанавливает ответственность за совершение валютной операции в понимании ч. 9 ст. 1 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле». Особенностью данного вида финансовых операций является осуществление уполномоченными

---

³⁴¹ В редакции Постановления Пленума 2004 года содержалась следующая формулировка: «под финансовыми операциями и другими сделками, указанными в статьях 174 и 174.1 УК РФ, следует понимать действия с денежными средствами, ценными бумагами и иным имуществом (независимо от формы и способов их осуществления, например, договор займа или кредита, банковский вклад, обращение с деньгами и управление ими в задействованном хозяйственном проекте), направленные на установление, изменение или прекращение связанных с ними гражданских прав или обязанностей». Представляется, что использование термина «сделка» в строгом гражданско-правовом смысле не отвечало целям применения уголовно-правовой нормы.

³⁴² Пункт 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ о легализации преступных доходов.

³⁴³ Порядок представления документов установлен Инструкцией Банка России от 16.08.2017 № 181-И «О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации при осуществлении валютных операций, о единых формах учета и отчетности по валютным операциям, порядке и сроках их представления» (далее – Инструкция Банка России № 181-И). В силу ст. 23 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле», а также п. 2.5 Инструкции Банка России от 16.08.2017 № 181-И агенты валютного контроля осуществляют проверку документов до списания денежных средств, удостоверяя их на основании представленных заявителем документов.

банками валютного контроля, в связи с чем они могут отказать в списании денежных средств заявителя и тем самым воспрепятствовать осуществлению валютной операции. При этом непосредственное списание денежных средств производится уполномоченным банком по поручению владельца счета в условиях введения сотрудников уполномоченного банка в заблуждение как относительно реальности сделки-основания валютной операции в целом, так и относительно ее отдельных условий.

Также у анализируемых преступных деяний различается момент окончания.

В случае, когда совершается легализационная финансовая операция (в том числе и валютная операция), то, исходя из разъяснений, содержащихся в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ о легализации преступных доходов, преступление считается оконченными с момента, когда лицо предъявило (передало) банку распоряжение о списании иностранной валюты с валютного счета.

При этом, как указывалось ранее, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, состоит из нескольких действий и начинает выполняться с момента представления документов с заведомо недостоверными сведениями агенту валютного контроля (по общему правилу). Моментом окончания преступления является момент, когда денежные средства выбывают из-под контроля государства, то есть момент зачисления их на счет получателя в иностранном банке³⁴⁴. В случае, если представление подложных документов имеет место после списания денежных средств, то преступление окончено в момент фактического представления подложных документов, а списание денежных средств образует покушение на преступление³⁴⁵.

---

³⁴⁴ См. об этом: Кубанцева О.О. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК // Уголовное право. 2019. № 6. С. 51-57.

³⁴⁵ Данная ситуация возможна, поскольку валютное регулирование допускает ситуацию, при которой уполномоченный банк осуществляет списание валюты со счета без заблаговременного представления документов, связанных с проведением операции, а именно - осуществление операций с использованием аккредитивной формы расчетов по контрактам, поставленным на учет в уполномоченном банке (п. 2.5, глава 14 Инструкции Банка России от 16.08.2017 № 181-И).

При совершении легализационной финансовой операции лицо заведомо маскирует связь легализуемого имущества с преступным источником его происхождения (основным преступлением). Таким образом, предметом легализации, совершаемой путем осуществления валютной операции, являются денежные средства, заведомо для виновного полученные в результате совершения преступления. Тогда как предметом преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, являются любые денежные средства, полученные как в результате совершения преступления, так и законным путем.

Предлагая критерии разграничения легализации преступных доходов и перевода валюты на счета нерезидентов по подложным документам по субъективным признакам, укажем прежде всего на **специальную цель**.

Для состава отмыывания конститутивная цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем, устанавливается на основании фактических обстоятельств дела, указывающих на характер совершенных финансовых операций или сделок, а также иных сопряженных с ними действий виновного лица и его соучастников, направленных на сокрытие факта преступного приобретения имущества и обеспечение возможности его свободного оборота³⁴⁶. Таким образом, если «легализатор» совершает сделку или финансовую операцию с имуществом, даже заведомо для него полученным преступным путем, но целью его не является придание ему «внешней чистоты», то его действия не могут быть расценены как выполнение состава легализации.

Для квалификации деяния по ст. 193¹ УК РФ цель использования за границей вывезенной валюты не имеет уголовно-правового значения, поскольку не является криминообразующим признаком состава. Для

Эта позиция, которую мы разделяем, высказана рядом исследователей, см.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Р.О. Долотов и др.; под ред. Г.А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2021, Яни П.С. Изменения уголовного-экономического законодательства // Законность. 2014. № 2. С. 28-32.

³⁴⁶ Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ о легализации преступных доходов.

правоприменителя важен сам факт вывода средств, т.е. перевода, сопровождаемого документарным обманом уполномоченного банка³⁴⁷.

Резюмируя, можно прийти к выводу о том, что при определенных обстоятельствах действия, входящие в состав преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, могут стать способом легализации (отмывания).

В данном случае вопрос квалификации достаточно сложен, поскольку предусмотренное ст. 193¹ УК РФ деяние содержит признаки, выходящие за пределы состава легализации. При этом ст. 193¹ УК РФ может быть охарактеризована по отношению к ст.ст. 174 и 174¹ УК РФ как **смежная норма**.

Как указывал В.Н. Кудрявцев, смежные составы отличаются между собой по одному или нескольким признакам, а именно – в одном из смежных составов присутствует признак, который отсутствует в другом составе. При этом второй состав обладает признаком, отсутствующим в первом³⁴⁸.

Л.В. Иногамова-Хегай конкретизирует квалификационное правило, указывая, что при наличии смежных норм применяется одна из них, когда несовпадающие признаки носят противоположный или взаимоисключающий характер либо признается наличие идеальной совокупности преступлений при установлении совместимых несовпадающих признаков³⁴⁹.

Таким образом, если финансовая операция по переводу денежных средств нерезиденту РФ преследует цель легализации преступных доходов, то, поскольку входящие в объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК, действия, состоящие в обмане уполномоченного банка, выходят за пределы объективной стороны легализации (их нельзя отнести ни к сделке, ни к совершению финансовых операций), содеянное по правилам квалификации смежных составов требует

---

³⁴⁷ Яни П.С. Вопросы квалификации вывоза капиталов // Законность. 2019. № 1.

³⁴⁸ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист. 2004. С. 127-128, 215.

³⁴⁹ Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М. 2015 // СПС «Консультант Плюс».

вменения совокупности преступлений, предусмотренных как ст. 193¹, так и ст. 174¹ УК РФ.

Кроме того, действия по совершению валютной операции с обманом уполномоченного банка могут являться способом совершения легализации, на что указывают разъяснения, содержащиеся в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ о легализации преступных доходов.

Как справедливо отмечала Н.Ф. Кузнецова, Уголовный кодекс РФ предусматривает немало сложных преступлений, которые совершаются посредством других преступлений-способов (которые, соответственно, всегда ниже по категории, чем основные преступления)³⁵⁰. Говоря о признаке состава-способа, она заключала, что преступление-способ является таковым, если по тяжести на категорию ниже основного преступления. Если же категории тяжести равны, а тем более если способ относится к более высокой категории, то квалификация производится по совокупности преступлений³⁵¹.

Согласно санкции ч. 1 ст. 193¹ УК РФ совершение указанного деяния без квалифицирующих признаков может повлечь за собой наказание в виде лишения свободы сроком до трех лет, что относит их к преступлениям небольшой тяжести. В силу того, что санкции ч. 1 ст. 174 и ст. 174¹ УК РФ не предусматривают за отмыwanie такого вида наказания, как лишение свободы (что, таким образом, относит их к преступлениям небольшой тяжести), следует заключить, что при совершении лицом в процессе легализации преступных доходов действий, входящих в объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, ему необходимо вменять совокупность преступлений в соответствии со ст. 17 УК РФ.

Пока предлагаемый подход к квалификации нельзя признать воспринятым практикой (несмотря на то, что ранее его отстаивал А.Н.

---

³⁵⁰ Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М.: Издательский Дом «Городец». 2007. С. 282.

³⁵¹ Там же. С. 290.

Лясколо³⁵²), однако судебная практика еще не выработала устоявшегося отношения к применению анализируемых статей Уголовного кодекса РФ, ограничиваясь привлечением в подобных случаях виновных к уголовной ответственности только по ст. 174¹ УК РФ.

Например, Московский областной суд квалифицировал как совершение легализации следующие действия соучастников.

Обвиняемые, получив денежные средства в результате хищения, изготовили фиктивные договоры (в которых стороны не имели никакой реальной экономической цели принятия прав и обязанностей), а также платежные и иные первичные учетные документы. Впоследствии ими были совершены внешнеэкономические финансовые операции по переводу денежных средств на основании данных документов при участии контрагентов, зарегистрированных в оффшорных зонах, для придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению похищенными денежными средствами³⁵³.

Представляется, что примером трансграничного перевода, который квалифицировался бы исключительно как легализация преступных доходов, является такая финансовая операция, которая не сопровождается предоставлением банку заведомо недостоверных сведений. К примеру, такой операцией может являться перевод денежных средств в счет приобретения за границей недвижимого имущества, произведений искусства, предметов роскоши и т.п. в обстановке, когда банк не запрашивает происхождение указанных денежных средств. В указанном случае операция с наличными и (или) безналичными денежными средствами, осуществляемая по сделке с недвижимым имуществом, подлежит обязательному контролю, если сумма, на которую совершается данная операция, равна или превышает 5 миллионов

---

³⁵² Лясколо А.Н. Квалификация валютных преступлений: вопросы разграничения и совокупности // Уголовное право. 2017. № 5 // СПС «Консультант Плюс».

³⁵³ Приговор Московского областного суда от 02.10.2020 по делу № 2-83/2020. Иной схожий пример приводится в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.10.2021 № 56-УДП21-15-К9.

рублей либо равна сумме в иностранной валюте, эквивалентной 5 миллионам рублей, или превышает ее³⁵⁴.

При этом соответственно Банк может подвергнуть выборочной процедуре контроля и заморозить операцию, затребовав документы о происхождении денежных средств. Предоставление документов с заведомо недостоверными сведениями уже будет охватываться составом преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ.

Выводы

Если финансовая операция по переводу денежных средств нерезиденту преследует цель легализации преступных доходов, то, поскольку входящие в объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, действия, состоящие в обмане уполномоченного банка, выходят за пределы объективной стороны легализации (их нельзя отнести ни к сделке, ни к совершению финансовых операций), содеянное по правилам квалификации смежных составов требует вменения совокупности преступлений, предусмотренных как ст. 193¹, так и ст. 174¹ УК РФ.

§ 4. Амнистия капиталов и проблемы освобождения от ответственности за валютные преступления на основании ст. 76¹ УК РФ

Российский уголовный закон содержит механизм так называемой «амнистии капиталов», под которой понимается основание от освобождения от уголовной ответственности, закрепленное в ч. 3 ст. 76¹ УК РФ.

Согласно положениям этой нормы в редакции Федерального закона от 09.03.2022 № 49-ФЗ³⁵⁵, лицо освобождается от уголовной ответственности при выявлении факта совершения им до 1 января 2015 года либо до 1 января 2022 года деяний, содержащих признаки составов преступлений,

---

³⁵⁴ Пункты 1 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

³⁵⁵ Федеральный закон от 09.03.2022 № 49-ФЗ «О внесении изменения в статью 76¹ Уголовного кодекса Российской Федерации».

предусмотренных статьей 193, частями первой и второй статьи 194, статьями 198, 199, 199¹, 199² УК РФ, при условии, если это лицо является декларантом или лицом, информация о котором содержится в соответствующей специальной декларации, поданной в соответствии с Федеральным законом «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³⁵⁶, и если такие деяния связаны с приобретением (формированием источников приобретения), использованием либо распоряжением имуществом и (или) контролируруемыми иностранными компаниями, информация о которых содержится в соответствующей специальной декларации, и (или) с открытием и (или) зачислением денежных средств на счета (вклады), информация о которых содержится в соответствующей специальной декларации. В этом случае не применяются положения частей первой и второй ст. 76¹ УК РФ в части возмещения ущерба, перечисления в федеральный бюджет денежного возмещения и полученного дохода.

Законодатель проводил четыре этапа декларирования, что означает, что им устанавливалось четыре временных промежутка для предоставления возможности подать декларацию:

- с 1 июля 2015 года по 30 июня 2016 года (первый этап декларирования);
- с 1 марта 2018 года по 28 февраля 2019 года (второй этап декларирования);
- с 1 июня 2019 года по 29 февраля 2020 года (третий этап декларирования);
- с 14 марта 2022 года по 28 февраля 2023 года (четвертый этап декларирования).

---

³⁵⁶ Федеральный закон от 08.06.2015 № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», далее – ФЗ «О добровольном декларировании активов и счетов (вкладов)», «Закон о добровольном декларировании».

Каждый этап декларирования регулируется различными требованиями как к содержанию декларации, так и к иным действиям, необходимым для применения к лицу «амнистии капиталов».

Таким образом, данное основание освобождения от уголовной ответственности распространяется на лиц, выполнивших состав уклонения от репатриации денежных средств при наличии следующих условий.

1. Если лицо является декларантом или лицом, информация о котором содержится в соответствующей специальной декларации

Согласно пп. 1 п. 1 ст. 1 Федерального закона от 08.06.2015 № 140-ФЗ (ред. от 09.03.2022) «О добровольном декларировании активов и счетов (вкладов)» декларант определяется как физическое лицо, представившее специальную декларацию, являющееся гражданином Российской Федерации, иностранным гражданином или лицом без гражданства. При этом уголовный закон допускает возможность освобождения от уголовной ответственности иного лица, которое самостоятельно декларацию не подавал, но сведения о котором в ней содержатся.

Данная ситуация, исходя из описанного законом механизма, возникает в том случае, когда в декларации указываются сведения об участии юридического лица в совершении действий по управлению капиталом. Гарантии при такой форме декларирования распространяются на лиц, которые в соответствии с распорядительными документами указанной организации выполняли организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции³⁵⁷.

В обсуждаемой уголовно-правовой норме кроется одно из несвойственных уголовному праву явлений – лицо может быть освобождено от уголовной ответственности без совершения им волевых действий, направленных на минимизацию причиненного преступлением вреда.

---

³⁵⁷ Пункт 2 ст. 4 Федерального закона «О добровольном декларировании активов и счетов (вкладов)».

М.А. Кауфман отмечает, что большинство ученых связывает освобождение от уголовной ответственности с такими обстоятельствами, которые свидетельствуют о снижении общественной опасности лица, совершившего преступление. При этом главная роль в утрате общественной опасности традиционно отводится позитивному постпреступному поведению, выраженному в восстановлении нарушенного блага либо в минимизации причиненного преступлением вреда³⁵⁸.

При этом наличие такого основания освобождения, как истечение срока давности, ставит вопрос о том, должно ли быть постпреступное поведение активным, или же достаточно бездействия. Некоторыми учеными, в частности Н.Е. Крыловой, косвенно подтверждается достаточность пассивного поведения. Она пишет, что основанием освобождения от уголовной ответственности является отпадение или существенное снижение общественной опасности лица, доказанное надлежащим поведением субъекта, который не должен скрыться от следствия и суда³⁵⁹.

Однако вопрос заключается скорее в наличии у лица воли на восстановление нарушенного блага.

Л.В. Иногамова-Хегай полагает, что истечение сроков давности уголовного преследования как основание освобождения лица от уголовной ответственности может приводить к установлению явлений, происходящих независимо от его воли, поскольку правило поведения в норме не предписано³⁶⁰. Действительно, истечение сроков давности является объективным фактором, от воли лица не зависящим. Однако его применение в качестве основания освобождения от ответственности без учета воли лица не производится. В соответствии с ч. 2 ст. 27 УПК РФ обязательным

---

³⁵⁸ Кауфман М.А. К вопросу об основании освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 143-156.

³⁵⁹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Н.Н. Белокобыльский, Г.И. Богуш, Г.Н. Борзенков и др.; под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012.

³⁶⁰ Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015 // СПС «КонсультантПлюс».

условием принятия такого решения является согласие на это лица, совершившего преступление³⁶¹.

Таким образом, «амнистия капиталов» не может применяться к лицу, не являющемуся декларантом по смыслу Федерального закона «О добровольном декларировании активов и счетов (вкладов)».

2. Если деяние связано с приобретением (формированием источников приобретения), использованием либо распоряжением имуществом и (или) контролируруемыми иностранными компаниями, информация о которых содержится в соответствующей специальной декларации, и (или) с открытием и (или) зачислением денежных средств на счета (вклады), информация о которых содержится в соответствующей специальной декларации

Согласно положению Закона о добровольном декларировании, гарантии освобождения от уголовной ответственности распространяются при наличии совокупности обстоятельств.

Первым условием является представление декларации об:

- имуществе, собственником или фактическим владельцем которого на дату представления декларации является декларант;
- контролируемых иностранных компаниях, в отношении которых декларант на дату представления декларации является контролирующим лицом;
- счетах (вкладах) физического лица в банках, расположенных за пределами Российской Федерации или о тех, в отношении владельца счета (вклада) декларант на дату представления декларации признается бенефициарным владельцем,
- наличных денежных средствах (в валюте Российской Федерации, иностранной валюте), подлежащих внесению физическим лицом на счета (вклады) в кредитных организациях Российской Федерации.

---

³⁶¹ Пункты 21, 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

Вторым условием, требуемым для «амнистии капиталов» третьего и четвертого этапов декларирования, является:

– государственная регистрации международных компаний в порядке редомициляции³⁶² (третий этап декларирования);

– перевод денежных средств со счетов (вкладов) в банках, расположенных за пределами Российской Федерации, сведения о которых содержатся в декларации, на счета (вклады) декларанта в кредитных организациях Российской Федерации (третий и четвертый этап декларирования);

– перевод финансовых активов со счетов (вкладов) в банках и организациях финансового рынка, расположенных за пределами Российской Федерации, на счета (вклады) в кредитных организациях Российской Федерации или организациях финансового рынка Российской Федерации (четвертый этап декларирования);

– внесение наличных денежных средств, подлежащих внесению физическим лицом на счета (вклады) в кредитных организациях Российской Федерации (четвертый этап декларирования);

– перерегистрация транспортных средств в соответствующих государственных реестрах Российской Федерации (пункты 1 – 1.2 ст. 3, ст. 6 Закона о добровольном декларировании).

Соответственно, государство тем самым стимулирует не только отображение капиталов в финансовом учете, но и возвращение их в экономику страны, что становится необходимым условием для освобождения от уголовной ответственности.

Значение репатриации вывезенных за пределы Российской Федерации денежных средств прослеживается и в том, как сконструирована норма ч. 3 ст. 76¹ УК РФ.

---

³⁶² Исходя из положений Федерального закона от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах», под *редомициляцией* законодатель понимает процедуру изменения иностранным юридическим лицом личного закона.

Н.Г. Иванов обращает внимание на следующий аспект: основание освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного ч. 2 ст. 76¹ УК РФ, основывается на требовании возместить государству двукратную сумму нерепатрированных денежных средств (в случае совершения преступления уклонения от репатриации). Однако допустимо его применение лишь в случае совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 193 УК РФ, которое является преступлением небольшой тяжести.

При этом основание, предусматривающее освобождение от уголовной ответственности на условиях подачи специальной декларации с последующим возвращением денежных средств в финансовую систему России, распространяется на все случаи совершения уклонения от репатриации (то есть квалифицируемые по любой части статьи 193 УК РФ), включающие в себя и преступления средней тяжести (ч. 2 ст. 193 УК РФ)³⁶³.

Это обстоятельство очень доходчиво свидетельствует о высокой степени заинтересованности государства в возвращении капитала в российскую экономику.

Необходимо отметить еще одну особенность механизма «амнистии капиталов». Эта особенность заключается в том, что условия так называемой «гарантии» освобождения от уголовной ответственности устанавливаются не Уголовным кодексом РФ, а законодательством о добровольном декларировании.

Так, согласно п. 8 ст. 4 Федерального закона «О добровольном декларировании активов и счетов (вкладов)» гарантии, установленные данным законом, предоставляются в части освобождения лица от ответственности за совершение конкретного деяния, содержащего признаки преступления, **если на дату представления декларации в отношении лица не было возбуждено уголовное дело в связи с совершением**

---

³⁶³ Иванов Н.Г. Статья 76¹ УК РФ: императивы освобождения от уголовной ответственности // Уголовное судопроизводство. 2017. № 1. С. 43-48. // СПС «КонсультантПлюс».

соответствующего преступления, освобождение от ответственности за которое предусмотрено.

Указанное ключевое разъяснение несомненно является частью именно уголовно-правового регулирования. Для подтверждения этого факта можно обратиться к схожему положению в уголовном законе, а именно – примечанию к ст. 291 УК РФ, предусматривающему основание освобождения от уголовной ответственности за дачу взятки.

Исходя из текста примечания, а также разъяснений Пленума Верховного Суда РФ для освобождения от уголовной ответственности за дачу взятки, а равно за передачу предмета коммерческого подкупа требуется установить активное содействие раскрытию и (или) расследованию (пресечению) преступления, а также добровольное сообщение о совершенном преступлении либо вымогательство взятки или предмета коммерческого подкупа. Сообщение (письменное или устное) о преступлении должно признаваться добровольным независимо от мотивов, которыми руководствовался заявитель. При этом не может признаваться добровольным заявление о преступлении, сделанное лицом в связи с его задержанием по подозрению в совершении этого преступления³⁶⁴.

С учетом этих разъяснений применение нормы об освобождении от уголовной ответственности должно регулироваться уголовным правом, а следовательно, условия применения «амнистии капиталов» должны быть имплементированы в Уголовный кодекс РФ.

Анализ механизма применения «амнистии капиталов» приводит нас к выводу об обоснованности точки зрения Х.Д. Аликперова, предложившего относить нормы об освобождении от уголовной ответственности к нормам-«компромиссам»³⁶⁵. По справедливому суждению исследователя, социальная обусловленность компромисса в уголовной сфере заключается в том числе в

---

³⁶⁴ Пункт 29 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

³⁶⁵ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов; под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. // СПС «КонсультантПлюс».

том, что, если органам уголовной юстиции не удалось предотвратить совершение преступления, то должны быть приняты меры, способные устранить или смягчить последствия совершенного деяния³⁶⁶.

В результате применения «амнистии капиталов», позволяющей вернуть денежные средства и активы в экономику государства, в его банковскую систему, социальные преимущества их возвращения несоизмеримо превышают эффект от такого применения силового и бескомпромиссного решения экономических проблемы, каким является привлечение к уголовной ответственности за преступление в сфере экономики.

Выводы

Подлежат имплементации в уголовный закон (ч. 3 ст. 76¹ УК РФ) до сих пор содержащиеся в Федеральном законе от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» положения, согласно которым лицо подлежит освобождению от ответственности за совершение конкретного деяния, содержащего признаки преступления, если на дату представления декларации в отношении лица не было возбуждено уголовное дело в связи с совершением соответствующего преступления, освобождение от ответственности за которое предусмотрено.

---

³⁶⁶ Аликперов Х.Д. Компромисс как имманентное свойство уголовного права. // Компромисс в праве: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 29-30 мая 2014 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика, В.М. Баранова, А.В. Парфенова. - Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2014. - Т.1. С. 37.

Заключение

Явление вывоза капиталов из государства – это экономическое явление, являющееся индикатором множества недостатков экономической, политической и даже правовой государственных систем. Статистика Банка России до 2022 года демонстрировала последовательное снижение тенденции вывоза капитала из страны, однако уже тогда нельзя утверждать, что при малейших политических или экономических сдвигах эти цифры не изменятся в худшую для экономики сторону.

В условиях санкционного давления и вынужденного введения дополнительных ограничений на трансграничное движение капитала актуальность проблематики лишь возросла.

В то же время отсутствуют сомнения, что правительства всех государств заинтересованы в привлечении иностранного капитала в свою экономику, что приводит к необходимости выработать и соблюдать нормативные механизмы для взаимодействия на международном уровне в налоговой, банковской таможенной сферах, в том числе путем обмена информацией о трансграничных перемещениях денежных средств.

Национальное законодательство, как правило, включает в себя некоторое количество ограничений, наложенных на сделки и финансовые операции с иностранным элементом. В Российской Федерации подобные ограничения регулируются валютным законодательством, в основе которого лежит Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле». Положения данного закона находят свое развитие в таможенном законодательстве, нормативных актах Банка России и иных источниках.

Для защиты стабильности экономики и воспрепятствованию деятельности, потенциально способной поощрять преступную деятельность, в Уголовном кодексе РФ закреплены составы преступлений, которые можно также охарактеризовать как «валютные преступления». В них включены уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации (ст. 193 УК РФ),

совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов (ст. 193¹ УК РФ), контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200¹ УК РФ).

Противоправность указанных преступлений лежит в плоскости нарушения положения норм валютного контроля, расположенных как в Федеральном законе «О валютном регулировании и валютном контроле», так и в иных нормативно-правовых актах.

Подход российского законодателя к криминализации данных деяний является особенным, что говорит о собственном пути развития уголовно-правового регулирования вывоза капитала. Поскольку немалое значение для действия норм уголовного закона играет правоприменение, то невозможно преуменьшить роль судов в разъяснении тех или иных признаков валютных составов. В то же время не представляется возможным игнорировать очевидную потребность в разъяснении сложнейших проблем их применения с точки зрения науки уголовного права, поставленных органами расследования и судебными органами.

Как видится, диспозиции статей 193, 193¹, 200¹ УК РФ подлежат корректированию для исправления недостатков законодательной техники, при этом остро ощущается необходимость в разработке и принятии постановления с разъяснениями для нижестоящих судов Пленумом Верховного суда РФ.

Мы придерживаемся применения такого формата использования опыта зарубежных стран, который бы позволил осуществлять эффективное международное сотрудничество по привлечению к ответственности лиц, использующих различные юрисдикции для вывоза капитала. При этом, в силу специфики российской правовой системы, восприятию и интегрированию в нее подлежат лишь отдельные механизмы и

исключительно после проведения глубокого анализа как правовых норм, так и их правоприменения.

Также нельзя не отметить тенденцию к либерализации валютных преступлений, в частности, за счет увеличения размерных признаков объективной стороны состава.

Подобные законодательные инициативы позволяют создавать благоприятный инвестиционный климат и привлекать в экономику страны капиталы, демонстрируя обществу, что использование уголовно-правовых механизмов потенциально не сможет быть применено для большего количества ситуаций, а это в свою очередь защищает предпринимателей от риска фактического приостановления деятельности и утраты квалифицированных кадров.

Имеющиеся правовые механизмы, в том числе механизм основания освобождения от уголовной ответственности, закрепленного в ч. 3 ст. 76¹ УК РФ («амнистия капиталов»), в совокупности должны представлять собой «барьер» не для перемещения капитала в целом, а лишь в тех случаях, когда оно является умышленным нарушением правил и норм валютного регулирования и валютного контроля с целью вывезти денежные средства за пределы Российской Федерации вне банковского или иного установленного государственного контроля.

Список используемой литературы

I. Международно-правовые акты

1. Статьи Соглашения Международного Валютного Фонда от 22.07.1944 (Бреттон-Вудские Соглашения).
2. Кодекс либерализации движения капитала от 12.12.1961.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров.
4. Сорок Рекомендаций ФАТФ (1990).
5. Директива (ЕЭС) 91/308/ЕЭС.
6. Директива (ЕС) 2001/97/ЕС.
7. Модельное соглашение ОЭСР по обмену налоговой информацией (ТІЕА) (2002).
8. Директива (ЕС) 2005/60/ЕС.
9. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1617 (2005).
10. Договор о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза (Астана, 05.07.2010).
11. Многосторонняя конвенция по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения, 24.11.2016 (Париж).
12. Директива (ЕС) Европейского Парламента и Совета ЕС от 23.10.2018 № 2018/1673.

II. Правовые акты СССР и РСФСР, частично или полностью утратившие юридическую силу

13. Декрет о национализации внешней торговли СНК РСФСР от 22.04.1918.
14. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 15.02.1923 «О валютных операциях».

15. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 19.04.1923 «О порядке вывоза и перевода за границу валютных ценностей».
16. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.
17. Постановление ЦИК СССР от 25.02.1927 «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)».
18. Таможенный кодекс Союза ССР, утв. Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР 19.12.1928.
19. Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 07.01.1937 «О сделках с валютными ценностями и о платежах в иностранной валюте».
20. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 07.08.1937 № 104/1341 «О введении в действие Положения о переводном и простом векселе».
21. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 05.05.1951 «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями».
22. Закон СССР от 25.12.1958 «Об уголовной ответственности за государственные преступления».
23. Уголовный кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 27.10.1960.
24. Указ Президиума ВС СССР от 24.02.1961 «О дополнении Закона об уголовной ответственности за государственные преступления».
25. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 01.07.1961 «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях».
26. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30.11.1976 «О сделках с валютными ценностями на территории СССР».
27. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18.04.1980 № 3 «О судебной практике по делам о нарушении правил о валютных операциях».

28. Постановление Совмина СССР от 02.12.1988 № 1405 «О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных общественных предприятий, объединений и организаций».

29. Постановление Совмина СССР от 04.08.1990 № 776 «О мерах по формированию общесоюзного валютного рынка.

30. Указ Президента РСФСР от 15.11.1991 № 213 «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР».

31. Федеральный закон от 01.07.1994 № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР».

III. Законодательство и судебная практика Российской Федерации

32. Конституция Российской Федерации 1993 г.

33. Гражданский кодекс РФ (часть первая) 1994 г.

34. Уголовный кодекс РФ 1996 г.

35. Налоговый кодекс РФ (часть вторая) 2000 г.

36. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях 2001 г.

37. Арбитражный процессуальный кодекс РФ 2002 г.

38. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза.

39. Закон РФ от 01.04.1993 № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации».

40. Федеральный закон от 18.07.1999 № 183-ФЗ «Об экспортном контроле».

41. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

42. Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности».

43. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле».

44. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе».

45. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

46. Федеральный закон от 28.06.2013 № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям».

47. Федеральный закон от 07.05.2013 № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами».

48. Федеральный закон от 08.06.2015 № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

49. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

50. Федеральный закон от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах».

51. Федеральный закон от 01.04.2020 № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

52. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

53. Федеральный закон от 09.03.2022 № 49-ФЗ «О внесении изменения в статью 76¹ Уголовного кодекса Российской Федерации».

54. Постановление Правительства РФ от 13.09.2012 № 923 «Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей».

55. Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций».

56. Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации».

57. ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст).

58. Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 32 «Финансовые инструменты: представление», введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 28.12.2015 № 217н.

59. Письмо ФТС России от 18.07.2013 № 01-11/30804 «О направлении информации об изменении статьи 16⁴ Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

60. Приказ ФТС России от 21.11.2018 № 1884 «Об определении перечня мест перемещения товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза, в которых применяется система двойного коридора».

61. Инструкция Банка России от 16.08.2017 № 181-И «О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации при осуществлении валютных операций, о единых формах учета и отчетности по валютным операциям, порядке и сроках их представления».

62. Письмо Банка России от 10.06.2021 № 12-4-2/2850.

63. Положение Банка России от 29.06.2021 № 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств».

64. Постановление Конституционного суда РФ от 27.04.2001 № 7-П.

65. Определение Конституционного суда РФ от 02.04.2009 № 486-О-О.

66. Определение Конституционного Суда РФ от 26.05.2020 № 1104-О.

67. Постановление Пленума ВС РФ от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве».

68. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

69. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем».

70. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде».

71. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

72. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления».

73. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2019), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.07.2019.

74. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2019), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.07.2019: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

75. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.11.2019 № 4-АПУ19-37: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

76. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.10.2021 № 56-УДП21-15-К9: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

77. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2020 № 306-ЭС20-14567 по делу № А55-370/2019: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

78. Определение Верховного Суда РФ от 25.05.2022 № 304-ЭС22-6782 по делу № А27-2925/2020: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

79. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.01.2022 № Ф04-7806/2021 по делу № А27-2925/2020: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

80. Постановление Президиума Московского областного суда от 05.09.2018 по делу № 44у-177/2018: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

81. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.09.2020 по делу № 77-1381/2020: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

82. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.10.2022 № 7у-8711/2022: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

83. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2021 по делу № 77-469/2021: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

84. Апелляционное определение Амурского областного суда от 09.09.2021 по делу № 22-1571/2021: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

85. Апелляционное определение Амурского областного суда от 21.01.2021 по делу № 22-67/21(22-2376/20): Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

86. Апелляционное постановление Волгоградского областного суда от 24.07.2019 по делу № 22-2850/2019: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

87. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 08.05.2018 по делу № 22-2732/2018: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

88. Апелляционное постановление Курского областного суда от 02.02.2022 по делу № 22-116/2022: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

89. Апелляционное постановление Курганского областного суда от 22.07.2021 по делу № 22-1206/2021: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

90. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 29.10.2019 по делу № 22-7456/2019: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

91. Апелляционное определение Московского городского суда от 23.11.2016 по делу № 10-17032/2016: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

92. Апелляционное определение Московского городского суда от 17.05.2017 по делу № 10-6525/2017: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

93. Апелляционное определение Московского городского суда от 03.05.2018 по делу № 10-5785/2018: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

94. Апелляционное определение Московского городского суда от 16.11.2018 по делу № 10-18545/2018: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

95. Апелляционное постановление Московского городского суда от 14.10.2019 по делу № 10-18977/2019: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

96. Апелляционное постановление Московского городского суда от 08.07.2020 по делу № 10-10554/2020: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

97. Апелляционное определение Московского городского суда от 01.12.2022 по делу № 10-19040/2022: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

98. Апелляционное постановление Московского городского суда от 21.02.2023 по делу № 10-2540/2023: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

99. Апелляционное постановление Московского областного суда от 26.10.2021 № 22-6932/2021: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

100. Апелляционное постановление Московского областного суда от 11.11.2021 по делу № 22-7386/2021: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

101. Апелляционное постановление Московского областного суда от 07.12.2021 по делу № 22-8033/2021: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

102. Апелляционное определение Московского областного суда от 19.12.2019 по делу № 22- 8376/2019: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

103. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Башкортостан от 25.05.2017 по делу № 22-3207/2017: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

104. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Бурятия от 16.07.2019 по делу № 22-1289/2019: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

105. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 08.04.2021 по делу № 77-996/2021: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

106. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 01.07.2021 № 77-2262/2021: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

107. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19.07.2022 по делу № 77-3436/2022: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

108. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 07.02.2011 по делу № 1-856/10: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

109. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 18.04.2019 по делу № 22-2117/3, 1-4/18: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

110. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 24.09.2020 по делу № 22-5685/2020: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

111. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 02.08.2017 по делу № 22-4028/2017: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

112. Постановление Волгоградского областного суда от 09.09.2019 по делу № 22-3823/2019: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

113. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 08.10.2021 № 08АП-10075/2021 по делу № А46-8999/2021: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

114. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 10.03.2016 № 02АП-1410/16: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

115. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.02.2021 № 15АП-22376/2020 по делу № А53-35608/2020: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

116. Приговор Бабушкинского районного суда г. Москвы от 30.06.2021 по делу № 1-421/2021: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

117. Приговор Вахитовского районного суда г. Казани от 21.05.2020 по делу № 1-94/2020 (1-563/2019): Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

118. Приговор Вахитовского районного суда г. Казани от 24.02.2021 по делу № 1-74/2021 (1-472/2020): Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

119. Приговор Волжского городского суда Волгоградской области от 24.06.2019 по делу № 1-178/2019: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

120. Приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 26.08.2022 по делу № 1-3/2022: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

121. Приговор Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону от 12.09.2018 по делу № 1-415/2018: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

122. Приговор Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону от 12.05.2022 по делу № 1-132/2022 (1-766/2021): Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

123. Приговор Гагаринского районного суда г. Москвы от 20.12.2016 по делу № 1-485/2016: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

124. Приговор Дзержинского районного суда г. Перми от 04.03.2021 по делу № 1-62/2021: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

125. Приговор Дзержинского районного суда г. Перми от 11.06.2021 по делу № 1-133/2021: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

126. Приговор Домодедовского городского суда Московской области от 14.12.2021 по делу № 1-866/2021: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

127. Приговор Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга от 29.03.2021 по делу № 1-18/2021: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

128. Приговор Железнодорожного районного суда г. Новосибирска от 03.06.2020 по делу № 1-289/19/1-8/2020: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

129. Приговор Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ от 14.05.2019 по делу № 1-34/2019: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

130. Приговор Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 18.08.2017 по делу № 1-292/2017: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

131. Приговор Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 16.11.2018 по делу № 1-269/2018: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

132. Приговор Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 14.04.2022 по делу № 1-41/2022: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

133. Приговор Канского городского суда Красноярского края от 21.01.2020 по делу № 1-74/2020: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

134. Приговор Кировского районного суда г. Уфы от 16.10.2020 № 1-419/2020: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

135. Приговор Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербурга от 12.09.2019 по делу № 1-754/2019: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

136. Приговор Курганского городского суда Курганской области от 19.05.2021 по делу № 1-67/2021: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

137. Приговор Куйбышевского районного суда г. Санкт-Петербурга от 28.12.2020 по делу № 1-57/2020: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

138. Приговор Куйбышевского районного суда г. Санкт-Петербурга от 02.02.2023 по делу № 1-121/2023: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

139. Приговор Курганского городского суда Курганской области от 13.07.2020 № 1-990/2020: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

140. Приговор Ленинского районного суда г. Владивостока от 21.08.2018 по делу № 1-378/2018: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

141. Приговор Ленинского районного суда г. Севастополя от 30.04.2020 по делу № 1-136/2020: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

142. Приговор Ленинского районного суда г. Нижнего Тагила от 04.12.2017 № 1-128/2017: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

143. Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска от 25.05.2022 по делу № 1-122/2022: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

144. Приговор Ленинского районного суда г. Оренбурга от 13.11.2020 по делу № 1-17/2020 (1-633/2019);

145. Приговор Ленинского районного суда г. Севастополя от 30.04.2020 по делу № 1-136/2020: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

146. Приговор Ленинского районного суда г. Ставрополя от 21.12.2021 по делу № 1-535/2021: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

147. Приговор Ленинского районного суда г. Томска от 19.12.2017 по делу № 1-332/2017.

148. Приговор Московского областного суда от 22.04.2019 № 2-15/2019 (2-59/2018): Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

149. Приговор Московского областного суда от 02.10.2020 по делу № 2-83/2020: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

150. Приговор Московского районного суда г. Санкт-Петербурга от 23.01.2019 по делу № 1-137/19: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

151. Приговор Московского районного суда г. Санкт-Петербурга от 18.03.2019 по делу № 1-56/2019: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

152. Приговор Московского районного суда г. Санкт-Петербурга от 07.09.2022 по делу № 1-888/2022: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

153. Приговор Новгородского районного суда Новгородской области от 14.06.2018 по делу № 1-52/2018: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

154. Приговор Октябрьского районного суда г. Орска от 25.10.2017 по делу № 1-184/2017: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

155. Приговор Октябрьского районного суда г. Орска от 19.02.2019 по делу № 1-24/2019 (1-411/2018;): Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

156. Приговор Октябрьского районного суда г. Орска от 05.03.2019 по делу № 1-23/2019 (1-410/2018); Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

157. Приговор Октябрьского районного суда г. Санкт-Петербурга от 10.07.2019 по делу № 1-228/2019: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

158. Приговор Октябрьского районного суда г. Новороссийска от 04.06.2019 по делу № 1-200/2019: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

159. Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Уфы от 06.10.2022 по делу № 1-185/2022: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

160. Приговор Останкинского районного суда г. Москвы от 03.03.2017 по делу № 01-0068/2017: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

161. Приговор Первомайского районного суда г. Ижевска от 06.05.2022 по делу № 1-283/2022: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

162. Приговор Первомайского районного суда г. Краснодара от 02.11.2020 по делу № 1-50/2020 (1-514/2019): Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

163. Приговор Первомайского районного суда г. Краснодара от 02.03.2022 по делу № 1-35/2022: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

164. Приговор Первомайского районного суда г. Омска от 26.09.2017 по делу № 1-348/2017: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

165. Приговор Пресненского районного суда г. Москвы от 05.12.2017 по делу № 1-380/2017: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

166. Приговор Пресненского районного суда г. Москвы от 20.10.2021 по делу № 1-483/2021: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

167. Приговор Первомайского районного суда г. Омска от 13.10.2021 № 1-404/2021: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

168. Приговор Первомайского районного суда г. Омска от 16.12.2022 по делу № 1-494/2022: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

169. Приговор Пятигорского городского суда Ставропольского края от 18.12.2014 по делу № 1-773/2014: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

170. Приговор Свердловского районного суда г. Иркутска от 23.01.2019 по делу № 1-23/2019 (1-923/2018): Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

171. Приговор Советского районного суда г. Владикавказа от 10.12.2018 по делу № 1-676/18: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

172. Приговор Фрунзенского районного суда г. Владивостока от 29.10.2020 по делу № 1-201/2020: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

173. Приговор Фрунзенского районного суда г. Санкт-Петербурга от 29.04.2022 по делу № 1-85/2022 (1-1076/2021): Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

174. Приговор Химкинского городского суда Московской области от 10.09.2020 по делу № 1-311/2020: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

175. Приговор Химкинского городского суда Московской области от 03.09.2021 по делу № 1-707/2021: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

176. Приговор Центрального районного суда г. Новосибирска от 06.02.2017 по делу № 1-22/2017 (1-283/2016): Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

177. Приговор Центрального районного суда г. Читы от 11.10.2021 по делу № 1-599/2021: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

IV. Монографии, учебники, учебные пособия и комментарии

178. Арзамасцев, М.В., Бессонов, К.В., Михайлов, К.В. Валютные преступления (уголовно-правовая характеристика преступлений против установленного порядка обращения валютных ценностей): Учебное пособие. - Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2003.

179. Архипов, Н.А. Вывоз капитала после Второй мировой войны и обострение империалистических противоречий. Л.: Знание, 1958.

180. Белогриц-Котляревский, Л.С. Краткий курс русского уголовного права. Киев, типография «Петр Барский», 1908.

181. Бойцов, А.И. Преступления против собственности. СПб. Юридический центр Пресс. 2002.

182. Брегель, Э.Я. Политическая экономия капитализма. М.: Международные отношения, 1966.

183. Волженкин, Б.В. Экономические преступления. СПб. 1999.

184. Волженкин, Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб. 2007.

185. Гармаев, Ю.П. Внешнеэкономические преступления, связанные с вывозом капиталов за рубеж: комментарий законодательства и методика расследования // СПС КонсультантПлюс. 2002.

186. Герцензон, А.А., Меньшагин, В.Д., Ошерович, Б.С., Пионтковский, А.А. Уголовное право. Особенная часть. Государственные преступления. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938.

187. Дагель, П.С., Котов, Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж: Изд. Воронежского университета, 1974.

188. Дурманов, Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. Государственное издательство юридической литературы. М. 1955.

189. Дуюнов, В.К., Хлебушкин, А.Г. Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика: Монография. — 2-е изд. — М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015.

190. Есаков, Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть [Текст]: монография / Г.А. Есаков. Москва: Издательский дом Высш. шк. экономики, 2019.

191. Жилкин, М.Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы классификации и дифференциации ответственности: монография. М.: Юриспруденция, 2019.

192. Иногамова-Хегай, Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М. 2015 // СПС «Консультант Плюс».

193. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII - VIII.

194. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Р.О. Долотов и др.; под ред. Г.А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2021.

195. Кондрат, Е.Н. Правонарушения в финансовой сфере России. Угрозы финансовой безопасности и пути противодействия. М.: Юстицинформ, 2014.

196. Кригер, Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974.

197. Кудрявцев, В.И. Общая теория квалификации преступлений - 2-е изд., перераб. и дополн. - М., «Юрист», 2004.

198. Кузнецова, Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М.: Издательский Дом «Городец», 2007.

199. Курс уголовного права. Том 1. Общая часть. Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.
200. Кучеров, И.И. Валютно-правовое регулирование в Российской Федерации: эволюция и современное состояние. М.: ИЗиСП, 2018.
201. Крюкова, Н.И., Арестова, Е.Н. Квалификация и расследование преступлений в сфере таможенного дела. М., 2017.
202. Ленин, В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. М.:Директ-медиа, 2014.
203. Лопашенко, Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (Комментарий к главе 22 УК РФ). Ростов-на-Дону, 1999.
204. Лопашенко, Н.А. Бегство капиталов из России и его возвращение. М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез» совместно с ООО «Журнал «Управление персоналом», 2003.
205. Лопашенко, Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: монография. В 2 ч. – М.: Юрлитинформ, 2015.
206. Лопашенко, Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ): монография. В 2 ч. - М.: Юрлитинформ, 2022.
207. Лясколо, А.Н. Финансовые преступления в российском уголовном праве. Проблемы квалификации: монография. – Москва: Проспект, 2022.
208. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3, ч. 1 и 2, книга III. СПб.: Государственное издательство политической литературы, 1951.
209. Мацкевич, И.М. Причины экономической преступности: учебное пособие. - М.: «Проспект», 2017.

210. Наумов, А.В. Российское уголовное право: Курс лекций: в 3 томах. Т. I.: Общая часть / А. В. Наумов. – 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Волтерс Клувер, 2011.

211. Научно-практический комментарий к главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации : в 2-х томах. / [А. А. Грави́на, О. А. Зайцев, М. Г. Жилкин и др.]; ответственные редакторы И. И. Кучеров [и др.]; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. - Москва: Юридическая фирма Контракт, 2020.

212. Неклюдов, Н.А. Общая часть уголовного права (конспект). СПб.: Рус. кн. торговля, 1875.

213. Никифоров, Б.С. Избранное — М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 2010.

214. Пионтковский, А.А. Уголовное право РСФСР: Часть общая / А.А. Пионтковский. - Москва: Гос. изд-во, [1924].

215. Пионтковский, А.А., Редкол.: Пионтковский А.А., Ромашкин П.С., Чхиквадзе В.М. Курс советского уголовного права: Преступление. В 6-ти томах: Часть общая. Т. 2. М., Наука. 1970.

216. Полный курс уголовного права: в 5 томах / [Бойцов А. И. и др.] ; под ред. А. И. Коробеева. Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. Т. 1: Преступление и наказание. Т. 1 / [Голик Ю. В. и др.].

217. Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017.

218. Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М., 2015.

219. Русанов, Г.А. Преступления в сфере экономической деятельности: учебное пособие. Москва: Проспект, 2011.

220. Соболев, М.Н. Очерки финансовой науки. М.: Пролетарий, 1925.
221. Струкова, А.А. Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте: Уголовно-правовая характеристика. СПб. Издательство «Юридический Центр Пресс», 2002.
222. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Т. 1. Тула: Автограф, 2001.
223. Уголовная ответственность за преступления, связанные с нарушением специальных правил: Монография / Колл. авт.: Андрианов В.К., Боровиков В.Б., Мотин О.А. и др.; под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М.: РГУП, 2018.
224. Уголовное право России. Особенная часть: Учеб. / Под ред. И.Э. Звечаровского. М., 2010.
225. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Н.Н. Белокобыльский, Г.И. Богуш, Г.Н. Борзенков и др.; под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012.
226. Уголовное право России. Часть Особенная: учебник для бакалавров / отв. ред. проф. Л. Л. Кругликов. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2014.
227. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / отв. ред. А. И. Рарог. — Москва: Проспект, 2015.
228. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В.А. Блинников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015.
229. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / М. П. Журавлев, А. В. Наумов, С. И. Никулин и др.; под ред. А. И. Рарога. - Изд. 9-е, перераб. и доп. - Москва: Проспект, 2017.
230. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. – Москва: Проспект, 2020.
231. Федякина, Л.Н. Международные финансы. СПб: Питер, 2005.

232. Хаменушко, И.В. Валютное регулирование в Российской Федерации: правила, контроль, ответственность: учеб.-практ. пособие. М.: Норма, 2013.

233. Энциклопедия уголовного права. Т. 19. Преступления в сфере экономической деятельности. – Издание профессора Малинина – СПб ГКА, СПб, 2012.

V. Статьи

234. Аликперов, Х.Д. Компромисс как имманентное свойство уголовного права. // Компромисс в праве: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 29-30 мая 2014 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика, В.М. Баранова, А.В. Парфенова. - Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2014.

235. Архипов, А. Момент окончания хищения // Уголовное право. 2018. № 4. // СПС «КонсультантПлюс».

236. Белоусов, Д.М. Актуальные вопросы расследования незаконного вывода денежных средств за рубеж // Законность. 2015. № 3. С. 11-14. // СПС «КонсультантПлюс».

237. Губарева, А.В. Историко-правовой анализ регулирования внешнеэкономической деятельности в России // История государства и права. 2014. № 2. // СПС «КонсультантПлюс».

238. Данилов, Д.О., Яни, П.С. Арест имущества по уголовному делу об уклонении от уплаты налогов с организации // Законность. 2021. № 2. С. 41-44. // СПС «КонсультантПлюс».

239. Иванов, Н.Г. Статья 76¹ УК РФ: императивы освобождения от уголовной ответственности // Уголовное судопроизводство. 2017. № 1. С. 43-48. // СПС «КонсультантПлюс».

240. Иногамова-Хегай, Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015// СПС «КонсультантПлюс».

241. Кауфман, М.А. К вопросу об основании освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 143-156. // СПС «КонсультантПлюс».

242. Кубанцев, С.П. Уголовно-правовая характеристика объекта преступлений в сфере банкротства // Журнал российского права. 2015. № 7 // СПС «Гарант»

243. Кубанцева, О.О. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК // Уголовное право. 2019. № 6. С. 51-57. // СПС «КонсультантПлюс».

244. Кузнецов, А.П. Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200¹ УК РФ): уголовно-правовая регламентация и вопросы квалификации // Российский следователь. 2015. № 2. С. 29-33. // СПС «КонсультантПлюс».

245. Лисицын, А.Ю. Валютное регулирование и валютный контроль в механизме государственного регулирования внешнеторговой деятельности // Административное и финансовое право. Ежегодник Центра публично-правовых исследований. Том 2. М.: АНО «Центр публично-правовых исследований». 2007. // СПС «КонсультантПлюс».

246. Лисицын, А.Ю. Эффективность системы валютно-правового регулирования внешнеторговой деятельности // Реформы и право. 2008. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

247. Лясколо, А.Н. Разграничение налоговых преступлений и иных общественно опасных деяний // Адвокат. 2016. № 8. С. 61-71. // СПС «КонсультантПлюс».

248. Лясколо, А.Н. Квалификация валютных преступлений: вопросы разграничения и совокупности // Уголовное право. 2017. № 5. // СПС «КонсультантПлюс».

249. Ляскало, А.Н. Вопросы субъективной стороны валютных преступлений (ст. 193, 193¹ УК РФ) // Законодательство. 2017. № 9 // СПС «Гарант».

250. Мамедов, А.А. Специфические особенности квалификации преступлений в сфере валютных операций: вопросы теории и судебной практики // Российский судья. 2012. № 6. С. 20-27 // СПС «КонсультантПлюс».

251. Пантюшов, О.В. Валютный состав преступления по ст. 193¹ УК РФ // Право и экономика. 2021. № 4. С. 75-78 // СПС «КонсультантПлюс».

252. Печегин, Д.А. Объект и предмет валютных преступлений, связанных с уклонением от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств // Финансовое право. 2017. № 11. С. 39-42 // СПС «КонсультантПлюс».

253. Пикуров, Н.И. Четвертая пятилетка УК РФ: востребованность норм об ответственности за экономические преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 29-35 // СПС «КонсультантПлюс».

254. Столповский, Д.М. Историко-правовой анализ регулирования валютного обращения в России в дореволюционный период // История государства и права. 2015. № 21. С. 61-64 // СПС «КонсультантПлюс».

255. Трубникова, И. Анализ нормативно-правовой базы «Дела Рольф» // Административное право. 2019. № 3. С. 87-91 // СПС «КонсультантПлюс».

256. Урда, М. Вопросы квалификации контрабанды денежных средств и (или) денежных инструментов // Уголовное право. 2014. № 3. С. 78-82 // СПС «КонсультантПлюс».

257. Федоров, А.В. Размер контрабанды как квалифицирующий признак состава преступления, предусмотренного статьей 200¹ УК РФ // Российский следователь. 2017. № 20. С. 3-10 // СПС «КонсультантПлюс».

258. Хилюта, В.В. Вина в уголовном праве: поиск новой концепции // Юрист-Правоведь. 2021. № 4. С. 93-99.

259. Яни, П.С. Изменения уголовно-экономического законодательства // Законность. 2014. № 2. // СПС «КонсультантПлюс».
260. Яни, П.С. Вопросы квалификации вывоза капиталов // Законность. 2019. № 1. С. 40-44. // СПС «КонсультантПлюс».
261. Adam Feibelman. The IMF and Regulation of Cross-Border Capital Flows. Chicago Journal of International Law: Vol. 15: No. 2, Article 3.
262. Ahmed Zoromé. Concept of Offshore Financial Centers: In Search of an Operational Definition. IMF Working Paper WP/07/87.
263. Bilge Erten, Anton Korinek, and José Antonio Ocampo. Capital Controls: Theory and Evidence. NBER Working Paper No. 26447. November, 2019.
264. Cockfield, Arthur. Big Data and Tax Haven Secrecy (October 6, 2015). Florida Tax Review, Forthcoming, Queen's University Legal Research Paper No. 062.
265. Dmitry Gololobov, The Yukos Money Laundering Case: A Never-Ending Story, 28:4 MICH. J. INT'L L. 711 (2007)
266. Global Plan for Recovery and Reform: The Communique from the London Summit. Statement Issued by the G20 Leaders. London, April 2, 2009.
267. Harmful Tax Competition: An Emerging Global Issue. P.: OECD Publications, 1998.
268. International Taxation - A Compendium (Set of 4 Volumes) Books by The Chamber of Tax Consultants. Taxmann Publications Private Limited; th Edition, 2021. Vol. 3.
269. James S. Henry. The Price of Offshore Revisited. Tax Justice Network. 2012.
270. Jan Fichtner, Benjamin D. Hennig. The real size and intensity of Offshore Financial Centres. Political Insight. December 2013 DOI: 10.1111/2041-9066.12037
271. Joshua D. Blank, Reconsidering Corporate Tax Privacy, 11 NYU J. LAW & BUS. 31 (2014)

272. Herlin-Karnell, Ester and Ryder, Nicholas James, The Robustness of EU Financial Crimes Legislation: A Critical Review of the EU and UK Anti-Fraud and Money Laundering Scheme (May 1, 2016). *European Business Law Review*, 2017, Forthcoming

273. Kemsley, Deen and Kemsley, Sean and Morgan, Frank T., Tax Evasion and Money Laundering: A Complete Framework. *Journal of Financial Crime*, Forthcoming.

274. Lefeuvre, Elise. Criminalisation of the Use of Offshore Financial Centres in the United Kingdom. September 9, 2014.

275. Menno Broos and Sebastian Grund. The IMF's Jurisdiction Over The Capital Account—Reviewing the Role of Surveillance in Managing Cross-Border Capital Flows. Oxford University Press. *Journal of International Economic Law*, 2018, 21

276. Offshore Financial Centers. IMF Background Paper, prepared by the Monetary and Exchange Affairs Department. June 23, 2000.

277. Prakash Loungani; Paolo Mauro. Capital Flight from Russia. IMF Policy Discussion Paper № 00/6. 2000

278. Richard Gordon and Andrew P. Morriss. Moving Money: International Financial Flows, Taxes, and Money Laundering. 37 *Hastings Int'l & Comp. L. Rev.* 1 (2014)

279. Yaniv, G. 1999. Tax evasion, risky laundering, and optimal deterrence policy. *International Tax and Public Finance* 6.

VI. Диссертации и авторефераты диссертаций

280. Вильде, О.Р. Уголовная ответственность за невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте: теория и практика: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Вильде Оскар Рихардович. - Москва, 2006. – 173 с.

281. Зайцев, А.В. Уголовная ответственность за преступления в финансово-кредитной сфере: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Зайцев Александр Викторович. - Москва, 2002. – 209 с.

282. Лапшин, В.Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.08 / Лапшин Валерий Федорович. - Рязань, 2016. – 446 с.

283. Лисин, А.Н. Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, с использованием оффшорных финансовых центров: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Лисин Александр Николаевич. - Москва, 2006. – 193 с.

284. Макаров, А.Н. Уголовная ответственность за невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Макаров Андрей Николаевич. - Москва, 2008. – 218 с.

285. Мамедов, А.А. Квалификация преступлений в сфере кредитных и валютных операций: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Мамедов Андрей Алиевич. – Москва, 2001. – 175 с.

286. Марковский, М.С. Уголовно-правовые средства противодействия контрабанде наличных денежных средств и (или) денежных инструментов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Марковский Максим Сергеевич. - Екатеринбург, 2019. – 193 с.

287. Никифорова, А.А. Уголовно-правовой механизм противодействия преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Никифорова Алена Анатольевна. - Нижний Новгород, 2017. – 273 с.

288. Нудель, С.Л. Уголовно-правовая охрана финансовых отношений: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Нудель Станислав Львович. - Москва, 2015. - 429 с.

289. Приходько, Н.Ю. Предупреждение органами внутренних дел контрабанды на железнодорожном транспорте: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Приходько Наталья Юрьевна. - Москва, 2015. – 211 с.

290. Струкова, А.А. Уголовно-правовая характеристика невозвращения из-за границы средств в иностранной валюте: дис. ... канд.

юрид. наук: 12.00.08 / Струкова Анжелика Алексеевна. - Санкт-Петербург, 2001. – 186 с.

291. Талан, М.В. Преступления в сфере экономической деятельности: Вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Талан Мария Вячеславовна. - Казань, 2002. – 479 с.

292. Тымчук, Н.Б. Правовые аспекты внешнеэкономической деятельности в современной России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Тымчук Наталья Борисовна. - Москва, 2010. – 181 с.

293. Филатова, М.А. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем, по законодательству России и Австрии: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Филатова Мария Алексеевна. - Москва, 2014. – 208 с.

294. Шустрова, Н.В. Государственное валютное регулирование движения капитала: закономерности и эффективность: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Шустрова Наталья Владимировна. - Санкт-Петербург, 2001. – 189 с.

295. Яни, П.С. Актуальные проблемы уголовной ответственности за экономические и должностные преступления: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Яни Павел Сергеевич. - Москва, 1996. – 425 с.